

2022
N 1 (59)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, Associate
Professor, Honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Академия управления МВД России

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Academy of Management of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ГАНАИМ Х.,
LLD, профессор,
Хайфский университет,
Израиль

GHANAYIM Kh.,
LLD, Professor, University of Haifa
(Israel)

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
Уполномоченный по защите прав
предпринимателей в Омской области

GERASIMENKO Yu.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Lawyer of the Russian Federation,
Commissioner for the Protection of the Rights
of Entrepreneurs in the Omsk region

ГРЕЧКИНА О.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

GRECHKINA O.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

ГРИШКО А.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
Рязанский государственный
университет им. С.А. Есенина

GRISHKO A.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Ryazan State University named for S. Yesenin

ИЛЬЯШЕНКО А.Н.,
доктор юридических наук, профессор,
Кубанский государственный университет

IL'YASHENKO A.N.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Kuban State University

КОЗАЧЕНКО И.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Уральский государственный
юридический университет

KOZACHENKO I.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured worker of science
of the Russian Federation,
Ural State Law University

КОМИССАРОВА Е.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

KOMISSAROVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Perm State National Research University

ЛИПИНСКИЙ Д.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Тольяттинский государственный университет

LIPINSKIY D.A.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Togliatti State University

ЛУНЕЕВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

LUNEEV V.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Поволжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
в г. Саратове

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured worker of science
of the Russian Federation,
Volga Region Institute (branch) of the All-Russian
State University of Justice (Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский
университет МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

**Ответственность за содержание
материалов несут авторы статей.**

**Мнение редакции журнала может
не совпадать с точкой зрения
авторов публикаций.**

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed scientific
journals (2015)**

Партнеры:
Международная ассоциация содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:
International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:
625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

**Address of the Editorial Board, Publisher
and Printing House:** Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редактор Е.В. Карнаухова.

Технический редактор Е.К. Булатова.

Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.

Подписано в печать 28.03.2022. Дата выхода в свет 30.03.2022

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,6.

Тираж 300 экз. Заказ N 004. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Охрана и защита прав человека

БУЧАКОВА М.А. Идея народного суверенитета и обеспечение прав и свобод в отечественной политико-правовой мысли второй половины XIX – начала XX века

6

Section 1. Human rights protection

BUCHAKOVA M.A. The idea of popular sovereignty and ensuring human rights and freedoms in the domestic political and legal thought during the second half of the 19th and early 20th century

Раздел 2. Юридическая конституциология

КОЖЕВНИКОВ О.А., МЕЩЕРЯКОВ А.Н. Основные направления взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и органов местного самоуправления: правовые и организационные аспекты

13

Section 2. Legal Constitutionology

KOZHEVNIKOV O.A., MESHCHERYAKOV A.N. The main areas of interaction between the internal affairs bodies of the Russian Federation and local self-government bodies: legal and organizational aspects

Раздел 3. Уголовный закон

ШУРПАЕВ Ш.М. Некоторые проблемы квалификации хищений, совершаемых представителями организации-поставщика (подрядчика, исполнителя) и должностными лицами заказчика, в сфере государственных и муниципальных закупок

23

Section 3. Criminal law

SHURPAEV Sh.M. Some problems of qualifying embezzlement committed by representatives of the supplier organization (contractor) and officials of the customer in the field of public and municipal procurement

КОРНЕЕВ С.А. Возмещение ущерба или иное заглаживание вреда в уголовном праве: законодательные рамки или свобода правоприменителя?

32

KORNEEV S.A. Compensation for damage or other reparation for harm in criminal law: legislative framework or freedom of the law enforcer?

Раздел 4. Криминологическая наука

КРАСОВСКАЯ О.Ю., ЗАЙЦЕВА О.В. Институты российского профилактического права: система и правовые характеристики

39

Section 4. Criminology

KRASOVSKAYA O.Yu., ZAITSEVA O.V. Institutions of the Russian preventive law: system and legal characteristics

Раздел 5. Уголовно-процессуальное обозрение

ШИПУНОВА О.В. Защита прав и законных интересов потерпевшего, умершего в ходе производства расследования по уголовному делу

48

Section 5. Criminal procedural review

SHIPUNOVA O.V. Protection of rights and legitimate interests of the victim who died during the criminal investigation

ДРАНИЧНИКОВА Н.В. Определение размера взыскания процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве: проблемные аспекты теории, законодательства, практики

55

DRANICHNICKOVA N.V. Determining the amount of procedural costs recovery in criminal proceedings: problematic aspects of theory, legislation, practice

Раздел 6. Компаративистика и зарубежный опыт

МАЙОРОВ В.И. Институт административной юстиции в странах Западной Европы: компаративное исследование

62

Section 6. Comparative studies and foreign experience

MAYOROV V.I. The institution of administrative justice in Western European countries: a comparative research

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ЧЕРНЫШЕВ Д.Б. Проблемы уголовно-правовой квалификации самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам

70

Section 7. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

CHERNYSHEV D.B. Problems of criminal law qualification of unauthorized connection to oil pipelines, oil product pipelines and gas pipelines

МЕЛЬНИКОВА О.А. Внесение представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, как вид профилактической деятельности следователя на стадии предварительного расследования (постановка проблем)

78

MELNIKOVA O.A. Issuing an order on eliminating the causes and factors influencing the commission of crime as a type of preventive activity of the investigator at the stage of preliminary investigation (problem statement)

ЧЕПИК И.В. Отдельные вопросы правового регулирования освобождения подозреваемых и обвиняемых из-под стражи

85

CHEPIK I.V. Some issues concerning the legal regulation of the release of suspects and accused persons from custody

Раздел 8. In memoriam

Виктор Васильевич Лунеев (1932–2022)

95

Section 8. In memory

Victor Vasilyevich Luneev (1932–2022)

Раздел 1. Охрана и защита прав человека

Научная специальность: 12.00.01; 12.00.02 (5.1.1; 5.1.2)

Идея народного суверенитета и обеспечение прав и свобод в отечественной политико-правовой мысли второй половины XIX – начала XX века

Марина Александровна Бучакова,

доктор юридических наук, доцент, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омск, Россия, mb290163@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1149-5315>

Аннотация. В научной статье анализируется идея народного суверенитета в преломлении прав и свобод человека и гражданина, а также государственной деятельности по их обеспечению в исследованиях отечественной политико-правовой мысли второй половины XIX – начала XX века. Констатируется, что именно в этих исследованиях впервые в российской юриспруденции идея народного суверенитета получила глубокое осмысление. Взгляды теоретиков права изучаемого исторического периода свидетельствуют о формировании подходов к пониманию правового статуса человека и гражданина и его взаимосвязи с народным суверенитетом. Автором сделан вывод о том, что, несмотря на выявленные различия в позициях ученых относительно данной научной проблематики, их приверженность разным научным школам, ведущий концептуальный тезис отечественной политико-правовой мысли второй половины XIX – начала XX века созвучен конституционной теории современного периода о взаимосвязи народного суверенитета как власти народа и приоритета прав и свобод, которые должны защищаться и обеспечиваться государством.

Ключевые слова: народный суверенитет, права, свободы, гарантии, правовая мысль

Для цитирования: Бучакова М.А. Идея народного суверенитета и обеспечение прав и свобод в отечественной политико-правовой мысли второй половины XIX – начала XX века // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 1 (59). С. 6-12.

The idea of popular sovereignty and ensuring human rights and freedoms in the domestic political and legal thought during the second half of the 19th and early 20th century

Marina A. Buchakova,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk, Russia, mb290163@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1149-5315>

Abstract. The idea of popular sovereignty in the context of human and civil rights and freedoms, as well as the state activities to ensure them in the political and legal studies in Russia during the second half of the 19th and early 20th century is analyzed in the article. It is stated that the idea of popular sovereignty gained a deep understanding for the first time in the Russian jurisprudence exactly in these studies. The views of the scientists who developed legal theories during the studied historical period indicate the formation of the approaches to understanding the legal status of a person and a citizen and its interrelation with popular sovereignty. The author comes to the conclusion that, despite the revealed differences concerning the views of the scientists on this scientific problem and their commitment to different scientific schools, the leading concept of the domestic political and legal thought of the second half of the 19th and early 20th century is consonant with the constitutional theory of the modern period of time about the relationship of popular sovereignty as the power of the people and the priority of rights and freedoms that must be protected and provided by the state.

Keywords: popular sovereignty, rights, freedoms, guarantees, legal thought

For citation: Buchakova M.A. The idea of popular sovereignty and ensuring human rights and freedoms in the domestic political and legal thought during the second half of the 19th and early 20th century // *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2022. No. 1 (59). P. 6-12.

С момента своего возникновения и до настоящего времени понятие «суверенитет» находится в центре пристального внимания ученых. Предложенное еще в XVI столетии французским философом Ж. Боденом, оно практически сразу стало одной из основных категорий европейской науки государственного права. Менялась его интерпретация, расширялись и ограничивались его пределы, по-разному трактовалась его принадлежность. Тем не менее суверенитет безоговорочно признавался важнейшим признаком юридической характеристики государства и на протяжении четырех столетий был предметом политико-правовой рефлексии профессиональных юристов.

Следует констатировать, что идея народного суверенитета, выдвинутая Ж.-Ж. Руссо, получила развитие в научной мысли XIX и XX веков и заняла достойное место не только в теории права, но и в правоприменительной деятельности современного государственного строительства. В настоящее время принцип народного суверенитета является одним из важнейших принципов Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации).

Становление и формирование категории «народный суверенитет» происходило в рамках европейской политико-правовой идеологии (Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк, Ш. Л. Монтескье, И. Кант и др.). При этом вне поля зрения современных ученых оказался опыт осмысления идеи народного суверенитета российскими правоведами второй половины XIX – начала XX века. Правовые теории таких выдающихся ученых, как В.М. Гессен, А.Д. Градовский, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, П.И. Новгородцев, Б.Н. Чичерин, несомненно, представляют научный интерес, поскольку именно в них (на основе тщательного исследования теоретических работ наиболее авторитетных европейских юристов и анализа норм конституционного права ведущих европейских государств и

США) впервые в российской юриспруденции осуществляется глубокое осмысление идеи народного суверенитета, разрабатываются конституционные проекты, направленные на ее реализацию.

Народный суверенитет дореволюционными учеными трактуется как верховенство народа и в контексте данного явления особое внимание уделяется проблематике обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Теория прав и свобод человека строится в контексте формирования и развития правового государства и народного суверенитета. Данная теория характеризуется демократичностью, гуманностью, справедливостью, правозащитной направленностью, практико-ориентированностью. В трудах отечественных правоведов возникает уникальный для России опыт осмысления приоритета прав и свобод человека, вытекающих из идеи верховенства народа как источника государственной власти.

В основе теорий прав и свобод человека представителей школы естественного права лежит философское представление о диалектике должного сущего. Именно поэтому аргументация необходимости конституционного закрепления прав и свобод человека в их учениях опирается на доводы, вытекающие из критической оценки Российского государственного строя конца XIX века.

Б.Н. Чичерин первым в российской юридической науке выдвинул тезис о том, что реализация прав и свобод граждан возможна только при устранении в ходе исторического развития противоречий между естественным и позитивным правом [1, с. 60]. В своем учении правовед указывает на существование личной свободы и политической свободы, которые неравнозначны по своему значению. Истинной, вытекающей из природы человека как разумно-нравственного существа, олицетворяющей его независимость, автор называет личную свободу.

Гарантией и восполнением личной независимости Б.Н. Чичерин называет политическую свободу. Содержание полити-

ческой свободы, по Б.Н. Чичерину, составляло право человека на осуществление государственной власти. Ученый в целях надлежащего функционирования государства обосновывает имущественные и образовательные критерии политической дееспособности, призванные допустить к государственному управлению только способных лиц. В задачи обладателей политических прав входило обеспечение личной свободы всех граждан, в том числе и политически недееспособных. Политическая свобода в учении Б.Н. Чичерина представляла собой завершающий этап государственно-правового развития. Следует отметить, что свободу слова, преподавания и печати, свободу собраний, товариществ и прошений ученый относил к личным правам, которые обладают политическим значением. В отличие от других прав, их предназначение, по Б.Н. Чичерину, заключается в обеспечении реализации политических прав. Вектор будущего развития Российской государственности, по мысли Б.Н. Чичерина, направлен на утверждение правового государства, основанного на началах свободы и права.

Также Б.Н. Чичерин отразил в своей теории прав и свобод человека такие категории, как частный и общий интерес. К последнему ученый относил безопасность, заботу о благосостоянии народа и права, обусловленные международными отношениями. Он считал, что государство, руководствуясь совокупными интересами народа, может ограничить права отдельного человека. Последователи теории Б.Н. Чичерина о правах и свободах человека в своих учениях особое внимание уделяли вопросу вмешательства государства в сферу личных интересов. С этим связано широкое употребление ими понятия «субъективные публичные права» [1, с. 23-40]. В.М. Гессен считал их наличие признаком, отличающим гражданина от подданного. По мнению ученого, в конституционном государстве гражданин является субъектом власти, в абсолютном государстве подданный — объект власти. В зависимости от статуса прав, их роли в обществе В.М. Гессен выделяет права негативного, позитивного и активного статуса [2, с. 32-33]. Права негативного статуса признаются ученым неотъемлемыми

и их ограничение со стороны государства считается недопустимым. К ним правовед относит свободу слова, вероисповедания, передвижения и др. Под правами позитивного статуса мыслитель понимает меру возможного поведения лица, вытекающего из оказания ему государственных услуг, и относит к ним право на судебную защиту, образование, медицинскую помощь и т.д. Права на участие в государственной власти ученый называет правами активного статуса, или политическими. Среди последних автор признает наиболее важным избирательное право, связанное с осуществлением идеи народного суверенитета в форме непосредственного волеизъявления при подаче голосов, а также деятельности в представительных органах государственной власти, местного самоуправления и суда.

Схожая типология прав и свобод человека была предложена Б.А. Кистяковским, но, в отличие от В.М. Гессена, правовед указывает на их иерархическую связь и отдает приоритет свободам личности от государства [3, с. 152]. Следует отметить, что теоретики права часто указывали на условность деления прав и свобод человека на виды, поскольку личные права использовались для обоснования политических и воспринимались как косвенное средство для участия в государственном управлении.

Правовую сущность государства, по мнению представителей школы возрожденного естественного права, характеризовала возможность реального воплощения основных прав и свобод человека. К ним ученые относили права, закрепленные в государственных законах конституционного, учредительного характера. Так, Б.А. Кистяковский указывает, что государство, в котором существует вероятность отмены, временного упразднения или ограничения основных прав и свобод, не является правовым, власть в нем, независимо от формы правления, носит насильственный характер. Опасаясь препятствий для обеспечения прав и свобод в абсолютном государстве, где сувереном является народ, мыслители выдвигали идеи, направленные на их устранение [4, с. 144].

К системе гарантий реализации прав и свобод человека следует отнести сово-

купность социальных, материальных, политических и правовых средств. Среди социальных гарантий осуществления прав и свобод личности учеными особое значение отводится состоянию правосознания общества. Как считает С.А. Котляревский, действенность субъективных прав в государстве обеспечивается пониманием всем народом важности индивидуальных прав, сознанием их неприкосновенности со стороны государства, готовностью их защищать [5, с. 127]. Н.И. Лазаревский связывает рост правосознания с участием народа в государственном управлении, которое приводит к увеличению силы общественного мнения, развитию самосознания общества и заинтересованности в расширении политических правомочий [6, с. 151].

К материальным гарантиям прав и свобод личности ученые относят имущественные и неимущественные блага, которые позволяют обеспечить личную независимость людей друг от друга и от государства. В ряду политических средств обеспечения прав и свобод человека наибольшее значение учеными отводилось организации государственной власти на основе разделения (обособления) властей.

Еще одним средством выступает статус гражданства. Гражданство является устойчивой правовой связью между гражданином и государством, проявляющейся в совокупности прав и свобод и обязанностей. Интересно, что современный подход к проблематике гражданства созвучен размышлениям ученых конца XIX века. Так, В.М. Гессен понимает под ним юридический факт, порождающий совокупность правоотношений между человеком и государством. Отличительная особенность точки зрения В.М. Гессена на институт гражданства заключается в том, что ее основу составляет учение о правах человека, а не о его обязанностях [7, с. 151-152].

Аналогичной позиции придерживается Б.А. Кистяковский, который указывает следующее: государственный строй правового государства несовместим с подавлением личности; народ в правовом государстве должен быть не только объектом, но и субъектом властвования; подданство в нем должно трансформироваться в гражданство. Особую роль представители школы возрожденного естественного

права отводят правовым гарантиям реализации прав и свобод человека, в числе которых на первое место ставят административную юстицию. Она во многом производна от теории разделения властей, в перечень ее задач ученые включают судебный контроль за законностью нормативных и правоприменительных актов, исходящих от исполнительной власти, конституционный надзор за соответствием принимаемых в государстве законов и институт обжалования действий должностных лиц в судебном порядке. Предназначение административной юстиции в государстве Б.А. Кистяковский видит в достижении целесообразности государственного управления. По мнению автора, она должна определяться интересами народа, закрепленными в позитивном праве, которое создается демократическим путем. При помощи административной юстиции, по Б.А. Кистяковскому, в том числе должна была производиться проверка правоприменительных и подзаконных актов на соответствие нормам существующего объективного права [8, с. 361].

По дискуссионному для рассматриваемого времени вопросу о необходимости создания специализированных судебных органов для разрешения административно-правовых споров интересна позиция В.М. Гессена, согласно которой природа конфликта, возникающего между гражданином и государством, требует от судьи особой квалификации, отсутствующей у судей общей юрисдикции. Именно концепт, предложенный В.М. Гессеном, стал прообразом модели административной юстиции, которая реализовывалась в период существования Временного правительства.

Следующей правовой гарантией правоведы считали наличие ответственности министров. Ученые полагали, что в конституционном государстве, в отличие от абсолютного, установление ответственности органов исполнительной власти перед народным представительством, учредительной властью народа и судом является важным инструментом для обеспечения прав и свобод человека. Так, В.М. Гессен считал, что в республике правительство в лице обязанных должностных лиц должно нести политическую и уголовную ответ-

ственность перед верховной государственной властью, то есть перед народом непосредственно или в лице народного представительства. Если представители школы возрожденного естественного права в своих рассуждениях опираются на категорию должного, то для учений о правах и свободах человека сторонников социологического позитивизма характерно сочетание должного и сущего. Представители социологической юриспруденции второй половины XIX – начала XX века единодушны в том, что на юридическое знание оказывают влияние социология и история.

Ученые данного направления, опираясь на позитивистскую теорию познания, в отличие от сторонников юридического позитивизма, трактуют право через его содержание и обосновывают свои взгляды посредством критики существующих подходов. Так, М.М. Ковалевский критикует юридический позитивизм за признание им юридического полновластия абсолютного государства, необязательности для него конституции, вторичности закрепленных в ней прав и свобод личности, произвола правительства по отношению к подданным [9, с. 221-223]. Несостоятельность доктрины естественного права правовед видел в недооценке роли государства в вопросе ограничения прав и свобод личности, метафизическом представлении естественного права об основных правах и свободах человека.

С целью преодоления указанных противоречий М.М. Ковалевский предлагает понятие человеческой солидарности. Ученый обосновывает взаимную обусловленность права, государства и человеческой солидарности и приходит к выводу о том, что в зависимости от исторических условий прослеживается корреляция между требованиями человеческой солидарности об объеме прав и свобод и пределами в них государственного вмешательства. Праву ученый отводит независимое от государства положение и связывает его с общественным развитием. Более того, М.М. Ковалевский рассматривает право как явление, стоящее над государством, обязательное для него. По мнению М.М. Ковалевского, государство в законодательстве закрепляет право, которое вытекает из требований общественной соли-

дарности. Необходимым условием общественной солидарности правовед признает свободу личности, а государство считает ее защитником. Как утверждает ученый, в основе государственного устройства, функционирования государственных органов должен лежать принцип незыблемости личной свободы и самоопределения человека. Границу самоопределения отдельной личности ученый видит в самоопределении других людей, когда говорит, что каждый входящий в состав политического сообщества вправе требовать признания этим сообществом своей неприкосновенности. М.М. Ковалевский также не разделяет подход о существовании прирожденных и неотъемлемых прав личности и считает подобные декларации тормозом политического развития. При этом он признает пользу отдельных исторических периодов, ссылаясь в качестве примера на Декларацию прав человека и гражданина 1789 года.

М.М. Ковалевский делит права человека на базовые (свобода совести, слова, петиций) и производные (свобода стачек, митингов, ассоциаций) [10, с. 23-25]. Последние правовед считает приоритетными, обеспечивающими публичные права. Под политическими правами он понимает права гражданина, вытекающие из его участия в государственном управлении. К ним автор традиционно относит право избирать и быть избранным на государственные должности, право на участие в правотворческой деятельности, всеобщее избирательное право. Согласно его позиции публичные права вытекают из свободы гражданина по отношению к государству и имеют революционное происхождение. Среди них правовед называет свободу от произвольного задержания государственными властями, свободы вероисповедания, печати, сходов и обществ. Важное место в теории М.М. Ковалевского о правах и свободах человека занимает учение об их гарантиях. Необходимым средством полноправия граждан ученый считает реализацию народного суверенитета в формах местного и общего самоуправления.

К процессуальным гарантиям обеспечения прав и свобод человека М.М. Ковалевский относит замену ареста иной мерой, не связанной с ограничением свобо-

ды, неприкосновенность жилища в ночное время, отсутствие обратной силы закона.

Другой представитель социологического позитивизма, Н.М. Коркунов, считает теорию прав и свобод человека М.М. Ковалевского поверхностной и требующей более сложных обоснований. Автор видит в ослаблении государственного вмешательства в сферу личной свободы человека предпосылку к вмешательству в нее иных общественных союзов — церкви, семьи, сословия, общины и т.д. Не лучшим образом на обеспечение прав и свобод человека влияет, по мысли Н.М. Коркунова, и абсолютное государство, которое осуществляет власть по собственному праву. В качестве гарантии от государственного вмешательства в права и свободы человека мыслитель называет такие характерные проявления народного суверенитета, как наделение граждан политическими правами и укрепление народного представительства. Существенное внимание в своем учении Н.М. Коркунов уделяет обоснованию содержания политических прав граждан. Под ними ученый понимает права распоряжения властью, которые являются также и обязанностями. Реализуя свое право на участие в государственной власти, гражданин, по мысли правоведа, обязан действовать в соответствии с общественным интересом. При этом Н.М. Коркунов выступает противником цензовой системы, которая ограничивает политические права граждан. Обеспечение прав и свобод человека мыслитель видит в активном участии граждан в управлении государством. Так же как и представители теории естественного права, ученый среди

гарантий прав и свобод человека называет институты разделения властей и административной юстиции. Среди иных гарантий следует указать на общий надзор государства и общества за деятельностью органов управления, реализуемый посредством петиций. Автор предлагает предоставить данное право всем гражданам, поскольку оно выступает связующим звеном взаимодействия гражданского общества и правового государства.

Подводя итог, следует отметить, что размышления российских ученых конца XIX — начала XX века способствовали формированию российского конституционализма, развитию науки о правовом статусе личности и правах и свободах, являющихся их ядром. Теоретиками права выработаны представления об обеспечении прав и свобод человека и гражданина, связанные в первую очередь с развитием правового конституционного государства. В качестве средств, способствующих реализации прав и свобод, ученые называют осуществление в государстве начал, неразрывно связанных с идеей народного суверенитета, таких как разделение властей, административная юстиция, ответственность исполнительных органов перед народным представительством, местное самоуправление.

Значение идеи народного суверенитета в вопросе обеспечения прав и свобод человека не подвергается сомнению. Опыт осмысления приоритета прав и свобод человека вытекает из идеи верховенства народа и обусловлен тем, что народный суверенитет выступает источником государственной власти.

Список источников

1. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки: в 3 ч. Ч. 1. Москва, 1894. 492 с.
2. Гессен В.М. Возрождение естественного права. Санкт-Петербург: Типография СПб. о-ва Е. Евдокимов, 1902. 43 с.
3. Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: сб. ст. о русской интеллигенции. Репринт. изд. 1909 г. Москва: Новости, 1990. С. 97-126.
4. Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. N 6. С. 141-159.
5. Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. Санкт-Петербург: Изд. Н. Глаголева, 1908. 242 [1] с.
6. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. 3-е изд. Т. 1. Санкт-Петербург, 1913. 672 с.
7. Гессен В.М. Подданство, его установление и прекращение. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. «Правда», 1909. X, 448 с.
8. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. Москва, 1916. 704 с.

9. Ковалевский М.М. Общее конституционное право. Санкт-Петербург: Изд. студента Н. П-м, 1908. 386 с.
10. Ковалевский М.М. Учение о личных правах. Москва: Изд. В.М. Саблин, Тип. рус. товарищества, 1905. 46 с.

References

1. Chicherin B.N. Course of state science. In 3 parts. Part 1. Moscow, 1894. 492 p. (In Russ.).
2. Gessen V.M. The revival of natural law. St. Petersburg, St. Petersburg Printing House. Society E. Evdokimov, 1902. 43 p. (In Russ.).
3. Kistyakovskiy B.A. In Defense of Law (Intelligentsia and Legal Consciousness). Milestones: a collection of articles about the Russian intelligentsia. Reprint. edition. 1909. Moscow, Nowosti Publ., 1990. Pp. 97-126. (In Russ.).
4. Kistyakovskiy B.A. Legal and socialist state. Questions of Philosophy, 1990, no. 6, pp. 141-159. (In Russ.).
5. Kovalevskiy M.M. Essays on the history of political institutions in Russia. St. Petersburg, 1908. 242 [1] p. (In Russ.).
6. Lazarevskiy N.I. Russian state law. Volume 1. St. Petersburg, 1913. 672 p. (In Russ.).
7. Gessen V.M. Citizenship, its establishment and termination. Volume 1. St. Petersburg, Pravda Printing House, 1909. X, 448 p. (In Russ.).
8. Kistyakovskiy B.A. Social sciences and law. Essays on the methodology of the social sciences and the general theory of law. Moscow, 1916. 704 p. (In Russ.).
9. Kovalevskiy M.M. General constitutional law. St. Petersburg, 1908. 386 p. (In Russ.).
10. Kovalevskiy M.M. The doctrine of personal rights. Moscow, 1905. 46 p. (In Russ.).

Раздел 2. Юридическая конституциология

Научная специальность: 12.00.02; 12.00.14 (5.1.2)

Основные направления взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и органов местного самоуправления: правовые и организационные аспекты

Олег Александрович Кожевников,

доктор юридических наук, профессор, Уральский государственный юридический университет; Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, jktu1976@yandex.ru

Александр Николаевич Мещеряков,

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия, 12.00.02@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9676-2816>

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и организационные аспекты основных направлений взаимодействия органов внутренних дел и органов местного самоуправления, входящих в единую систему публичной власти Российской Федерации. Отмечается, что до конституционной реформы 2020 года основным направлением взаимодействия указанных субъектов являлась охрана общественного порядка как одна из форм защиты и обеспечения конституционных прав граждан органами власти. С конституционным закреплением в 2020 году концепции единой системы публичной власти актуализировались вопросы как правовой регламентации взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и органов местного самоуправления, так и расширения сфер возможного взаимодействия, не ограничиваясь вопросами охраны общественного порядка. Авторами разрабатываются теоретические основы дальнейшего изучения различных аспектов взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и органов местного самоуправления в рамках формирующейся единой системы публичной власти для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Ключевые слова: органы внутренних дел, органы местного самоуправления, вопросы местного значения, система публичной власти, взаимодействие органов власти, конституционная реформа

Для цитирования: Кожевников О.А., Мещеряков А.Н. Основные направления взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и органов местного самоуправления: правовые и организационные аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 1 (59). С. 13-22.

The main areas of interaction between the internal affairs bodies of the Russian Federation and local self-government bodies: legal and organizational aspects

Oleg A. Kozhevnikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Ural State Law University, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, jktu1976@yandex.ru

Aleksandr N. Meshcheryakov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russia, 12.00.02@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9676-2816>

Abstract. The legal and organizational aspects concerning the main areas of interaction between the internal affairs bodies and local self-government bodies that are the part of the unified system of public

© Кожевников О.А., Мещеряков А.Н., 2022

authority of the Russian Federation are analyzed in the article. It is emphasized that before the constitutional reform carried out in 2020, the main area of interaction between these subjects was the maintenance of public order as one of the forms of protecting and ensuring the constitutional rights of citizens by the authorities. After the concept of the unified system of public authority was enshrined in the Constitution in 2020, the issues of the legal regulation of the interaction between the internal affairs bodies of the Russian Federation and the bodies of local self-government, as well as the issues of expanding the scope of possible interaction, were actualized, not being limited to the matters concerning only public order protection. The authors of the article develop the theoretical foundations for further study of various aspects of the interaction between the internal affairs bodies of the Russian Federation and the bodies of local self-government within the framework of the unified system of public authority being formed and developed for the most effective solution of tasks in the interests of the population living on the respective territory.

Keywords: internal affairs bodies, local self-government bodies, local issues, public authorities, interaction between authorities, constitutional reform

For citation: Kozhevnikov O.A., Meshcheryakov A.N. The main areas of interaction between the internal affairs bodies of the Russian Federation and local self-government bodies: legal and organizational aspects // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 1 (59). P. 13-22.

30 января 2020 г. на заседании Совета по развитию местного самоуправления Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Органы местного самоуправления не входят в систему государственной власти, но они находятся, естественно, здесь, а не где-то там, в космическом пространстве, на Луне. Они часть нашего общества, страны и системы управления. А их самостоятельность в пределах своих полномочий не означает разорванности, разделенности единого политического, экономического, культурного, транспортно-пространства России. Напротив, четкое исполнение своих обязанностей каждым уровнем власти, их тесное взаимодействие между собой, деловое партнерство — это основа и гарантия выполнения наших планов по повышению качества жизни граждан Российской Федерации...»*.

Также нельзя не вспомнить слова главы государства, изложенные в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г., о необходимости закрепления в Конституции Российской Федерации принципов единой системы публичной власти, выстраивания эффективного взаимодействия между государственными и муниципальными органами. При этом, как он отметил, полномочия и реальные возможности местного самоуправления — самого близкого к людям уровня власти — должны быть расширены и укреплены**.

* См.: Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru>

** Рос. газ. 2020. 16 янв.

Таким образом, относительно появления в рамках конституционного законодательства новой правовой категории «единая система публичной власти» следует констатировать, что она направлена в первую очередь на создание оптимальных условий для качественного и эффективного взаимодействия между уровнями государственной власти и местного самоуправления для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории, что и закреплено в ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации.

Возможный состав органов местного самоуправления в муниципальных образованиях определен ст. 34 Федерального закона от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»*** (далее — Закон о принципах местного самоуправления), при этом каждый из них наделяется собственными полномочиями по решению вопросов местного значения.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. N 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации»****

*** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. N 40. Ст. 3822.

**** Там же. 2016. N 52 (ч. V). Ст. 7614.

территориальные органы МВД России по районам, городам и иным муниципальным образованиям входят в состав единой централизованной системы МВД России. Положение о данных территориальных органах утверждено приказом МВД России от 5 июня 2017 г. N 355 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне»*. Согласно п. 6 названного Типового положения территориальные органы МВД России в муниципальных образованиях при решении совместных задач обеспечивают взаимодействие с органами местного самоуправления.

С учетом ранее упомянутых изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации и конституционное законодательство в целом, в части формирования единой системы публичной власти и обозначенных в ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации целей ее создания представляется, что назрела очевидная необходимость формирования обновленных правовых и организационных основ взаимодействия между уровнями публичной власти, в частности между органами внутренних дел Российской Федерации и органами местного самоуправления, поскольку без указанных основ на современном этапе развития общественных отношений невозможно в одиночку ни эффективно решать актуальные задачи оперативно-служебной деятельности, ни обеспечивать решение установленных законодательством вопросов в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Базовые правовые начала взаимодействия органов внутренних дел и органов местного самоуправления определены Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»** (далее — Закон о полиции). Статьей 10 указанного закона предписано осуществление деятельности полиции во взаимодействии с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами,

общественными объединениями, организациями и гражданами. При этом взаимодействие не ограничивается исключительно вопросами правоохранительной направленности. С одной стороны, полиции предоставлено право использования возможностей муниципальных властей, поскольку органы местного самоуправления и их должностные лица должны оказывать полиции содействие при выполнении возложенных на нее обязанностей. С другой стороны, полиция обязана в пределах своих полномочий оказывать содействие муниципальным властям и иным ранее перечисленным субъектам.

Следует отметить, что большинство научных публикаций, посвященных вопросам взаимодействия органов внутренних дел и органов местного самоуправления, как правило, сведено к анализу взаимодействия по вопросам охраны общественного порядка [1; 2; 3]. Это вполне оправданно, поскольку до внесения в ч. 1 ст. 132 Конституции Российской Федерации изменений*** среди четырех основных вопросов местного значения наряду с муниципальной собственностью, местным бюджетом, местными налогами и сборами была обозначена охрана общественного порядка. После внесения изменений данное полномочие было заменено доступностью медицинской помощи. Однако это не означает, что охрана общественного порядка абсолютно исключена из сферы ответственности местных властей. Данное полномочие в настоящее время регулируется не Конституцией Российской Федерации, а Законом о принципах местного самоуправления, который к вопросам местного значения муниципального района относит организацию охраны общественного порядка муниципальной милицией (п. 8 ч. 1 ст. 15). В дополнение к аналогичному полномочию муниципального, городского округа (п. 9 ч. 1 ст. 16) к их компетенции закон также относит оказание поддержки гражданам и их объединениям, участвующим в охране обще-

*** О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ // Там же. 2020. N 11. Ст. 1416.

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

ственного порядка, создание условий для деятельности народных дружин (п. 37 ч. 1 ст. 16). Это же относится и к вопросам местного значения внутригородского района (п. 13 ч. 1 ст. 16.2).

Таким образом, в ходе конституционной реформы 2020 года авторы поправок устранили имевшееся в первоначальном тексте Конституции Российской Федерации противоречие, когда целое направление охраны общественного порядка было передано на муниципальный уровень. Возможно, в то время, в период действия Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. N 1026-1 «О милиции», выделявшего в системе милиции милицию общественной безопасности, которая финансировалась и за счет средств муниципального бюджета, это было отчасти оправданно. В современных условиях, когда полиция является составной частью МВД России — федерального органа исполнительной власти, закрепление за органами местного самоуправления всего объема полномочий по охране общественного порядка уже не соответствовало конституционной модели разграничения предметов ведения и полномочий.

В связи с этим в настоящее время деятельность органов местного самоуправления в указанной сфере правоотношений конкретизирована в объеме оказания поддержки гражданам и их объединениям правоохранительной направленности и деятельностью муниципальной милиции. Вопросы организации взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и органов местного самоуправления по данному направлению деятельности получили широкую поддержку в научной среде и продолжают исследоваться [4; 5; 6; 7].

Вместе с тем лишь охрана общественного порядка — это неоправданно узкое понимание объема и правовых возможностей взаимодействия представителей федеральной и муниципальной власти в рамках формирующейся конституционно-правовой конструкции «единая система публичной власти». В связи с этим объективно назрела необходимость более развернутого рассмотрения направлений взаимодействия между органами внутренних дел Российской Федерации и органами

местного самоуправления, прежде всего в части решения вопросов местного значения, а также иных, входящих в зону ответственности местных властей вопросов, которые предусмотрены Законом о принципах местного самоуправления и другими нормативными правовыми актами.

Например, в перечень вопросов местного значения муниципального и городского округа отнесена дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах муниципального, городского округа и обеспечение безопасности дорожного движения на них. Нет сомнения, что при осуществлении указанного вопроса наблюдается самое тесное взаимодействие органов местного самоуправления и органов внутренних дел не только в рамках осуществления последними полномочий по федеральному государственному контролю (надзору) в области безопасности дорожного движения. В качестве примера можно привести размещение дорожных знаков, разметки, проектирования и реконструкции дорог в границах муниципального образования, которое невозможно реализовать без налаженного и конструктивного взаимодействия ранее упомянутых органов местной и федеральной власти и обеспечить охрану жизни, здоровья и имущества граждан, защиту их прав и законных интересов, а также защиту интересов общества и государства путем предупреждения дорожно-транспортных происшествий, снижения тяжести их последствий, что и является главной задачей, определенной в Федеральном законе от 10 декабря 1995 г. N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»*.

При организации взаимодействия по данному направлению необходимо в первую очередь наладить качественный и своевременный информационный обмен. Вместе с тем, как отмечается в юридической литературе, в ряде субъектов Российской Федерации до сих пор отсутствуют надлежащие правовые основы, обеспечивающие предоставление соответствующей информации и доступа к ней как со стороны органов внутренних дел, так и органов

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 50. Ст. 4873.

местного самоуправления [8, с. 120]. Порядок обмена информацией, необходимой для осуществления дорожной деятельности, включая обеспечение безопасности дорожного движения, не обязательно должен регулироваться соответствующими подзаконными нормативными правовыми актами. Поскольку правовая основа взаимодействия органов внутренних дел с органами местного самоуправления определена федеральным законодательством, постольку обмен соответствующей информацией может осуществляться на основании двусторонних или многосторонних соглашений. Важна сама система интеграции и организации беспрепятственного обмена информацией по указанным вопросам местного значения.

Другим важнейшим направлением взаимодействия органов внутренних дел и органов местного самоуправления является профилактика правонарушений среди несовершеннолетних, в том числе обучающихся общеобразовательных организаций, профессиональных образовательных организаций, образовательных организаций высшего образования. Указанная сфера взаимодействия регулируется положениями Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»*, Федерального закона от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»**, требованиями приказов МВД России от 17 января 2006 г. N 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»***, от 15 октября 2013 г. N 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации»****, от 29 марта 2019 г. N 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом

административном участке и организации этой деятельности»*****, от 28 июня 2021 г. N 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России»***** и др.

С целью профилактики правонарушений среди несовершеннолетних осуществляется обмен информацией и различными документами между муниципальными образовательными организациями и подразделениями органов внутренних дел, происходит межведомственное взаимодействие, проводится совместное планирование деятельности и проведение мероприятий, направленных на профилактику беспризорности, безнадзорности, а также правонарушений несовершеннолетних обучающихся. Отдельным направлением совместной деятельности является правовое и патриотическое воспитание молодежи, организация встреч с представителями разных служб органов внутренних дел.

В указанном взаимодействии самое активное участие принимают муниципальные служащие системы муниципального управления образованием, работники муниципальных образовательных организаций, сотрудники подразделений территориальных органов внутренних дел – по делам несовершеннолетних, участковых уполномоченных полиции, государственной инспекции безопасности дорожного движения, патрульно-постовой службы полиции. Кроме того, в рамках своей компетенции в указанном взаимодействии участвуют подразделения уголовного розыска, по контролю за оборотом наркотиков, по противодействию экстремизму.

Однако профилактика правонарушений среди несовершеннолетних является лишь частью такого вопроса местного значения, как организация и осуществление мероприятий по работе с детьми и молодежью. В связи с этим, как представляется, формы взаимодействия органов внутренних дел и органов местного самоуправления по организации работы с детьми и молодежью

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 26. Ст. 3177.

** Там же. 2012. N 53 (ч. I). Ст. 7598.

*** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. N 11.

***** Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

***** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

исследованы не в полном объеме. В данном направлении деятельности имеется значительный нереализованный потенциал, для практического осуществления которого еще предстоит значительная научно-исследовательская работа.

Кроме того, осуществляя взаимодействие в данной сфере, органы внутренних дел и органы местного самоуправления также совместно решают задачу обеспечения прав несовершеннолетних, предупреждения жестокого обращения с ними. В современных условиях развития Интернета и социальных сетей несовершеннолетние могут становиться жертвами не только классических форм жестокого обращения, но и новых – сетевых, таких как кибербуллинг, харассмент, киберсталкинг и др. В связи с этим следует согласиться с Л.С. Казаковой в том, что обеспечение прав несовершеннолетних требует совместной работы уполномоченных органов местного самоуправления и сотрудников органов внутренних дел, совершенствованию профессиональной подготовки которых, особенно в сфере профилактики новых способов жестокого обращения с детьми, следует уделять большее внимание [9, с. 62-63].

Одним из вопросов местного значения в действующем Законе о принципах местного самоуправления установлено участие муниципальных образований в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах соответствующего муниципалитета. Представляется, что на фоне общей тревожной ситуации с преступлениями экстремистской направленности и повышения уровня угрозы противоправной экстремистской деятельности, если не исключить совсем, то хотя бы минимизировать негативные последствия экстремизма невозможно без качественного и постоянного взаимодействия всех субъектов противодействия экстремизму, среди которых в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»* указаны как органы

местного самоуправления, так и органы внутренних дел.

Основные направления взаимодействия по противодействию экстремизму перечислены в ст. 3 указанного выше закона. К ним, в частности, относятся профилактические меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению подобной деятельности, а также непосредственно борьба с экстремистской деятельностью общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц, включая выявление, предупреждение и пресечение подобной деятельности. Несомненно, что только при налаженном взаимодействии органов местного самоуправления и органов внутренних дел, построенном на качественной правовой и организационной основе, эффективность решения обозначенных мер сильно возрастает.

Несмотря на то, что сфера участия органов внутренних дел, в частности полиции, в противодействии экстремизму значительно шире (согласно п. 16 ч. 1 ст. 12 Закона о полиции именно на полицию возлагается обязанность принимать в соответствии с федеральным законом меры, направленные на предупреждение, выявление и пресечение экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан), органы местного самоуправления обязаны принимать участие в профилактике экстремизма, а это касается не только устранения причин и условий, сопутствующих данной противоправной деятельности, но и профилактики идеологии экстремизма, в частности, в муниципальных образовательных организациях, муниципальных библиотеках и иных местах массового пребывания граждан, находящихся в муниципальной собственности или под управлением муниципальных органов. Как справедливо отмечает И.Г. Гутиева, эффективная деятельность органов внутренних дел по противодействию экстремизму возможна исключительно на основе консолидации совместных усилий органов местного самоуправления с обязательным привлечением других институтов гражданского общества [10, с. 391].

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 30. Ст. 3031.

Еще одно важное направление взаимодействия органов внутренних дел и органов местного самоуправления обусловлено корреспондирующими обязанностью обеспечения сотрудников, замещающих должность участкового уполномоченного полиции, служебным жилым помещением и полномочием органов местного самоуправления по распоряжению имуществом, находящимся в муниципальной собственности.

Согласно ч. 3 ст. 44 Закона о полиции участковые уполномоченные полиции в срок не более 6 месяцев должны быть обеспечены служебным жилым помещением на территории соответствующего муниципального образования. Частью 2 ст. 9 Федерального закона от 19 июля 2011 г. N 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлено, что в случае отсутствия у соответствующего территориального органа МВД России, такое жилое помещение сотруднику, замещающему должность участкового уполномоченного полиции, и совместно проживающим с ним членам его семьи может быть предоставлено из муниципального жилищного фонда органом местного самоуправления*.

Среди всех служб органов внутренних дел участковый уполномоченный полиции с органами местного самоуправления осуществляет едва ли не самое тесное взаимодействие. Во-первых, это единство целей, поскольку и участковый уполномоченный полиции, и органы местного самоуправления в качестве основной цели деятельности призваны обеспечивать права и свободы человека и гражданина в рамках своей компетенции. Во-вторых, — административно-территориальная общность, поскольку, как правило, границы административного участка либо совпадают с границами муниципальных образований, либо являются его неотъемлемой частью. В-третьих, — совпадающие задачи, связанные с обеспечением соблюдения гражданами правил проживания, иностранными

гражданами — правил пребывания, работа с лицами без определенного места жительства, лицами, подверженными риску стать жертвами противоправных действий в силу их малолетнего либо престарелого возраста, а также имеющими психические расстройства. В-четвертых, участковый уполномоченный полиции — это основной субъект профилактики правонарушений, от его эффективной работы во многом зависит благополучное проживание всех граждан местного сообщества на всей территории муниципального образования. Ведь любые мероприятия по благоустройству территории муниципального образования могут быть сведены на нет вандалами, повреждающими объекты благоустройства, в частности малые архитектурные формы, общественно-массовые мероприятия могут потенциально сопровождаться нарушениями со стороны хулиганов, общее восприятие качества жизни на территории муниципального образования искажено семейно-бытовыми скандалами, нарушением требований к содержанию домашних животных, несоблюдением санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления и другими негативными социальными явлениями, на профилактику которых направлена деятельность участкового уполномоченного полиции.

Совокупность указанных факторов предопределяет заинтересованность органов местного самоуправления в теснейшем взаимодействии с участковыми уполномоченными полиции в целях повышения эффективности их деятельности в пределах границ административного участка, находящегося на территории муниципального образования. Чем более качественные и комфортные условия для исполнения служебных обязанностей будут созданы, в том числе посредством участия органов местного самоуправления, тем более качественно и с большей временной отдачей сотрудник полиции будет выполнять должностные обязанности, в частности, связанные с решением вопросов местного значения.

Исходя из вышеизложенного очевидно, что прямая взаимосвязь между качественной организацией взаимодействия органов внутренних дел и органов местного самоуправления по предоставлению жи-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 30 (ч. I). Ст. 4595.

лого помещения сотруднику, замещающему должность участкового уполномоченного полиции, и совместно проживающим с ним членам его семьи, а также помещения для работы и повышением эффективности не только выполнения служебных обязанностей сотрудником полиции, но и решения вопросов местного значения, и в конечном счете улучшением качества жизни населения, проживающего на территории муниципального образования.

Перспективным направлением взаимодействия считаем решение такого вопроса местного значения, как обеспечение условий для развития физической культуры, школьного и массового спорта, организация проведения официальных физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий. В органах внутренних дел Российской Федерации вопросам организации физкультуры и спорта уделяется значительное внимание. Спортивно-массовая работа в МВД России имеет глубокие исторические и культурные традиции. Особую миссию в проведении данной работы выполняет Всероссийское физкультурно-спортивное общество «Динамо», которое уже практически 100 лет выполняет задачи по созданию необходимых условий для развития физической культуры, спорта и физически активного отдыха. Нет никаких сомнений в том, что сочетание усилий органов внутренних дел и органов местного самоуправления по совместной организации и проведению спортивно-массовой работы, физкультурных мероприятий на территории муниципального образования будет иметь положительный эффект как для сотрудников органов внутренних дел, выполняющих задачи по поддержанию и укреплению здоровья, сохранению продуктивного уровня общей работоспособности, повышению устойчивости организма к воздействию неблагоприятных факторов служебной деятельности, так и для всего населения муниципального образования в плане физического воспитания, развития физической культуры и совершенствования физической подготовки.

В заключении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. N 1-З, содержащем оценку Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенство-

вании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также соответствия порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона Конституции Российской Федерации, указано на понимание единства системы публичной власти как функционального единства, что не исключает организационного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления для наиболее эффективного решения общих задач, непосредственно связанных с вопросами местного значения, в интересах населения муниципальных образований, и не свидетельствует о вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти, и не лишает их конституционно закрепленной самостоятельности*.

Приводя в рамках заявленной тематики лишь несколько примеров организации взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и органов местного самоуправления, направленных на эффективное решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории, нельзя не отметить, что, несмотря на отнесение вопросов местного значения к исключительной прерогативе населения и органов местного самоуправления, указанная исключительность не только не ограничивает, а, напротив, расширяет потенциал возможностей согласованной деятельности всех органов власти, осуществляющих свои полномочия на территории муниципалитета, на основе сотрудничества, координации, взаимного учета интересов, гарантирующих стабильную и эффективную реализацию функций публичной власти по созданию на соответствующей территории достойных условий жизни и свободного развития человека.

Представляется, что приведенные в статье примеры взаимодействия органов внутренних дел и органов местного самоуправления свидетельствуют о направленности на достижение указанной конституционно значимой цели, посредством которой обеспечивается, с одной стороны, единство и непротиворечивость развития местного самоуправления как самостоятельного и

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 12. Ст. 1855.

приближенного к населению уровня власти, а с другой – эффективное выполнение органами внутренних дел стоящих перед ними задач по реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел,

в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в сфере миграции, а также правоприменительных функций по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере внутренних дел.

Список источников

1. Богданов С.В., Беляев А.А. Теоретические основы взаимодействия органов внутренних дел с органами местного самоуправления в обеспечении общественного порядка и безопасности // Вестник науки. 2018. Т. 1. N 9. С. 200-201.
2. Куликов И.А. Органы внутренних дел Российской Федерации и органы местного самоуправления – проблемы взаимодействия // Актуальные проблемы российского права. 2009. N 1. С. 455-460.
3. Пушкова Е.В. Перспективы взаимодействия органов внутренних дел РФ и местного самоуправления // Человек. Социум. Общество. 2021. N 4. С. 25-29.
4. Курдюк П.М., Упоров И.В. Организационно-публичные основы охраны общественного порядка в контексте соотношения полномочий федеральной полиции и муниципальной милиции // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. N 2. С. 93-98.
5. Симонова М.А., Бачернихина М.В., Карпов О.В. Некоторые аспекты охраны общественного порядка на территориях муниципальных образований и перспективы формирования муниципальной милиции // Вестник Владимирского юридического института. 2019. N 1. С. 140-144.
6. Файзуллин Р.Р. Охрана общественного порядка в компетенции местного самоуправления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. N 11. С. 199-201.
7. Шадрина Л.В. О роли и месте органов местного самоуправления в сфере обеспечения общественного порядка // Право и государство: теория и практика. 2019. N 11. С. 252-254.
8. Черных В.Ю. Проблемы взаимодействия органов внутренних дел с органами местного самоуправления // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. N 1. С. 119-121.
9. Казакова Л.С. Органы внутренних дел в реализации конституционных прав несовершеннолетних в России и их взаимодействие с органами местного самоуправления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. N 1. С. 60-63.
10. Гутиева И.Г. Взаимодействие полиции с органами государственной власти, местного самоуправления и общественными организациями в сфере противодействия экстремизму // Евразийский юридический журнал. 2018. N 3. С. 389-391.

References

1. Bogdanov S.V., Belyaev A.A. Theoretical foundations of interaction between internal affairs bodies and local governments in ensuring public order and security. Bulletin of Science, 2018, vol. 1, no. 9, pp. 200-201. (In Russ.).
2. Kulikov I.A. Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Local Self-Government Bodies – Problems of Interaction. Actual Problems of Russian Law, 2009, no. 1, pp. 455-460. (In Russ.).
3. Pushkova E.V. Prospects for interaction between internal affairs bodies of the Russian Federation and local self-government. Human. Community. Society, 2021, no. 4, pp. 25-29. (In Russ.).
4. Kurdyuk P.M., Uporov I.V. Organizational and public foundations for the protection of public order in the context of the relationship between the powers of the federal police and the municipal police. Bulletin of the Krasnodar University of the MIA of Russia, 2019, no. 2, pp. 93-98. (In Russ.).
5. Simonova M.A., Bachernikhina M.V., Karpov O.V. Some aspects of the protection of public order in the territories of municipalities and the prospects for the formation of municipal police. Bulletin of the Vladimir Law Institute, 2019, no. 1, pp. 140-144. (In Russ.).
6. Faizullin R.R. Protection of public order in the competence of local government. International Journal of the Humanities and Natural Sciences, 2021, no. 11, pp. 199-201. (In Russ.).
7. Shadrina L.V. On the role and place of local governments in the field of public order. Law and State: Theory and Practice, 2019, no. 11, pp. 252-254. (In Russ.).
8. Chernykh V.Yu. Problems of interaction between internal affairs bodies and local governments. Bulletin of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia, 2021, no. 1, pp. 119-121. (In Russ.).
9. Kazakova L.S. Internal affairs bodies in the implementation of the constitutional rights of minors in Russia and their interaction with local authorities. Bulletin of the St. Petersburg University of the MIA of Russia, 2011, no. 1, pp. 60-63. (In Russ.).
10. Gutieva I.G. Interaction of the police with state authorities, local governments and public organizations in the field of countering extremism. Eurasian legal journal, 2018, no. 3, pp. 389-391. (In Russ.).

Вклад авторов:

Кожевников О.А. – разработка концепции и дизайна исследования, изложение основных положений исследования, критический анализ и доработка текста.

Мещеряков А.Н. – теоретико-методологический анализ проблемы исследования, обработка, интерпретация и описание результатов исследования.

Contributions of authors:

Kozhevnikov O.A. – study conception and design, drafting the manuscript, critical revision of the manuscript for important intellectual content, final approval of the version to be published.

Meshcheryakov A.N. – data collection, data analysis and interpretation, analysis and interpretation of results, presenting the findings of the study, final approval of the version to be published.

Раздел 3. Уголовный закон

Научная специальность: 12.00.08 (5.1.4)

Некоторые проблемы квалификации хищений, совершаемых представителями организации-поставщика (подрядчика, исполнителя) и должностными лицами заказчика, в сфере государственных и муниципальных закупок

Шамиль Мурадович Шурпаев,

кандидат юридических наук, кандидат экономических наук, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, s.shurpaev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3080-1418>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и проблемы квалификации хищений, совершаемых сторонами договорных отношений, в сфере публичных закупок. Основное внимание в исследовании уделяется проблемам квалификации посягательств, совершаемых представителями поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в связи с заключением и исполнением государственных (муниципальных) контрактов. Обобщены ситуации, типичные для совершения хищений представителями контрагентов по государственным (муниципальным) контрактам. Уточняется, что специальным субъектом мошенничества, совершаемого представителем организации-поставщика (подрядчика, исполнителя), в сфере закупок является должностное лицо данной организации, а также лица, выполняющие управленческие функции в организации-поставщике, которая не относится к организации государственного сектора экономики. Сформулированы рекомендации по квалификации мошенничества в сфере государственных и муниципальных закупок, совершаемого рассматриваемыми субъектами. Автор приходит к выводу о том, что мошеннические действия представителей поставщика (подрядчика, исполнителя) в сфере закупок по государственным (муниципальным) контрактам не будут охватываться частями 5-7 статьи 159 УК РФ, за исключением случаев совершения таких деяний, если государственный (муниципальный) заказчик как пострадавшая сторона договора является субъектом предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: квалификация хищений, мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, преступления коррупционной направленности, публичные закупки, государственный контракт

Для цитирования: Шурпаев Ш.М. Некоторые проблемы квалификации хищений, совершаемых представителями организации-поставщика (подрядчика, исполнителя) и должностными лицами заказчика, в сфере государственных и муниципальных закупок // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 1 (59). С. 23-31.

Some problems of qualifying embezzlement committed by representatives of the supplier organization (contractor) and officials of the customer in the field of public and municipal procurement

Shamil M. Shurpaev,

Candidate of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences, Saint Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, s.shurpaev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3080-1418>

Abstract. The peculiarities and problems concerning the qualification of embezzlement committed by the parties involved in contractual relations in the field of public procurement are analyzed in the article. The focus of the study is on the problems concerning the qualification of encroachments committed by the representatives of suppliers (contractors) due to concluding and executing government (municipal) contracts. The situations typical for embezzlement committed by representatives of contractors under government (municipal) contracts are summarized. It is specified that a special subject of fraud committed by a representative of a supplier organization (contractor) in the field of procurement is

an official of this organization, as well as the persons performing managerial functions in a supplier organization, which is not a public sector organization. The recommendations for the qualification of fraud in the field of public and municipal procurement, committed by the subjects under consideration, are formulated. The author comes to the conclusion that the fraudulent activities of the representatives of the supplier organization (contractor) in the field of public and municipal procurement will not be covered by parts 5-7 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, with the exception of cases of committing such acts, if the government (municipal) customer, as the injured party to the contract, is a business entity.

Keywords: qualification of embezzlement, business fraud, corruption, public procurement, government contract

For citation: Shurpaev Sh.M. Some problems of qualifying embezzlement committed by representatives of the supplier organization (contractor) and officials of the customer in the field of public and municipal procurement // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 1 (59). P. 23-31.

Широкая распространенность преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее – сфера закупок) определяет научную и практическую значимость исследования проблем квалификации хищений, совершаемых представителями сторон по государственным (муниципальным) контрактам с использованием своего служебного положения. В соответствии с Указанием Генпрокуратуры России N 35/11, МВД России N 1 от 24 января 2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»* отдельные виды хищений, в том числе совершаемых лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой организации, с использованием своего служебного положения отнесены к преступлениям коррупционной направленности (Перечень N 23 преступлений коррупционной направленности).

Результаты криминологического анализа состояния коррупционной преступности (изучены и обобщены материалы 541 уголовного дела) в сфере закупок позволили сделать вывод о том, что на хищения приходится 39 % от всего объема преступлений коррупционной направленности.

* О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России N 35/11, МВД России N 1 от 24 янв. 2020 г.: ред. от 13 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ности, совершаемых в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд [1, с. 290]. В свою очередь, большая часть хищений (61,9 % в структуре хищений) приходится на хищения, совершаемые представителями поставщика (подрядчика, исполнителя) в рассматриваемой сфере [1, с. 290]. Наиболее распространены в данной группе преступлений коррупционной направленности хищения, совершаемые путем мошенничества, с использованием представителями поставщика (подрядчика, исполнителя) своего служебного положения.

Отдельные особенности механизма совершения хищений и квалификации этого вида преступлений, в том числе различных видов мошенничества, совершаемого представителем организации-поставщика (подрядчика, исполнителя), охарактеризованы в публикациях А.А. Борецкого и А.А. Графова [2], Д.С. Назаровой [3], Т.И. Эрхитуевой и А.А. Степановой [4]. Вместе с тем указанными исследованиями охвачен не весь круг возможных вопросов и проблем, возникающих при квалификации хищений в сфере закупок, совершенных представителями организации-поставщика (подрядчика, исполнителя).

Специальным субъектом мошенничества, совершаемого представителем организации-поставщика (подрядчика, исполнителя), в сфере закупок является:

а) должностное лицо данной организации. Это относится к случаям, когда поставщиками (подрядчиками, исполнителями) по государственному (муниципальному) контракту являются коммер-

ческие организации государственного сектора экономики: государственные (муниципальные) унитарные предприятия, государственные корпорации и компании, публично-правовые компании.

На данную категорию специальных субъектов приходится наименьшая доля хищений, совершаемых путем мошенничества, с использованием своего служебного положения в сфере закупок (менее 6 % от всего объема хищений, совершаемых представителями организации-поставщика (подрядчика, исполнителя) [1, с. 292]. Меньшая распространенность хищений, совершаемых представителями организаций-поставщиков (подрядчиков, исполнителей), относящихся к коммерческим организациям государственного сектора экономики, объясняется несколькими причинами. Одной из очевидных причин, оказывающих наибольшее влияние на сложившуюся структуру коррупционной преступности в сфере закупок и, как результат, опосредующих характерный комплекс проблемных вопросов квалификации рассматриваемых преступлений, является сложившееся в стране деление коммерческих организаций по формам собственности и практика государственных и муниципальных закупок в части определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей). Анализ реестра контрактов*, заключенных заказчиками в соответствии с положениями Федерального закона от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»** (далее — Федеральный закон N 44-ФЗ), показывает, что коммерческие организации государственного сектора экономики признаются победителями конкурсных процедур в сфере государственных и муниципальных закупок не более

* Реестр контрактов, заключенных заказчиками // ЕИС закупки: сайт. URL: <https://zakupki.gov.ru>

** О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 5 апр. 2013 г. N 44-ФЗ: ред. от 30 дек. 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 14. Ст. 1652; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

чем в 5 % от общего объема проводимых конкурсных процедур;

б) лица, выполняющие управленческие функции в организации-поставщике (подрядчике, исполнителе), которая не относится к организации государственного сектора экономики. На представителей организаций-поставщиков (подрядчиков, исполнителей), не относящихся к государственному сектору экономики, приходится наибольшая доля хищений, совершаемых в сфере закупок, что закономерно определяется вышеназванной причиной.

Мошенничество как наиболее распространенная форма хищений в сфере закупок представителями организации-поставщика (подрядчика, исполнителя) совершается преимущественно путем обмана [3, с. 119]. В соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации обман как самостоятельный способ совершения хищения может заключаться в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в иных умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества (применительно к рассматриваемым преступлениям — заказчика) в заблуждение***.

Анализ следственно-судебной практики показывает, что обман при совершении мошенничества представителями организации-поставщика (подрядчика, исполнителя) может выразиться в предоставлении ложных сведений:

— о потребительских свойствах и качестве поставляемой продукции;

— выполнении организациями-поставщиками (подрядчиками, исполнителями) обязательств по государственному (муниципальному) контракту;

— наличии реальной возможности выполнить государственный (муниципальный) контракт;

— соответствии поставщика (подрядчика, исполнителя) критериям, установленным в конкурсной документации, и т.д.

*** О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 нояб. 2017 г. N 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В качестве примера можно привести следующее дело. Виновные, представители организации-подрядчика – инженер по комплектации и начальник отдела сбыта и поставок, вступили в сговор, направленный на хищение бюджетных средств при выполнении государственного заказа по осуществлению подрядных работ при строительстве водовода от очистных сооружений районного водопровода до головной станции. Судом установлено, что виновные использовали бывшие в употреблении трубы вместо новых, предусмотренных нормативно закрепленным перечнем документов по проекту. Обман выразился в подделке виновными сертификатов качества, что ввело в заблуждение представителя заказчика, уполномоченного на осуществление контроля за качеством материалов, используемых при строительстве водовода. Перечисленные заказчиком бюджетные средства виновными похищены*.

Актуальной проблемой квалификации хищений в сфере закупок, совершаемых путем мошенничества, является отграничение данных преступлений от преступлений, предусмотренных чч. 5-7 ст. 159 УК РФ (специальный вид мошенничества по признаку преднамеренного неисполнения договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности). В научной литературе существуют различные подходы к разграничению данных видов деяний.

Справедливо рассматривая проблему неправильной квалификации хищений в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, совершенных представителями организации-поставщика (подрядчика, исполнителя), в контексте деструктивного использования уголовно-правового регулирования как инструмента давления на предпринимателей, Е.В. Авдеева, А.В. Данилов-Данильян и А.А. Лебедева [5; 6] тем не менее приходят к спорным выводам.

Во-первых, как полагают указанные авторы, основным объектом мошенниче-

ства, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, являются отношения в сфере предпринимательской деятельности. Соответственно, отношения собственности отнесены авторами к дополнительному объекту посягательства [5, с. 89]. На основании данного вывода названные исследователи утверждают, что объектом мошенничества в сфере предпринимательской деятельности являются обязательственные отношения. При этом резюмируется, что «если мы говорим о государственном или коммерческом контракте, то можем утверждать, что все же *в большей части* (курсив наш. – Ш.Ш.) неисполнение посягает на обязательственные отношения, из чего вытекает необходимость квалифицировать неисполнение госконтракта как неисполнение договорных обязательств» [5, с. 89]. Словосочетание «в большей части», очевидно, используется исследователями в контексте предложенного ими авторского видения соотношения основного и дополнительного объектов мошенничества в сфере предпринимательства. Названное оценочное наречное выражение, как представляется, не вполне корректно для разграничения пусть и специфических, тесно связанных между собой основного и дополнительного объектов посягательства.

Нормы, содержащиеся в чч. 5-7 ст. 159 УК РФ, являются производными от норм, устанавливающих ответственность за общее мошенничество, в связи с чем они направлены на обеспечение сохранности собственности [7, с. 165]. Таким образом, отношения в сфере предпринимательства являются дополнительным объектом преступлений, предусмотренных чч. 5-7 ст. 159 УК РФ. Следует отметить, что в современных уголовно-правовых научных исследованиях, посвященных специфике объекта мошенничества в сфере предпринимательства, доминирует два подхода к разрешению данного вопроса [8, с. 89-90]: 1) непосредственный объект посягательства индивидуализируется по отношению к родовому под влиянием специфических признаков [9, с. 47-48; 10, с. 47]; 2) наряду с основным выделяется дополнительный объект преступления – законодательно установленный порядок осуществления предпринимательской деятельности [11, с. 71-75; 12, с. 660].

* Постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 29 сент. 2015 г. по делу N 44У-154/2015, у-374/2015. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Во-вторых, отвечая на вопрос о том, является ли исполнение государственно-го контракта разновидностью предпринимательской деятельности, Е.В. Авдеева, А.В. Данилов-Данильян и А.А. Лебедева дают положительный ответ, формулируя на основе этого утверждение о неправомерности выведения государственной контрактации из сферы предпринимательской деятельности [5, с. 89]. Вне сомнений, исполнение государственного (муниципального) контракта стороной поставщика (подрядчика, исполнителя) в абсолютном большинстве случаев (за исключением, например, тех, когда поставщиками (подрядчиками, исполнителями) по государственному (муниципальному) контракту являются социально ориентированные некоммерческие организации, и в иных случаях) подпадает под определение предпринимательской деятельности, сформулированное в ст. 2 ГК РФ. В то же время характер деятельности только одной из сторон закупочных правоотношений, складывающихся в связи с обеспечением государственных и муниципальных нужд, не влечет возможности признания данного сегмента экономических отношений сферой предпринимательской деятельности во всех случаях — это зависит от состава участников рассматриваемых правоотношений, а также от правового статуса государственного (муниципального) заказчика.

В этом контексте в полной мере можно согласиться с позицией А.А. Боровкова, согласно которой потерпевшим от мошенничества в сфере предпринимательской деятельности может быть признано лишь лицо, обладающее всеми признаками субъекта предпринимательской деятельности [11, с. 70]. Далеко не всегда заказчик (государственный заказчик, муниципальный заказчик) обладает специальным статусом субъекта предпринимательской деятельности, в том числе в уголовно-правовом понимании (в смысле примечания 4 к ст. 159 УК РФ).

Конкретизируя вышеизложенные рассуждения применительно к совершению мошенничества представителями организации-поставщика (подрядчика, исполнителя) в сфере закупок, можно отметить следующее.

Если закупки осуществляются в соответствии с положениями Федерального за-

кона N 44-ФЗ, то публичной стороной закупочных правоотношений (заказчиком) в большинстве случаев являются органы и организации, участие которых в силу их правового статуса (такие лица не обладают признаками субъектов предпринимательской деятельности) исключает возможность признания экономических отношений, возникающих между государственным (муниципальным) заказчиком и контрагентом, сферой предпринимательской деятельности. В соответствии с пп. 5-7 ч. 1 ст. 4 Федерального закона N 44-ФЗ к государственным (муниципальным) заказчикам отнесены государственные органы (в том числе органы государственной власти), орган управления государственным внебюджетным фондом либо государственное казенное учреждение, муниципальный орган, муниципальное казенное учреждение.

Анализ отчета по результатам мониторинга сферы государственных и муниципальных закупок, подготовленного Минфином России, позволяет сделать вывод о преобладающем характере государственной и муниципальной контрактации, которая приходится на лиц, не являющихся субъектами предпринимательской деятельности. По данным за 2020 год, доля размещенных бюджетными учреждениями, казенными учреждениями, органами государственной власти, органами управления внебюджетными фондами, автономными учреждениями планов-графиков составила 98,8 % от всего объема размещенных планов-графиков. На унитарные предприятия, которые, как коммерческие организации, являются субъектами предпринимательской деятельности и могут выступать заказчиками, приходится только 1,2 % от всего объема размещенных планов-графиков в единой информационной системе в сфере закупок*.

* Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2020 года // Минфин России: официальный сайт. URL: <https://minfin.gov.ru>

Авторский подход позволяет уточнить правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой «поскольку предпринимательская деятельность осуществляется в различных сферах общественных отношений, предметом хищения чужого имущества применительно к преступлению, предусмотренному статьей 159.4 УК Российской Федерации, могут быть как средства потребителей (граждан), так и бюджетные средства (при преднамеренном неисполнении государственных и муниципальных контрактов)»*.

При определении границ сферы предпринимательской деятельности в примечании 4 к ст. 159 УК РФ выделен круг субъектов, преднамеренное неисполнение договорных обязательств которыми влечет квалификацию мошенничества по чч. 5-7 ст. 159 УК РФ: индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации. По сути, при очерчивании круга субъектов предпринимательского мошенничества в названном примечании дается аутентичное толкование признаков деятельности, образующей сферу предпринимательства.

Таким образом, вывод некоторых исследователей о том, что хищение при исполнении государственного контракта подлежит квалификации по чч. 5-7 ст. 159 УК РФ [5, с. 92; 6, с. 36], является недостаточно корректным и требует уточнений.

Как представляется, преступные манипуляции в отношении предмета и иных существенных условий государственного (муниципального) контракта не будут охватываться чч. 5-7 ст. 159 УК РФ (за исключением случаев совершения таких деяний, когда государственный (муниципальный) заказчик как пострадавшая сторона договора обладает признаками субъекта предпринимательской деятельности), поскольку предпринимательской признается сфера, в которой: а) обе стороны являют-

ся субъектами предпринимательской деятельности или б) одна из сторон представлена субъектом предпринимательской деятельности; при этом лицо, обладающее статусом субъекта предпринимательства, выступает в данном качестве не только по статусу, но и по существу правоотношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, в) основной целью деятельности сторон в данных правоотношениях является извлечение прибыли**.

Далее, как было отмечено выше, мошенничество представителем организации-поставщика (подрядчика, исполнителя), который именно в силу принадлежащих ему управленческих функций (должностных обязанностей) становится участником закупочных отношений, складывающихся в связи с обеспечением государственных и муниципальных нужд, может совершаться самостоятельно*** или в соисполнительстве с должностным лицом заказчика. Последнему полномочия дают возможность совершать действия на различных этапах осуществления государственных (муниципальных) закупок.

Хищение бюджетных средств путем изготовления и предоставления подложных документов, подтверждающих исполнение государственного (муниципального) контракта, по предварительному сговору лицом, которое хотя и обладает признаками должностного лица, состоит на службе в организации заказчика, но не

** По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 дек. 2014 г. N 32-П; О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 нояб. 2016 г. N 48; О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 нояб. 2017 г. N 48 // Там же.

*** Постановление Президиума Тульского областного суда от 1 июля 2014 г. N 44у-94/14 // Там же.

* По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 дек. 2014 г. N 32-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (Абз. 1 п. 4.1).

наделено полномочиями по распоряжению денежными средствами, и представителем контрагента следует квалифицировать как мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору и с использованием своего служебного положения как представителем организации-поставщика (подрядчика, исполнителя), так и представителем организации-заказчика*.

Другой достаточно распространенный способ мошенничества, совершаемого представителями контрагента по государственному (муниципальному) контракту, состоит в обмане относительно объема и качества поставленной продукции (выполненных работ, оказанных услуг), представления заказчику фиктивной документации, которая в последующем утверждается должностным лицом заказчика, на основе чего производится перечисление средств организации-контрагенту. Проблемой в таких ситуациях является правильная оценка действий должностного лица, подписавшего (утвердившего) не соответствующую действительности документацию на стадии приемки поставленного товара (выполненной работы, оказанной услуги). Достаточно часто такие действия квалифицируются как халатность. Вместе с тем верная оценка действий должностного лица заказчика зависит от формы вины к наступившим общественно опасным последствиям и от объема полномочий должностного лица [1, с. 149].

Например, приговором суда в связи с отсутствием в действиях состава преступления Р. оправдан по предъявленному ему обвинению в совершении халатности. В рамках данного уголовного дела была осуждена Ч. по ч. 4 ст. 159 УК РФ за совершение хищения денежных средств, полученных в качестве оплаты за проведение ремонтных работ помещения по государственному контракту. Работы выполнены не были, но акт приемки-сдачи работ был подписан Р.

Как установлено судом, фактические обстоятельства свидетельствуют о

том, что Р. подписал акт приемки-сдачи работ, а также платежное поручение, послужившее основанием для перечисления на счет подрядчика денежных средств, будучи введенным в заблуждение главным специалистом отдела ЖКХ Управы Можайского района г. Москвы П., который доложил Р. о готовности здания, не поставив его в известность о том, как именно производился осмотр. При этом предоставленные Р. полномочия в рассматриваемом случае не предполагают прямой обязанности Р., выполнявшего в силу занимаемой должности управленческие функции, лично выйти на объект с проверкой исполнения государственного контракта**.

Следует также учитывать, что последствия в виде имущественного ущерба – это последствия хищения, причиненные лицом, виновным в хищении. В связи с этим деяние должностного лица заказчика может квалифицироваться как халатность только при наличии иных последствий, предусмотренных ст. 293 УК РФ, а также при наличии неосторожной вины относительно этих иных последствий.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Анализ и обобщение следственно-судебной практики позволяют выделить типичные для хищений, совершаемых представителями контрагентов по государственным (муниципальным) контрактам, ситуации: фактическое полное или частичное неисполнение обязательств по контракту; инсценировка исполнения обязательств по контракту; представление заказчику документов об исполнении контракта, не соответствующих действительности.

2. Специальным субъектом мошенничества, совершаемого представителем организации-поставщика (подрядчика, исполнителя), в сфере закупок является должностное лицо данной организации, а также лица, выполняющие управленческие функции в организации-поставщике, которая не относится к организации государственного сектора экономики.

* Кассационное определение Московского городского суда от 28 июня 2010 г. по делу N 22-7836. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Апелляционное постановление Московского городского суда от 16 дек. 2013 г. по делу N 10-12387 // Там же.

3. Обман при совершении мошенничества представителями организации-поставщика (подрядчика, исполнителя) может выразиться в предоставлении ложных сведений о потребительских свойствах и качестве поставляемой продукции; выполнении организациями-поставщиками (подрядчиками, исполнителями) обязательств по государственному (муниципальному) контракту; наличии реальной возможности выполнить государственный (муниципальный) контракт; соответствии поставщика (подрядчика, исполнителя)

критериям, установленным в конкурсной документации, и т.д.

4. Мошеннические действия в сфере закупок, совершенные представителями поставщика (подрядчика, поставщика) по государственным (муниципальным) контрактам, не будут охватываться чч. 5-7 ст. 159 УК РФ (за исключением случаев совершения таких деяний, если государственный (муниципальный) заказчик как пострадавшая сторона договора является субъектом предпринимательской деятельности).

Список источников

1. Шурпаев Ш.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021. 297 с.
2. Борецкий А.А., Графов А.А. Мошенничество в сфере государственных закупок // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2020. N 28. С. 256-259.
3. Назарова Д.С. Вопросы криминализации мошенничества в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд // *Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право*. 2016. N 1. С. 117-122.
4. Эрхитуева Т.И., Степанова А.А. К вопросу о мошенничестве в сфере государственных закупок товаров, работ и услуг // *Вестник. Государство и право*. 2019. N 26. С. 84-86.
5. Авдеева Е.В., Данилов-Данильян А.В., Лебедева А.А. Проблемы отнесения хищений денежных средств при исполнении государственного контракта к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности // *Журнал российского права*. 2020. N 3. С. 81-94.
6. Лебедева А.А. Возможно ли отнести хищения денежных средств при исполнении госконтракта к преступлениям, совершаемым в сфере предпринимательской деятельности? // *Безопасность бизнеса*. 2019. N 6. С. 32-36.
7. Южин А.В. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. 238 с.
8. Ткачев И.О. Предмет мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // *Уголовное право*. 2018. N 54. С. 89-93.
9. Веремеенко М.В. Объект мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2014. N 4 (14). С. 44-49.
10. Гармышев Я.В., Кузнецов В.И. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности: социально-правовая природа уголовной ответственности, перспективы законодательной регламентации // *Сибирский юридический вестник*. 2017. N 3. С. 46-53.
11. Боровков А.А. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (чч. 5-7 ст. 159 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2018. 240 с.
12. Намняев В.В., Семикин М.А. Проблемы определения объекта преступления, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. N 2-1. С. 660.

References

1. Shurpaev Sh.M. Criminal-legal and criminological characteristics of corruption-related crimes in the field of procurement to meet state and municipal needs. Cand. Diss. Moscow, 2021. 297 p. (In Russ.).
2. Boretsky A.A., Grafov A.A. Fraud in the field of public procurement. Fundamental and applied research in the modern world, 2020, no. 28, pp. 256-259. (In Russ.).
3. Nazarova D.S. Issues of criminalization of fraud in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs. Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law, 2016, no. 1, pp. 117-122. (In Russ.).
4. Erkhitueva T.I., Stepanova A.A. On the issue of fraud in the field of public procurement of goods, works and services. Bulletin. State and law, 2019, no. 26, pp. 84-86. (In Russ.).
5. Avdeeva E.V., Danilov-Danilyan A.V., Lebedeva A.A. Problems of attributing embezzlement of funds in the execution of a state contract to crimes in the field of entrepreneurial activity. Journal of Russian law, 2020, no. 3, pp. 81-94. (In Russ.).

6. Lebedeva A.A. Is it possible to attribute the theft of funds in the execution of a state contract to crimes committed in the field of entrepreneurial activity? *Business security*, 2019, no. 6, pp. 32-36. (In Russ.).
7. Yuzhin A.V. Fraud and its types in Russian criminal law. Cand. Diss. Moscow, 2016. 238 p. (In Russ.).
8. Tkachev I.O. A subject of fraud in the sphere of entrepreneurship. *Criminal law*, 2018, no. 54, pp. 89-93. (In Russ.).
9. Veremeenko M.V. The object of fraud in entrepreneurial activity. *Bulletin of the Tomsk State University. Right*, 2014, no. 4 (14), pp. 44-49. (In Russ.).
10. Garmishev Ya.V., Kuznetsov V.I. Fraud in area of entrepreneurial business: the socially-legal nature of the criminal liability, prospect of a legislative regulation. *Siberian Legal Bulletin*, 2017, no. 3, pp. 46-53. (In Russ.).
11. Borovkov A.A. Fraud in the sphere of entrepreneurial activity (parts 5-7 of article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of criminal law regulation and qualification. Cand. Diss. Krasnoyarsk, 2018. 240 p. (In Russ.).
12. Namnyasev V.V., Semikin M.A. The problems of determining the object of the crime under art. 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Modern problems of science and education*, 2015, no. 2-1, pp. 660. (In Russ.).

Научная специальность: 12.00.08 (5.1.4)

Возмещение ущерба или иное заглаживание вреда в уголовном праве: законодательные рамки или свобода правоприменителя?

Сергей Александрович Корнеев,

кандидат юридических наук, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия, kornei_lam@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9555-1195>

Аннотация. Предметом исследования является социально-правовая природа возмещения ущерба или иного заглаживания вреда, причиненного преступлением. В настоящее время в законодательстве отсутствует исчерпывающий перечень возможных способов компенсации прав, нарушенных в результате совершенного общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления. Вследствие этого правоприменительные органы в процессе разбирательства по конкретному уголовному делу наделяются правом самостоятельной оценки конкретного посткриминального позитивного действия лица, совершившего преступление, и принятия решения о его соответствии способу заглаживания вреда. Делегированные властные полномочия в теории уголовного права воспринимаются неоднозначно. Целью работы является определение сущности и допустимости расширительного толкования понятия «возмещение ущерба или иное заглаживание вреда» в уголовном праве. На основании анализа положений уголовного закона, руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, следственно-судебной практики, доктрины уголовного права автор приходит к выводу о том, что перечень способов заглаживания вреда, причиненного преступлением, не может быть исчерпывающим (закрытым), а конкретные посткриминальные социально полезные действия должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц.

Ключевые слова: возмещение ущерба, заглаживание вреда в уголовном праве, гуманизация уголовного законодательства, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного преследования

Для цитирования: Корнеев С.А. Возмещение ущерба или иное заглаживание вреда в уголовном праве: законодательные рамки или свобода правоприменителя? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 1 (59). С. 32-38.

Compensation for damage or other reparation for harm in criminal law: legislative framework or freedom of the law enforcer?

Sergey A. Korneev,

Candidate of Legal Sciences, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Ryazan, Russia, kornei_lam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9555-1195>

Abstract. The subject of the study is the social and legal nature of compensation for damage or other reparation for harm caused by crime. Currently, the legislation does not contain an exhaustive list of possible ways of compensation for the violation of rights as a result of committing a socially dangerous act that has all elements of crime. Consequently, during specific criminal case proceedings, law enforcement agencies are given the right to independently assess a specific post-criminal positive action of the person who has committed the crime and make a decision on its compliance with the method of making amends. Delegated authority is perceived ambiguously in the theory of criminal law. The purpose of the research is to determine the essence and admissibility of a broad interpretation of the concept of "compensation for damage or other reparation for harm" in criminal law. Having analyzed the provisions of criminal law, the guiding explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, investigative and judicial practice, the doctrine of criminal law, the author comes to the conclusion that the list of ways to make amends for the harm caused by crime cannot be exhaustive (closed), and specific post-criminal socially useful actions should be legal and not infringe third parties' rights.

Keywords: compensation for damage, making amends in criminal law, humanization of criminal legislation, exemption from criminal liability, termination of criminal prosecution

For citation: Korneev S.A. Compensation for damage or other reparation for harm in criminal law: legislative framework or freedom of the law enforcer? // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 1 (59). P. 32-38.

В соответствии с позицией высших органов государственной власти тенденцией развития уголовного судопроизводства в Российской Федерации является его либерализация (гуманизация). В связи с этим ежегодно сокращается количество лиц, имеющих судимость, значительная доля обвиняемых освобождается от уголовной ответственности в рамках досудебного и судебного производств, ограничивается применение строгих мер государственного принуждения. Как отмечает председатель Верховного Суда Российской Федерации В. Лебедев, «...в настоящее время существует три условия для прекращения уголовного преследования: преступление нетяжкое, совершено впервые и обвиняемый компенсировал ущерб» [1]. При этом сущность последнего, его размер, порядок и конкретизация способов реализации постпреступных позитивных действий нормами действующего законодательства должным образом не регламентированы.

Обозначенные проблемы так или иначе выступали предметом доктринальных исследований, в том числе фундаментального характера, однако часть вопросов относится к разряду дискуссионных, неоднозначных, а некоторые остаются без должного внимания. Накопленный в теории уголовного права эмпирический материал, а также опыт следственно-судебной практики позволяют произвести всесторонний анализ рассматриваемого явления и предложить научное обоснование по ряду актуальных проблем.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит бланкетную норму о возмещении имущественного ущерба и морального вреда, причиненных правонарушением, с отсылкой на гражданское законодательство. Согласно последнему, под убытками лица понимаются расходы, необходимые для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества, а также неполученные доходы, которые это

лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если его право не было бы нарушено (ст. 15 ГК РФ). Способ возмещения вреда сводится к обязанности возместить вред в натуре или возместить причиненные убытки (ст. 1082 ГК РФ).

В соответствии с действующим уголовным законодательством сущность постпреступного позитивного поведения лица, заключающегося в возмещении ущерба или ином заглаживании вреда, причиненного преступлением, сводится:

– к обстоятельству, смягчающему наказание (п. «к», ч. 1 ст. 61 УК РФ);

– обязанности в рамках испытательного срока при условном осуждении (ч. 5 ст. 73 УК РФ). Ее исполнение или неисполнение является критерием для отмены условного осуждения и снятия судимости (ч. 1 ст. 74 УК РФ), продления испытательного срока (ч. 2 ст. 74 УК РФ), отмены условного осуждения и исполнения наказания, назначенного приговором суда (ч. 2.1, ч. 3 ст. 74 УК РФ);

– условию освобождения от уголовной ответственности (в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75 УК РФ), за конкретные виды преступлений (ст. 76.1 УК РФ), с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ);

– основанию условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ);

– условию снятия судимости до истечения срока ее погашения (ч. 5 ст. 86 УК РФ);

– принудительной мере воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ);

– основанию для применения конфискации имущества (ст. 104.3 УК РФ).

Таким образом, нормы уголовного закона определяют возмещение ущерба и иное заглаживание вреда в качестве условия, выполнение которого улучшает положение лица, совершившего преступление. Вопросы, касающиеся конкретного перечня

посткриминальных позитивных действий, соразмерности ущерба и его восстановления, адресата его получения, на законодательном уровне не урегулированы.

Определенную ясность в решение обозначенных проблем теоретико-прикладного характера внесла высшая судебная инстанция Российской Федерации. Согласно руководящим разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации под ущербом необходимо понимать имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т.д.*

Заглаживание вреда — имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства**.

Из анализа норм уголовного законодательства, регламентирующих возмещение ущерба или иное заглаживание вреда, а равно пояснений Верховного Суда Российской Федерации необходимо заключить следующее:

— понятия «заглаживание вреда» и «возмещение ущерба» не являются тождественными. Думается, что далеко не каждый ущерб от преступления может быть возмещен в денежном эквиваленте. Компенсация способна лишь «сгладить» негативные для потерпевшего последствия;

— заглаживание вреда является категорией, включающей в себя активные позитивные действия лица, совершившего преступление, которые направлены на «возмещение ущерба». Данный вывод

основан на логическом толковании заявленной формулировки. Употребляемый союз «или» свидетельствует о том, что причиненный преступлением ущерб может быть компенсирован (заглажен) не только в натуре либо в денежной форме, но и в форме иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства;

— перечень способов заглаживания вреда лицом, совершившим преступление, либо «...по его просьбе (с его согласия) другими лицами»*** на законодательном уровне остается открытым. Таким образом, правоприменительные органы в процессе разбирательства по конкретному уголовному делу наделяются правом самостоятельно оценивать то или иное посткриминальное позитивное действие лица, совершившего преступление, и принимать решение о его соответствии способу заглаживания вреда, на что также делается акцент в ряде судебных решений. Например, Ленинский районный суд г. Смоленска со ссылкой на п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 19 констатировал то, что способы возмещения ущерба и заглаживания причиненного преступлением вреда законом не ограничены****;

— под заглаживанием вреда как понятием, имеющим больший объем, необходимо понимать активные постпреступные позитивные действия лица, направленные на снижение его общественной опасности, а равно на примирение с потерпевшим, если таковой имеется.

Последнее заключение подтверждается и следственно-судебной практикой. Отметим, что действующее уголовное законодательство не содержит запрета на возможность освобождения от уголовной ответственности за преступления с формальным составом, а также не ограничивает способы возмещения ущерба и за-

* См.: О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** См.: Там же.

*** См.: Там же.

**** См.: Постановление Ленинского районного суда г. Смоленска N 1-316/2020 по уголовному делу N 1-316/2020 от 10 июля 2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

глаживания причиненного преступлением вреда.

Так, в деятельности судебных органов просматривается тенденция к расширению перечня постпреступных позитивных действий, которые оцениваются в качестве способа заглаживания вреда, причиненного преступлением. С определенной долей условности их можно изложить следующим образом. Возмещение ущерба или иное заглаживание вреда сводится:

– к благотворительной деятельности (перечисление денежных средств на счета организаций, а при отсутствии такой возможности – трудовое участие). Например, Яшкульский районный суд Республики Калмыкии постановил уголовное дело по подозрению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292 УК РФ, прекратить, освободив от уголовной ответственности с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере двадцати тысяч рублей в доход государства. В качестве способа заглаживания вреда, причиненного преступлением, суд признал выполнение общественных работ на территории «школы-интерната для детей, находящихся в трудной жизненной ситуации» и оказание спонсорской помощи воспитанникам данного учреждения*;

– публикации в периодических изданиях информации, пропагандирующей здоровый и законопослушный образ жизни. Например, Центральный районный суд г. Читы Забайкальского края расценил публикационную деятельность К. в газете «Забайкальский рабочий» в качестве заглаживания вреда, причиненного преступлением. Как следствие, судебный орган констатировал снижение общественной опасности и постановил освободить К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, от уголовной ответственности**.

* См.: Постановление Яшкульского районного суда Республики Калмыкии N 1-70/2020 по уголовному делу N 1-70/2020 от 12 окт. 2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

** См.: Постановление Центрального районного суда г. Читы Забайкальского края N 1-255/2020 по уголовному делу N 1-255/2020 от 25 мая 2020 г. // Там же.

Тот же судебный орган расценил в качестве заглаживания вреда публикацию статьи в сети «Интернет» и агитацию среди работников коллектива на тему «Вред употребления контрафактной продукции и негативные последствия продажи немаркированных спиртных напитков». Указанный факт, а также соответствие иных обстоятельств положениям уголовного закона позволили суду прекратить уголовное дело в отношении Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 171.1 УК РФ, освободив его от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа***;

– принесению извинений перед Российской Федерацией или перед работодателем, а также обещанию в будущем не совершать новых уголовно наказуемых деяний. Например, Центральный районный суд г. Читы Забайкальского края постановил прекратить уголовное преследование в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ, освободив от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В вынесенном постановлении суд констатировал, что К. загладил причиненный преступлением вред путем сообщения на общем собрании коллектива, в котором работает, «...о совершенном им преступлении и недопустимости подобного другими лицами»****;

– прохождению медицинского обследования (по делам о преступлениях, связанных с использованием поддельных официальных документов). Например, Судебный участок N 1 Центрального района г. Челябинска по результатам разбирательства счел прохождением медицинского обследования гражданкой Н. в качестве возмещения вреда, причиненного преступлением, предусмотренным ч. 3 ст. 327 УК РФ. Таким образом, судебный орган

*** См.: Постановление Центрального районного суда г. Читы Забайкальского края N 1-268/2019 по уголовному делу N 1-268/2019 от 27 февр. 2019 г. // Там же.

**** См.: Постановление Центрального районного суда г. Читы Забайкальского края N 1-594/2020 по уголовному делу N 1-594/2020 от 28 июля 2020 г. // Там же.

постановил освободить Н. от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в размере пяти тысяч рублей*;

— иным активным посткриминальным действиям по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. В частности, Железнодорожный районный суд г. Хабаровска расценил подачу в налоговый орган заявления о ликвидации юридического лица, закрытие банковского счета в качестве заглаживания вреда, причиненного преступлением. В связи с этим постановил освободить от уголовной ответственности гражданина Э., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ**;

— активному способствованию расследования преступления. Например, Кусинский районный суд Челябинской области расценил посткриминальные позитивные действия В., которые выразились в активном способствовании расследованию преступления, в качестве способа заглаживания вреда. Вследствие этого суд постановил прекратить уголовное дело в отношении В., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа***.

Расширительное толкование способов заглаживания вреда, причиненного преступлением, в теории уголовного права воспринимается неоднозначно. Одни ученые стоят на позиции необходимости закрепления исчерпывающего перечня постпреступных позитивных действий на законодательном уровне и недопустимости предоставления властных полномочий в данной плоскости правоприменительным

органам [2, с. 6]. Другие полагают, что очерчивание границ должной модели поведения лица, совершившего преступление, не отвечает потребностям социума и государства [3, с. 32]. Преступный вред может быть заглажен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением общественным отношениям, охраняемым уголовным законом [4, с. 56]. Третья группа исследователей убеждена, что каждый единичный случай отождествления одобренного обществом поведения лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, со способом возмещения ущерба должен оцениваться индивидуально [5, с. 497].

Иная, поддерживаемая нами точка зрения сводится к одобрению тенденции укрупнения рассматриваемого перечня посткриминальных позитивных действий в целом, с указанием на частные недостатки. Например, Ф.Н. Багаутдинов полагает, что принесение извинений лицом, обвиняемым в совершении преступления небольшой или средней тяжести, перед коллективом, в котором он работает, является допустимым и может быть расценено судом в качестве варианта заглаживания вреда. По справедливому убеждению автора, неприемлемыми являются случаи, когда суды в качестве заглаживания причиненного преступлением вреда учитывают извинения обвиняемого в адрес государственных и даже правоохранительных органов. «Принести такие извинения, конечно же, можно, но в материалах уголовных дел нет данных о том, принял ли соответствующий государственный орган эти извинения, и вообще уполномочен ли он их принимать в тех случаях, когда преступление затрагивает государственные интересы» [6, с. 11]. Представляется, что в данном случае факт принесения извинений указанному адресату и оценка данных действий в качестве заглаживания вреда является уязвимой с точки зрения положений уголовного законодательства.

Заявленная законодательная динамика, по мнению Н.Ю. Скрипченко, в целом свидетельствует об изменении репрессивного уголовно-правового значения понятия «заглаживание вреда, причиненного преступлением» на стимулирующее. Данный факт, считает она, не только яв-

* См.: Постановление Судебного участка N 1 Центрального района г. Челябинска N 1-24/2017 по уголовному делу N 1-24/2017 от 20 февр. 2017 г. // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

** См.: Постановление Железнодорожного районного суда г. Хабаровска N 1-493/2020 по уголовному делу N 1-493/2020 от 8 июля 2020 г. // Там же.

*** См.: Постановление Кусинского районного суда Челябинской области N 1-69/2020 по уголовному делу N 1-69/2020 от 6 июля 2020 г. // Там же.

ляется эффективным способом восстановления нарушенных преступлением прав и свобод, но и создает условия для более глубокой дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания. В то же время автор критично относится к возможности возмещения ущерба, причиненного преступлением, третьими лицами. Вызывает сомнения и оценка судами посткриминальных позитивных действий обвиняемого в качестве способа заглаживания вреда по преступлениям, вред от которых причиняется публичным интересам [7, с. 382].

Действительно, возмещение ущерба от преступления иными лицами вызывает особую тревогу. Исполнитель общественно опасного деяния может быть освобожден от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа за счет латентного организатора преступного замысла. Так, Новочебоксарский городской суд Чувашской Республики постановил А. освободить от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 285 УК РФ, с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере сорока тысяч рублей. В ходе судебного заседания суд проигнорировал доводы прокурора об отсутствии оснований для прекращения уголовного дела, о его общественном резонансе, коррупционной направленности, факте не личного участия в возмещении материального ущерба, причиненного государству*.

Более парадоксальным в этом плане представляется заглаживание вреда, причиненного преступлением, предусмотренным ст. 260 УК РФ. Часто обвиняемые, не имеющие постоянного места жительства, стабильного источника дохода, возмещают значительный в материальном эквиваленте ущерб. По справедливому убеждению М.Б. Костровой, причиненный вред заглаживают организаторы и руководители преступной деятельности исполнителей, избегая при этом уголовной ответственности [8, с. 38]. Вследствие этого возникают вопросы о реализации задач уголовного

законодательства, воспитательной, превентивной функций освобождения от уголовной ответственности и т.д.

В правоприменительной деятельности нередки случаи, когда судебный орган злоупотребляет правом расширительного толкования способов возмещения ущерба или иного заглаживания вреда, причиненного преступлением. Например, Ленинский районный суд г. Магнитогорска Челябинской области постановил прекратить уголовное дело в отношении Д., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, и назначить меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере семи тысяч рублей. В качестве способа заглаживания вреда суд признал добровольную выдачу сотрудникам полиции наркотического средства, подробные признательные показания по обстоятельствам совершения преступления, извинения за совершенное преступление в ходе судебного заседания**.

Приведенный выше, а равно иные примеры из судебной практики позволяют усомниться в правильности отождествления подобных посткриминальных позитивных действий (по крайней мере, их размера и достаточности) с заглаживанием вреда, причиненного преступлением. Рассматриваемая конфигурация вряд ли свидетельствует о нивелировании последствий преступления доступным для виновного лица способом, уменьшении общественной опасности совершенного, а также личности виновного.

Подводя итог настоящему исследованию, следует отметить, что перечень способов заглаживания вреда, причиненного преступлением, выражающихся в конкретных постпреступных позитивных действиях, не может быть исчерпывающим (закрытым). В данном правовом поле государство преследует цель максимального стимулирования лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, к раскаянию, осознанию совершенного противоправного действия, социально одобряемому

* См.: Постановление Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики N 1-238/2019 по уголовному делу N 1-238/2019 от 25 июня 2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

** См.: Постановление Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области N 1-282/2020 по уголовному делу N 1-282/2020 от 22 мая 2020 г. // Там же.

поведению. Ограничение круга возможных посткриминальных действий определенными поступками вряд ли можно признать верным направлением развития уголовного законодательства. Таким образом, суд вправе (но не обязан) оценивать позитивные действия лица как социально полезные и признавать их в

качестве факта, подтверждающего заглаживание вреда. В то же время, подчеркивая важность руководящих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, следует отметить, что способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц.

Список источников

1. Несудимы по суду // Рос. газ. 2020. 24 февр.
2. Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. 192 с.
3. Аликперов Х.Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1992. 35 с.
4. Сабитов Р.А., Сабитова Е.Ю. Уголовно-правовое значение заглаживания вреда, причиненного преступлением // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. 2020. Т. 5. N 2. С. 52-63.
5. Каримов А.М. Возмещение ущерба и заглаживание преступного вреда иным образом как элемент модели поощряемого поведения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. N 4 (38). С. 494-498.
6. Багаутдинов Ф.Н. Принесение извинений как форма заглаживания причиненного преступлением вреда при назначении судебного штрафа // Вестник Самарского юридического института. 2019. N 3 (34). С. 9-13.
7. Скрипченко Н.Ю. Расширительное толкование возмещения вреда как условия освобождения от уголовной ответственности // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14. N 4. С. 379-384.
8. Кострова М.Б. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: новая норма – старые негативные тенденции правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. N 2. С. 36-42.

References

1. Not convicted by the court. Rossiyskaya Gazeta. February 24, 2020. (In Russ.).
2. Sabitov R.A. Post-criminal behavior (concept, regulation, consequences). Tomsk, Tomsk University Press, 1985. 192 p. (In Russ.).
3. Alikperov Kh.D. Problems of the admissibility of compromise in the fight against crime: Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 1992. 35 p. (In Russ.).
4. Sabitov R.A., Sabitova E.Yu. Criminal legal significance of making amends for the harm caused by a crime. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law, 2020, volume 5, no. 2, pp. 52-63. (In Russ.).
5. Karimov A.M. Compensation for damage and making amends for criminal harm in another way as an element of the model of encouraged behavior. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 4 (38), pp. 494-498. (In Russ.).
6. Bagautdinov F.N. Apologizing as a form of making amends for the harm caused by a crime when imposing a judicial fine. Bulletin of the Samara Law Institute, 2019, no. 3(34), pp. 9-13. (In Russ.).
7. Skripchenko N.Yu. A broad interpretation of compensation for harm as a condition for exemption from criminal liability. Criminal Executive Law, 2019, volume 14, no. 4, pp. 379-384. (In Russ.).
8. Kostrova M.B. Exemption from criminal liability with the appointment of a judicial fine: a new norm – old negative trends in law enforcement. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2018, no. 2, pp. 36-42. (In Russ.).

Раздел 4. Криминологическая наука

Научная специальность: 12.00.08 (5.1.4)

Институты российского профилактического права: система и правовые характеристики

Оксана Юрьевна Красовская,

кандидат юридических наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, krasovskaya_oks@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9792-8849>

Олеся Викторовна Зайцева,

кандидат юридических наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, zaitseva.o@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7731-1657>

Аннотация. Приоритет профилактики правонарушений перед мерами уголовной и административной ответственности актуализирует научное исследование криминологического законодательства, составляющего нормативную основу данной деятельности. Статья посвящена вопросу институализации отрасли профилактического права. Использование авторами как общенаучных, так и частнонаучных (системно-структурный, формально-логический, контент-анализ нормативных правовых актов) методов позволило рассмотреть институты профилактического права в качестве системообразующих элементов. В статье аргументируется выделение наиболее важных структурных элементов (правовых институтов и субинститутов) рассматриваемой отрасли, взаимосвязь которых основана на предмете правового регулирования. Представлен подробный анализ их юридических характеристик. Полученные научные результаты (определены институты профилактического права, образованные субинститутами, часть которых находится в стадии формирования), по мнению авторов, восполняют пробел в науке, связанный с институциональным строением профилактического права. В дальнейшем это позволит осмыслить достоинства и недостатки его системы, будет способствовать последовательному детальному нормативному регулированию общественных отношений в сфере профилактики правонарушений, что в итоге повысит эффективность правоохранительной деятельности государства.

Ключевые слова: профилактическое право, институт отрасли права, субинститут отрасли права, криминологическое законодательство, правонарушение, преступление

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект N 20-011-00194.

Для цитирования: Красовская О.Ю., Зайцева О.В. Институты российского профилактического права: система и правовые характеристики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 1 (59). С. 39-47.

Institutions of the Russian preventive law: system and legal characteristics

Oksana Yu. Krasovskaya,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, krasovskaya_oks@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9792-8849>

Olesya V. Zaitseva,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, zaitseva.o@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7731-1657>

Abstract. The priority of crime prevention over the measures of criminal and administrative responsibility actualizes the need for the scientific study of criminological legislation, which constitutes the regulatory framework for this activity. The article is devoted to the issue of institutionalization of preventive law as a branch of law. The authors of the article used both general and particular scientific methods (systemic-structural, formal-logical, content analysis of normative legal acts) and this made it possible to consider the institutions of preventive law as systemically important elements. The authors substantiate
© Красовская О.Ю., Зайцева О.В., 2022

the identification of the most important structural elements (legal institutions and subinstitutions) of the analyzed branch of law. The relationship between these structural elements is based on the subject of legal regulation. A detailed analysis of their legal characteristics is presented. According to the authors' opinion, the obtained scientific results (the institutions of preventive law formed by the subinstitutions, some of which undergo the process of formation, have been identified) fill the gap in science related to the structure of preventive law. Further theoretical developments in the field of preventive law will make it possible to understand the advantages and shortcomings of its system, will contribute to the consistent detailed regulation of social relations in the field of crime prevention, which will ultimately increase the effectiveness of law enforcement activities of the state.

Keywords: preventive law, institution of the branch of law, subinstitution of the branch of law, criminological legislation, offence, crime

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 20-011-00194.

For citation: Krasovskaya O.Yu., Zaitseva O.V. Institutions of the Russian preventive law: system and legal characteristics // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 1 (59). P. 39-47.

Проблема профилактики правонарушений является актуальной темой для юридической науки и практики. Противодействие девиантной деятельности мерами административной и уголовной ответственности из года в год демонстрирует свою недостаточную эффективность ввиду низкой положительной динамики показателей преступности. Например, в Российской Федерации за период с 2016 по 2021 год коэффициент преступности снизился лишь на 0,3 %, что является активным показателем кризиса действующей системы противодействия преступности. Как отмечает А.Г. Головкина, в настоящее время фактически утрачен былой приоритет предупреждения преступности, последнее может рассматриваться лишь в контексте целеполагания, как цель государственной политики [1, с. 15] в рамках национальных интересов России. С учетом данных обстоятельств преступность представляет собой глобальную проблему с огромными негативными последствиями [2, с. 525], противодействовать которой призвано профилактическое законодательство, требующее критического научного осмысления, в том числе в аспекте развития представлений о криминологическом превентивном праве как формирующейся новой законодательной отрасли.

Целью данного исследования выступает выделение системообразующих элементов профилактического права как комплексной отрасли законодательства. Полагаем, что систематизация профилак-

тического права будет способствовать эффективной законодательной и правоприменительной деятельности и сделает возможной детальную регламентацию стремительно развивающихся отношений в сфере правоохранительной деятельности.

Систему профилактического права, ее элементы возможно исследовать, основываясь прежде всего на положениях Федерального закона от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»* (далее – Закон о профилактике), который является базовым нормативным правовым актом данной отрасли законодательства, устанавливающим «в классическом варианте правовую основу системы профилактики правонарушений» [3, с. 17], при этом связывая понимание явления «отрасль права» с законодательством и практикой его применения [4, с. 5]. Нормативные предписания законодательства о профилактике правонарушений позволяют провести упорядоченное размещение его системообразующих элементов, которыми в соответствии с общепринятыми в теории права взглядами выступают правовые институты. Исследование построения и распределения нормативных предписаний профилактического законодательства позволит определить (обозначить) и охарактеризовать основные институты отрасли как системообразующие элементы, аргументировать

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

способ взаимосвязи основных институтов профилактики правонарушений между собой, что будет способствовать направленному функционированию и устойчивости данной отрасли законодательства в целом.

В основу предлагаемой систематизации структурных элементов (институтов) профилактического права положен предмет правового регулирования. Именно предметный критерий, определяемый характером общественных отношений, принято считать базовым классификационным структурным критерием отрасли права. В доктрине традиционно понимают, что взаимосвязанные по предметному признаку регулирующие видовые правоотношения нормы права, которые внешне отражаются в законодательных нормативных предписаниях, образуют институт [5, с. 390], а институты как совокупность регулирующих определенные общественные отношения норм [5, с. 391] представляют собой отрасль права [6, с. 27].

Для обособления институтов профилактического права по предметному критерию следует обратиться к законодательству о профилактике правонарушений, в частности к Закону о профилактике. Именно анализ законодательного закрепления предписаний профилактики правонарушений позволяет выявить и описать составляющие институты профилактического права ввиду имеющейся связи между содержанием профилактико-правового института (института профилактического права) и внешней формой его выражения.

С этой целью необходимо исходить из того, что институт профилактического права как структурный элемент отрасли представляет собой подчиненную принципам профилактики правонарушений систему профилактических норм, регулирующих относительно самостоятельную совокупность сходных общественных отношений, а внешняя форма выражения институтов профилактического права и их структурных единиц (норм) представлена в виде нормативных предписаний профилактического законодательства.

Анализ профилактического законодательства позволяет выделить следующие институты профилактического права:

1) институт субъектов и иных лиц профилактики правонарушений;

2) институт направлений профилактики правонарушений;

3) институт видов профилактики правонарушений;

4) институт форм профилактического воздействия.

1. Институт субъектов и иных лиц профилактики правонарушений

Выделение данного института обусловлено специфичностью профилактических правоотношений, имеющих особый субъектный состав и требующих соответствующего нормативного закрепления полномочий, прав и обязанностей субъектов профилактической деятельности. В рамках данного правового образования определяется правовой статус следующих категорий лиц: 1) субъекты профилактики правонарушений; 2) лица, участвующие в профилактике правонарушений; 3) профилактируемые лица.

К первой категории относятся федеральные органы исполнительной власти, органы прокуратуры Российской Федерации, следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления (ст. 5)*. Вторую категорию (лица, участвующие в профилактике правонарушений) составляют граждане, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений (п. 4 ст. 2). Третья категория (профилактируемые лица) включает в себя склонных к совершению правонарушений лиц, а также пострадавших от правонарушений и граждан, подверженных риску стать таковыми (п. 6 ч. 2 ст. 6 и ст. 28).

Все названные категории лиц наделены определенными полномочиями (правами), а некоторые из них — и обязанностями, закрепленными во второй главе, а также в ст.ст. 27 и 28 Закона о профилактике. Например, полномочиями (отличающимися) наделяются федеральные органы, а правами (отличающимися) — органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, а также участвующие

* Указанные в тексте номера статей относятся к Закону о профилактике.

в профилактике лица. Единым (схожим) полномочием (правом) для рассматриваемых лиц является осуществление профилактики правонарушений, однако формы профилактического воздействия определяются для них индивидуально.

Например, федеральные органы исполнительной власти в отличие от других субъектов осуществляют профилактическое воздействие во всех формах, предусмотренных ч. 1 ст. 17; органы прокуратуры Российской Федерации как субъекты профилактики правонарушений ограничены надзором за исполнением законодательства другими субъектами профилактики (ст. 9), формы же профилактического воздействия для них установлены в пп. 2-6 ч. 1 ст. 17.

Участвующие в профилактике правонарушений лица (вторая категория лиц) наделены правами (не полномочиями), обозначенными в ст. 13, а именно правом «участвовать в профилактике правонарушений» (ч. 1 ст. 13), и даже осуществляют профилактическое воздействие (пп. 1, 7, 8, 9 и 10 ч. 1 ст. 17) в тех же формах, что и органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления. Также они наделены правом применять не все, а лишь некоторые обозначенные в ст. 6 меры профилактики (пп. 5-8 ч. 2 ст. 6), например выявлять склонных к совершению правонарушений лиц.

К третьей категории лиц относятся как склонные к совершению правонарушений, так и пострадавшие от правонарушений либо подверженные этому риску лица.

Профилактируемые лица, «в отношении которых применяются меры индивидуальной профилактики правонарушений» (ст. 28), наделены правами, например на получение информации об условиях применения к ним мер профилактики, обжалование действий субъектов профилактики правонарушений. На склонных к совершению правонарушений лиц оказывается воспитательное воздействие, нацеленное на предотвращение правонарушающего и антиобщественного поведения. В отношении всех профилактируемых лиц проводится индивидуальная профилактика, направленная на оказание им помощи.

Институт субъектов и иных лиц профилактики правонарушений кроме закона о профилактике характеризуют и другие нормативные акты профилактического законодательства. Так, органы прокуратуры Российской Федерации наделены полномочиями по профилактике правонарушений не только Законом о профилактике, но и Федеральным законом от 17 января 1992 г. N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»^{*}; следственные органы Следственного комитета Российской Федерации — Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»^{**}.

Институт субъектов и иных лиц профилактики правонарушений как системообразующий элемент профилактического права находится во взаимосвязи с другими институтами. Для субъектов профилактики правонарушений реализация их полномочий, прав и обязанностей происходит, например, в рамках института, регулирующего реализацию основных направлений профилактики.

Таким образом, институт субъектов профилактики правонарушений и иных лиц, задействованных в профилактике правонарушений, представляет собой совокупность юрисдикционных норм, обозначающих категории лиц профилактики правонарушений, норм об их полномочиях, правах и обязанностях.

2. Институт направлений профилактики правонарушений

Совокупность норм данного института регулирует отношения профилактики правонарушений по специфическим направлениям, закрепленным в ст. 6. Большинство этих направлений связано с противодействием определенному виду

^{*} О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. N 2202-1: ред. от 1 июля 2021 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. 1992. N 8. Ст. 366; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

^{**} О Следственном комитете Российской Федерации: федер. закон от 28 дек. 2010 г. N 403-ФЗ: ред. от 30 дек. 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

правонарушающего поведения (например, экстремистской деятельности, коррупционной деятельности, террористической деятельности, незаконной миграции, безнадзорности и др.), что позволяет говорить об отличии в предмете правового регулирования данного института, заключающемся в направленности профилактики правонарушений на противодействие опасному поведению различного характера. Как отмечает И.В. Орехов, отличия «в предмете могут заключаться в содержании и характере поведения» [7, с. 63].

Выделение большого количества разнообразных направлений профилактики правонарушений позволяет говорить о значительном по объему круге правовых норм рассматриваемого института. Иными словами, институт направлений профилактики правонарушений является крупным правовым институтом, в связи с чем требуется деление его на субинституты. По мнению С.П. Усенко, именно усложнение структуры нормативного акта порождает субинституты [8, с. 358].

В доктрине «под субинститутом права предлагается понимать четко выраженную совокупность правовых норм внутри крупного правового института, регулиующую определенные особенности, специфику видовых общественных отношений» [9, с. 35]. «Распространение субинститутов права должно облегчить практическую деятельность законодателя и правоприменителя» [10, с. 70].

Полагаем возможным выделить в рамках рассматриваемого правового института следующие субинституты:

- 1) охрана общественного порядка;
- 2) обеспечение общественной безопасности;
- 3) противодействие незаконной миграции;
- 4) предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних;
- 5) противодействие терроризму и экстремистской деятельности;
- 6) противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;
- 7) обеспечение защиты и охраны собственности;

8) обеспечение экономической безопасности;

9) противодействие коррупции;

10) обеспечение экологической безопасности;

11) обеспечение пожарной безопасности;

12) предупреждение, ликвидация и (или) минимизация последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

13) развитие системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений.

Нормативный материал института не всегда распределяется без остатка по субинститутам [11, с. 132], в рассматриваемом институте остаются общие нормы: нормы о реализации «основных направлений профилактики правонарушений» (ч. 2 ст. 6), что свидетельствует о взаимосвязи составляющих институт правовых образований.

Некоторые из названных субинститутов находятся в стадии формирования, некоторые уже сформировались. Например, субинститут предупреждения безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних образует совокупность норм, внешне выраженных в нормативных предписаниях Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»* (далее – Закон об основах системы профилактики); к ним относятся нормы о правах несовершеннолетних, об основаниях проведения профилактической работы (индивидуальной), об основных направлениях деятельности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (органов и учреждений).

3. Институт видов профилактики правонарушений

К данному институту необходимо отнести общую и индивидуальную профилактику, специфичность предмета регу-

* Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ: ред. от 24 апр. 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 26. Ст. 3177; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

лирования общественных отношений которых заключается в охвате профилактических правоотношений между различными группами лиц (субъектов и иных лиц профилактики правонарушений, а также всего населения). Нормы (совокупность норм) о единых общих основаниях профилактики, к которым относятся способствующие совершению правонарушений причины и условия (социальные, экономические, правовые и др.), выражение которых представлено в нормативных предписаниях, в ч. 1 ст. 16, являются общими для обоих видов профилактики, что свидетельствует о взаимосвязи общей и индивидуальной профилактики.

Таким образом, в рамках данного института определяются два вида профилактики с общими нормами об основаниях профилактики:

- 1) общая профилактика правонарушений;
- 2) индивидуальная профилактика правонарушений.

Совокупность мероприятий (деятельность) по выявлению причин правонарушений, их устранению, а также выявлению условий, облегчающих совершение правонарушений либо способствующих их совершению (что можно назвать нейтрализацией детерминантов правонарушений), а также по повышению у населения в целом уровня правосознания образует общую профилактику правонарушений. Например, проводится сбор и анализ сведений о совершенных правонарушениях, охрана общественного порядка, формирование общественного мнения о недопустимости правонарушающего поведения.

В итоге вся совокупность мер общей профилактики правонарушений должна обеспечить возможность удовлетворения потребностей человека правопослушными действиями.

Профилактические отношения в рамках общей профилактики возникают между субъектами профилактики (а также участвующими в профилактике правонарушений лицами) и всеми иными лицами – населением.

Совокупность мероприятий воспитательного воздействия, направленных на устранение факторов, отрицательно влияющих на поведение находящихся в труд-

ной жизненной ситуации лиц, указанных в ч. 2 ст. 15, образует индивидуальную профилактику правонарушений.

Лица, пострадавшие от правонарушений и подверженные риску пострадать от правонарушений, также являются профилируемыми, а следовательно, в отношении их проводится индивидуальная профилактика правонарушений (ч. 2 ст. 15).

Для осуществления индивидуальной профилактики могут применяться специальные меры «профилактики правонарушений административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного характера в целях предупреждения правонарушений» (п. 9 ч. 2 ст. 6) такими субъектами профилактики, как должностные лица «органов прокуратуры Российской Федерации, следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы и иных государственных органов, если такое право им предоставлено законодательством Российской Федерации» (ч. 3 ст. 6).

Профилактические отношения в рамках индивидуальной профилактики возникают между субъектами профилактики (а также участвующими в профилактике правонарушений лицами) и обеими группами профилируемых лиц: как склонных к совершению правонарушений, так и пострадавших от них либо подверженных риску пострадать от них.

Институт видов профилактики правонарушений находится на стадии формирования, что не позволяет выделить в нем субинституты.

4. Институт форм профилактического воздействия

Профилактическое воздействие представлено десятью формами, которые обозначены в ч. 1 ст. 17 и описаны в ст.ст. 18-27:

- 1) правовое просвещение и правовое информирование;
- 2) профилактическая беседа;
- 3) объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения;

- 4) профилактический учет;
- 5) внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения;
- 6) профилактический надзор;
- 7) социальная адаптация;
- 8) ресоциализация;
- 9) социальная реабилитация;
- 10) помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми (ч. 1 ст. 17).

Субъекты профилактики правонарушений, а также лица, участвующие в профилактике правонарушений, наделены правом осуществлять профилактическое воздействие в отнесенных только к их полномочиям (правам) формах.

Будучи крупным правовым образованием, данный институт также требует подразделения на субинституты. В институте форм профилактического воздействия выделим субинституты:

- 1) правового осведомления;
- 2) правового реагирования;
- 3) социализации;
- 4) виктимологической профилактики.

Субинститут правового осведомления включает в себя нормы о формах профилактического воздействия, обеспечивающих деятельность по правовому просвещению и информированию о нормативных предписаниях законов (п. 1 ч. 1 ст. 17), а также обеспечивающих разъяснительную деятельность («профилактическая беседа» (п. 2 ч. 1 ст. 17), (пп. 70, 71.2 Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 15 октября 2013 г. N 845*) (далее – Инструкция по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних).

Названные нормы о формах профилактического воздействия следует объединить в один субинститут ввиду специфики их общей черты, заключающейся во влиянии на правосознание населения, в том числе лиц, допустивших антиобщественное поведение (правонарушение), разъяснительными и информационными способами.

* Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. N 11.

Субинститут правового реагирования включает в себя нормы о формах профилактического воздействия, регулирующие вынесение предостережения (п. 3 ч. 1 ст. 17); ведение профилактического учета для информационного обеспечения субъектов профилактики (п. 4 ч. 1 ст. 17); осуществление профилактического надзора (п. 6 ч. 1 ст. 17), а также порядок внесения представления об устранении причин и условий правонарушений (п. 5 ч. 1 ст. 17).

Например, нормы о внесении в соответствующие органы и учреждения предложений об устранении причин и условий, способствующих правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, представлены в нормативных предписаниях п. 3 ч. 2 ст. 21 Закона об основах системы профилактики и подп. 2.12 п. 2 Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних.

Субинститут социализации включает в себя нормы о формах профилактического воздействия: «социальная адаптация» (п. 7 ч. 1 ст. 17); «ресоциализация» (п. 8 ч. 1 ст. 17); «социальная реабилитация» (п. 9 ч. 1 ст. 17). Нормы о социальной адаптации и социальной реабилитации определяют комплекс мероприятий, проводимых в отношении находящихся в трудной жизненной ситуации лиц. Нормы о ресоциализации определяют комплекс мероприятий, направленных на совершивших преступление лиц, подвергнутых принудительным мерам уголовного закона.

Субинститут виктимологической профилактики включает в себя совокупность норм о таких формах профилактического воздействия, как помощь профилактируемым лицам (пострадавшим или могущим пострадать от правонарушений) и их поддержка (п. 10 ч. 1 ст. 17). На федеральном уровне законодательную основу данного субинститута составляют положения Федерального закона от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»**, опреде-

** О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 авг. 2004 г. N 119-ФЗ: ред. от 1 июля 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 34. Ст. 3534; 2021. N 27 (ч. I). Ст. 5116.

ляющего меры социальной поддержки, в том числе применяемые до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления (ст. 15). Данный субинститут в настоящее время окончательно не сформирован.

Таким образом, исследование криминологического законодательства как формы выражения профилактического права позволило выделить следующие системообразующие элементы последнего (институты и субинституты):

1. Институт субъектов и иных лиц профилактики правонарушений.

Названный институт включает в себя категории лиц:

1) субъекты профилактики правонарушений;

2) лица, участвующие в профилактике правонарушений;

3) профилактируемые лица:

а) склонные к совершению правонарушений;

б) пострадавшие от правонарушений, подверженные риску пострадать от правонарушений.

2. Институт направлений профилактики правонарушений.

Названный институт включает субинституты:

1) охрана общественного порядка;

2) обеспечение общественной безопасности;

3) противодействие незаконной миграции;

4) предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и анти-

общественных действий несовершеннолетних;

5) противодействие терроризму и экстремистской деятельности;

6) противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;

7) обеспечение защиты и охраны собственности;

8) обеспечение экономической безопасности;

9) противодействие коррупции;

10) обеспечение экологической безопасности;

11) обеспечение пожарной безопасности;

12) предупреждение, ликвидация и (или) минимизация последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

13) развитие системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений.

3. Институт видов профилактики правонарушений.

Данный институт включает в себя два вида профилактики:

1) общая профилактика правонарушений;

2) индивидуальная профилактика правонарушений.

4. Институт форм профилактического воздействия.

Названный институт включает субинституты:

1) правового осведомления;

2) правового реагирования;

3) социализации;

4) виктимологической профилактики.

Список источников

1. Головкина А.Г. Государственная система профилактики правонарушений в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. 24 с.

2. Stickle B., Felson M. Crime Rates in a Pandemic: The Largest Criminological Experiment in History // *American Journal of Criminal Justice*, 2020. N 45(4). P. 525-536. DOI: 10.1007/s12103-020-09546-0

3. Красовская О.Ю. О развитии и совершенствовании федерального профилактического законодательства // *Наука в современном мире: сб. науч. тр. по материалам XXVI междунар. науч.-практ. конф.*, Анапа, 8 октября 2021 г. Анапа: Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов в Южном Федеральном округе, 2021. С. 16-27.

4. Разгильдиев Б.Т. Понятие уголовного права и его система // *Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева*. Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2004. Т. 1. Кн. 1. С. 5-17.

5. Теория государства и права: учебник для вузов / В.К. Бабаев [и др.]; под ред. В.К. Бабаева. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2020. 582 с.

6. Бондаренко В.М. Понятие и сущность конституционно-правового субинститута «государственная граница» // *Право.by*. 2017. N 1 (45). С. 26-30.

7. Орехов И.В. Примеры субинститутов права в российской системе права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. N 4. С. 62-67.

8. Усенко С.П. К вопросу о детерминации субинститутов уголовного права // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Краснодар, 28-29 июня 2021 г. / отв. ред.: В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 357-363.

9. Орехов И.В. Классификация субинститутов // Проблемы современного российского законодательства: материалы IV всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 11 сентября 2015 г. / отв. ред. С.И. Сулова; Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Иркутск: Иркутский юрид. ин-т (филиал) Российской правовой акад. Министерства юстиции Российской Федерации, 2015. С. 35-38.

10. Орехов И.В. Взаимодействие субинститута права с другими элементами системы права Российской Федерации // Вопросы современной юриспруденции. 2015. N 51-52. С. 68-72.

11. Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. Москва: Статут, 2010. 469 с.

References

1. Golovkina A.G. State System of Crime Prevention in Modern Russia. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2011. 24 p. (In Russ.).

2. Stickle B., Felson M. Crime Rates in a Pandemic: The Largest Criminological Experiment in History. *American Journal of Criminal Justice*, 2020, no. 45(4), pp. 525-536. DOI: 10.1007/s12103-020-09546-0

3. Krasovskaya O.Yu. On the Development and Improvement of Federal Preventive Legislation. *Science in the Modern World*. Anapa, Research Center for Economic and Social Processes in the Southern Federal District, 2021. Pp. 16-27. (In Russ.).

4. Razgil'diev B.T. The Concept of Criminal Law and its System. *Criminal Law of Russia: Lecture Course*. In 6 volumes. Saratov, Saratov State Academy of Law, 2004. Vol. 1. Book 1. Pp. 5-17. (In Russ.).

5. Babaev V.K. [i dr.]. *Theory of State and Law*. Moscow, Yurayt Publ., 2020. 582 p. (In Russ.).

6. Bondarenko V.M. The concept and essence of the constitutional and legal sub-institution "state border". *Right.by*, 2017, no. 1 (45), pp. 26-30. (In Russ.).

7. Orekhov I.V. Examples of sub-institutions of Law in the Russian Law System. *North Caucasus legal vestnik*, 2016, no. 4, pp. 62-67. (In Russ.).

8. Usenko S.P. To the Question of the Determination of Sub-institutions of Criminal Law. Progress and Continuity in Russian Criminal Law (on the 95 th Anniversary of the Criminal Code of the RSFSR of 1926 and the 25 th Anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996). *Krasnodar, Kuban State University*, 2021. Pp. 357-363. (In Russ.).

9. Orekhov I.V. Classification of Sub-institutions. Problems of Modern Russian Legislation. *Irkutsk, Irkutsk Law Institute (branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation*, 2015. Pp. 35-38. (In Russ.).

10. Orekhov I.V. Interaction of the Sub-institute of Law with Other Elements of the Law System of the Russian Federation. *Issues of Modern Jurisprudence*, 2015, no. 51-52, pp. 68-72. (In Russ.).

11. Alekseev S.S. *Collected Works*. In 10 volumes. Volume 2. Special Questions of Law. Moscow, Statut Publ., 2010. 469 p. (In Russ.).

Вклад авторов:

Красовская О.Ю. – идея; концепция исследования; сбор и обработка материала; написание статьи; итоговые выводы.

Зайцева О.В. – идея; концепция исследования; доработка текста; итоговые выводы.

Contributions of authors:

Krasovskaya O.Yu. – idea; study conception; data collection; data analysis and interpretation; drafting the manuscript; final study conclusions.

Zaitseva O.V. – idea; study conception; critical revision of the manuscript for important intellectual content; final study conclusions.

Раздел 5. Уголовно-процессуальное обозрение

Научная специальность: 12.00.09 (5.1.4)

Защита прав и законных интересов потерпевшего, умершего в ходе производства расследования по уголовному делу

Ольга Владимировна Шипунова,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, gorod.ow@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2748-1751>

Аннотация. В соответствии с частью 8 статьи 42 УПК РФ защита прав и законных интересов умершего осуществляется в результате предоставления процессуальных возможностей другому лицу. Автором отмечено, что до настоящего времени в УПК РФ отсутствует норма, регулирующая порядок вступления в производство по уголовному делу в случае смерти потерпевшего иного лица, которое будет наделено процессуальными правами умершего. В статье рассматриваются разрешаемые следователем, дознавателем проблемы признания в качестве участника уголовного процесса иного лица, которое будет отстаивать права и интересы умершего потерпевшего. Проанализирована правоприменительная практика по уголовным делам, в ходе расследования которых должностными лицами принимались процессуальные решения в связи со смертью потерпевшего. Предложено дополнить УПК РФ положениями относительно закрепления наступления процессуальных последствий смерти лица по иным, не связанным с преступлением причинам, а также относительно привлечения в уголовный процесс законных представителей и представителей.

Ключевые слова: смерть потерпевшего, представитель потерпевшего, законный представитель потерпевшего, права потерпевшего

Для цитирования: Шипунова О.В. Защита прав и законных интересов потерпевшего, умершего в ходе производства расследования по уголовному делу // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 1 (59). С. 48-54.

Protection of rights and legitimate interests of the victim who died during the criminal investigation

Olga V. Shipunova,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russia, gorod.ow@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2748-1751>

Abstract. In accordance with Part 8 of Article 42 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the protection of the rights and legitimate interests of the deceased is carried out as a result of providing procedural opportunities to another person. The author of the article notes that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not contain the provision regulating the procedure for participating in criminal proceedings and exercising the procedural rights of the victim if the victim is dead by another person. The problems facing the investigator and interrogating officer when recognizing another person, who will defend the rights and interests of the deceased victim, as a participant in criminal proceedings, are considered in the article. The author of the article has also analyzed the law enforcement practice concerning those criminal investigations in which the officials made certain procedural decisions caused by the death of the victim. It is proposed to supplement the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with the provisions fixing the procedural consequences of the death of a person resulting from the causes not related to the crime, as well as the provisions regulating the involvement of legal representatives and representatives in the criminal process.

Keywords: death of the victim, representative of the victim, legal representative of the victim, victim's rights

For citation: Shipunova O.V. Protection of rights and legitimate interests of the victim who died during the criminal investigation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 1 (59). P. 48-54.

В соответствии со статьей 52 Конституции Российской Федерации права потерпевших от преступлений охраняются законом. В статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) данная конституционная норма находит отражение, определяя первоочередным назначением уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Однако провозглашение прав еще не означает их автоматическое обеспечение. В уголовном судопроизводстве выполнение обязанности государства по защите прав и законных интересов обеспечивается предоставлением возможности потерпевшему от преступления отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, ежегодно в нашей стране совершается в среднем более 2 млн преступлений. Так, в 2019 году было зарегистрировано 2024,3 тыс. преступлений*, в 2020 году – 2044,2 тыс. преступлений**, за январь – ноябрь 2021 г. – 1853,1 тыс. преступлений***. По данным Единой межведомственной информационно-статистической системы Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, в стране ежегодно регистрируется более полутора миллионов потерпевших от преступных посягательств. Из них в результате преступных посягательств причиняется тяжкий вред здоровью более 30 тысячам человек, а более 20 тысяч погибают****.

В уголовно-процессуальном смысле потерпевший – это лицо, которому преступлением причинен фактический вред и ко-

торое наделяется комплексом процессуальных прав и обязанностей, направленных на реализацию своей процессуальной функции по возмещению причиненного ему в результате совершения преступления вреда (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Обязательным условием появления в уголовном деле потерпевшего как участника уголовного процесса является процессуальное решение должностного лица, в котором отражается факт признания лица потерпевшим от преступления как нуждающегося в обеспечении защиты нарушенных прав. Как отмечает А.М. Ларин, «...признание потерпевшим в процессуальном смысле служит лишь предпосылкой его участия в процессе» [1, с. 170].

Однако имеют место ситуации, когда в ходе предварительного расследования по уголовному делу по ряду причин наступает смерть потерпевшего (как по причине преступного деяния в отношении потерпевшего, так и по естественным причинам). В связи с этим возникает вопрос о защите прав и законных интересов умершего потерпевшего.

Если исходить из общего понятия правоспособности, то возможность иметь права и нести обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, сохраняется и за умершим человеком в части права на защиту его нарушенных прав. Следовательно, смерть лица не лишает его возможности иметь процессуальный статус потерпевшего. Однако, безусловно, смерть потерпевшего в рамках уголовного дела влечет прекращение его дееспособности, а значит, и невозможность реализации процессуального статуса, в связи с этим защита прав и законных интересов умершего осуществляется в результате предоставления процессуальных возможностей другому лицу.

Принимая во внимание активное участие потерпевшего в процессе расследования уголовного дела, с учетом содержания ч. 8 ст. 42 УПК РФ должностному лицу, в производстве которого находится уголовное дело, надлежит установить и привлечь для участия в деле другое лицо, которое сможет защитить нарушенные права умершего, обеспечить его законные интересы, в частности представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на действия (бездей-

* См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года // МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

** См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // Там же.

*** См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – ноябрь 2021 года // Там же.

**** См.: Количество погибших, признанных потерпевшими // ЕМИСС. Государственная статистика: сайт. URL: <https://www.fedstat.ru>

ствие) и решения дознавателя, следователя, прокурора, в том числе на постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, по окончании предварительного расследования знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме, обжаловать приговор, определение и постановление суда.

Исходя из буквального толкования ч. 8 ст. 42 УПК РФ, потерпевшим признается лицо, которое непосредственно пострадало от преступления. Но при этом смерть потерпевшего может наступить и спустя какое-то время, не являясь следствием преступных действий. К сожалению, в этом случае УПК РФ не регламентирует вопросы перехода прав, законных интересов и обязанностей потерпевшего, тем самым ограничивая возможности защиты его прав, поскольку смерть наступила не вследствие совершения преступления в отношении потерпевшего.

Например, согласно материалам уголовного дела N 1-105/2020 по факту мошенничества в особо крупном размере, потерпевший умер через несколько дней после совершения в отношении его преступления, процессуальные права потерпевшего по делу были предоставлены его сыну и супруге*.

В настоящий момент в уголовно-процессуальной науке продолжает существовать мнение, что вне зависимости от причин смерти следует предоставить права иным лицам, как правило из числа близких родственников умершего потерпевшего, по защите интересов последнего [2, с. 198-199]. По данному факту Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 18 января 2005 г. N 131-О высказал свою позицию, обращая внимание правоприменителя на то, что применение ч. 8 ст. 42 УПК РФ представляется возможным, в частности, в случае наступления смерти потерпевшего по иным причинам**.

* См.: Приговор от 29 июля 2020 г. по делу N 1-105/2020 // Архив Балашихинского городского суда (Московская область).

** См.: По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности ч. 8 ст. 42 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 янв. 2005 г. N 131-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Данная позиция нашла подтверждение в официальном толковании положений ст. 42 УПК РФ Верховным Судом Российской Федерации: «По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, пострадавшего от преступления, права потерпевшего переходят к одному из близких родственников погибшего (часть 8 статьи 42 УПК РФ)»***.

Несомненно, с данным суждением следует согласиться, поскольку, несмотря на то, что человек скончался, его честь и доброе имя нуждаются в защите, необходимо сохранить достойное отношение к нему, восстановить нарушенные права.

Большое значение для охраны интересов умершего потерпевшего и достижения задач уголовного судопроизводства имеет участие в производстве расследования по уголовным делам дополнительных лиц, которые будут защищать права умершего потерпевшего и представлять его законные интересы.

В 2013 году была предпринята попытка оптимизации процессуального механизма защиты прав и законных интересов умершего потерпевшего путем дополнения ч. 8 ст. 42 УПК РФ****. В частности, перечень лиц, к которым переходят права потерпевшего в случае его смерти, был расширен: близкие родственники и (или) близкие лица, родственники, чье участие рассматривается как дополнительные процессуальные гарантии обеспечения прав умершего лица.

Бесспорно, вопрос о том, кому перейдут права умершего потерпевшего по уголовному делу, решает только должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело. При этом должны учитываться следующие обстоятельства: близость умершего и данного лица, кото-

*** См.: О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. N 17 // Там же.

**** См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: федер. закон от 28 дек. 2013 г. N 432-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 52 (ч. 1). Ст. 6997.

рая может проявляться в совместном проживании, ведении общего хозяйства, совместном воспитании детей и так далее; жизненная позиция лица, то есть готовность отстаивать интересы умершего потерпевшего, что является немаловажным, поскольку потерпевший — это активная сторона в уголовном процессе; степень заинтересованности, которая выражается в желании защиты прав умершего лица; отсутствие у лица другого процессуального статуса в уголовном деле; отсутствие препятствующих для участия в деле заболеваний и других обстоятельств.

Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации свидетельствует о том, что, если с учетом характера отношений с погибшим лицом, значимости последствий его смерти, а также других обстоятельств будет установлено, что несколько лиц настаивают на предоставлении им возможности защиты прав умершего потерпевшего, так как преступлением затрагиваются права и законные интересы, в частности, каждого из них, никто не может быть лишен возможности судебной защиты умершего.

В целом, положительно оценивая внесенную поправку в УПК РФ, отметим, что данная норма требует дальнейшей детализации, поскольку в юридической литературе и у правоприменителей имеются различные мнения о том, каким процессуальным статусом наделяется лицо, к которому перешли права умершего потерпевшего, а также остается неясным механизм привлечения к производству по уголовному делу дополнительных участников [3, с. 324].

Рассмотрим имеющиеся позиции по данному вопросу.

Сторонники одной точки зрения полагают, что по процессуальному статусу близкие родственники умершего потерпевшего в уголовном деле, исходя из того, что преступлением им причинен моральный вред в связи с утратой близкого человека, должны признаваться потерпевшими [4, с. 107-108]. В ряде случаев данное мнение поддерживается и практикой. Так, согласно материалам уголовного дела N 1-16/2020, Ж. нанес множественные удары металлическим уголком в область головы, туловища, а также верхних и нижних конечностей гражданину. Вследствие действий Ж. на-

ступила смерть потерпевшего. Потерпевшим по уголовному делу был признан сын умершего*.

Считаем, что родственники умершего потерпевшего не могут признаваться потерпевшими в уголовно-процессуальном смысле ввиду того, что, во-первых, преступление не было направлено против них непосредственно, а во-вторых, вред, причиненный им смертью потерпевшего, — это косвенный, побочный результат преступного посягательства [5, с. 84].

Кроме того, в юридической литературе, а также среди правоприменителей существует другое мнение относительно процессуального статуса привлекаемых для участия в уголовном деле родственников погибшего: в связи с возникновением необходимости защиты прав и законных интересов лица, которое в силу обстоятельств не может собственными силами этого сделать, следует признавать родственников погибшего представителями умершего [6, с. 26]. Например, по уголовному делу, расследуемому по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, потерпевшей была признана гражданка N. Согласно свидетельству о смерти потерпевшая умерла, в связи с этим представителем умершей потерпевшей была признана ее дочь**. По делу N 1-57/2019 органами предварительного следствия представителем умершего потерпевшего была признана его мать***.

Определение представительства было известно еще в римском праве: в случае неспособности ряда лиц выступать в процессе в силу возраста, состояния здоровья, пола и т.д., «...когда какое-либо действие может быть совершено известным лицом с непосредственными и посредственными последствиями для другого лица, то между лицом действующим и представляемым предполагается известное представительное отношение» [7, с. 57].

* См.: Приговор от 23 июля 2020 г. по делу N 1-16/2020 // Архив Спасского районного суда (Пензенская область).

** См.: Приговор от 21 июля 2015 г. по делу N 1-41/2015 // Архив Зуевского районного суда (Кировская область).

*** См.: Постановление от 28 июня 2019 г. по делу N 1-57/2019 // Архив Кавказского районного суда (Краснодарский край).

В Толковом словаре русского языка представитель определяется как «лицо, которое действует по чьему-нибудь поручению, выражает чьи-нибудь интересы, взгляды»; а законный — как «основывающийся на законе»*.

Основаниями возникновения представительства в теории права являются юридические условия, необходимые для его существования и развития, к которым относится договор или закон. Исходя из этого, можно выделить два вида представительства: договорное (или добровольное) и законное (или обязательное).

Рассуждать о добровольном представительстве в случае смерти потерпевшего нецелесообразно, поскольку потерпевший, который может ходатайствовать о допуске представителя своих прав, физически отсутствует.

Анализ соответствующих норм УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что вопрос об уголовно-процессуальном представительстве, осуществляемом законными представителями, возникает в случаях, когда, во-первых, участник уголовного процесса является несовершеннолетним (ч. 2 ст. 45 УПК РФ), во-вторых, когда лицо в силу своих физических или психических недостатков не может самостоятельно реализовать свои полномочия (ч. 3 ст. 44 УПК РФ), в-третьих, когда в отношении лица ведется производство о применении к нему принудительных мер медицинского характера (ст. 437 УПК РФ). Из указанного следует, что для защиты прав и законных интересов лиц, лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители. Умершие лица лишены возможности реализовать свои права по защите. Поэтому полагаем, что смерть лица также должна являться основанием для участия в уголовном деле законного представителя в связи с отсутствием представляемого.

Задачей должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу, является создание необходимых ус-

ловий для реализации потерпевшим (как и другими участниками процесса) предоставленных законом процессуальных возможностей, и создание таких условий во многом зависит от своевременного уведомления участника уголовного процесса о его участии в судопроизводстве [8, с. 79].

Решение о привлечении к участию в уголовном деле лица, которое будет не только представлять права и законные интересы умершего потерпевшего, но и осуществлять их защиту, должно приниматься незамедлительно после подтверждения факта смерти потерпевшего, поскольку влечет за собой комплекс правовых последствий как для должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, так и для других участников уголовного процесса. В частности, у привлекаемого в качестве представителя лица появляется право активно участвовать в расследовании посредством участия в процессуальных действиях и т.д. [9, с. 45].

Таким образом, в случае смерти потерпевшего по уголовному делу становится возможной защита нарушенных прав и законных интересов его близкими родственниками, близкими лицами либо при их отсутствии или невозможности участия в уголовном судопроизводстве — родственниками погибшего в результате признания их на основании закона, т.е. путем признания законными представителями**. При этом логично, что законные представители потерпевшего должны наделяться теми же процессуальными правами, что и представляемое ими лицо. В связи с этим О.А. Зайцев верно отмечает: «...следователь, дознаватель должны не только указать на существование определенного права, но именно разъяснить его смысл и содержание в понятных для соответствующего участника уголовного судопроизводства выражениях» [10, с. 65].

С момента принятия процессуального решения о признании лица законным представителем умершего потерпевшего у него (представителя) появляется возмож-

* См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.com>

** См.: Приговор от 16 июля 2020 г. по делу N 1-182/2020 // Архив Читинского районного суда (Забайкальский край); Постановление от 13 нояб. 2020 г. по делу N 1-199/2020 // Архив Моршанского районного суда (Тамбовская область).

ность быть активным участником уголовного процесса. Лицо становится самостоятельным участником уголовного процесса, а его активная позиция в уголовном деле, в первую очередь, связана с защитой интересов умершего потерпевшего.

Важным является вопрос о том, можно ли заменить законного представителя. Считаем, что при наличии обстоятельств, ввиду которых невозможно участие лица в качестве законного представителя («процессуальная пассивность» по причине болезни, смерти, командировки и другие), это допустимо.

Защита прав и законных интересов умершего потерпевшего должна быть гарантирована не только обеспечением участия его законного представителя в уголовном деле, но и возможностью реализации права на юридическую помощь законному представителю при наличии от него ходатайства, например, в лице адвоката. Вместе с тем закон предусматривает участие представителя потерпевшего за счет средств федерального бюджета только в случае ходатайства законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности (ч. 2 ст. 45 УПК РФ). Только в этом случае должностное лицо, осуществляющее расследование, обязано обеспечить участие адвоката в уголовном деле. В остальных случаях реализация права потерпевшего на представителя напрямую зависит от волеизъявления и имущественного положения потерпевшего.

Согласно п. 1.1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, а также п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. N 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам», подтвержденные соответствующими документами расходы потерпевшего, связанные с выплатой вознаграждения своему представителю, при условии их необходимости и оправданности относятся к процессуальным издержкам по уголовным делам и оплачиваются из средств федерального бюджета. Соответственно, суммы, выплаченные потерпевшему на покрытие этих расходов, взыскиваются с

осужденных или относятся на счет средств федерального бюджета*. Следовательно, с момента привлечения законного представителя умершего потерпевшего должностное лицо обязано разъяснить ему право приглашать представителя и требовать возмещения сумм, связанных с выплатой вознаграждения представителю.

Таким образом, современный механизм обеспечения прав и законных интересов потерпевшего, умершего в процессе расследования уголовного дела, характеризуется конструктивной незавершенностью. Несомненно, внесение изменений в ч. 8 ст. 42 УПК РФ позволило более эффективно защищать права умершего потерпевшего другими лицами. Вместе с тем в настоящее время можно утверждать о несовершенстве действующего УПК РФ в части защиты прав и законных интересов умершего потерпевшего, в том числе по иным причинам, не связанным с преступлением, что подтверждается решениями Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Подводя итог, подчеркнем необходимость внесения дополнения в ч. 8 ст. 42 УПК РФ, во-первых, относительно закрепления наступления процессуальных последствий смерти лица по иным, независящим от преступления, причинам, а во-вторых, относительно привлечения в уголовный процесс законных представителей и представителей, и изложить данную часть в следующей редакции:

«8. По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, а также в случае наступления смерти потерпевшего по иным, не зависящим от преступления, причинам для защиты прав и законных интересов умерших потерпевших к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители.

Законным представителем умершего может быть один из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их

* О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2013 г. N 42. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве — один из родственников.

Решение о допуске законного представителя потерпевшего принимается не-

посредственно после подтверждения в материалах дела смерти потерпевшего и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда».

Список источников

1. Общая теория прав человека: учебник / И.А. Карташкин, Н.С. Колесова, А.М. Ларин [и др.]; отв. ред. Е.А. Лукашева. Москва: Норма, 1996. 520 с.
2. Рыжаков А.П. Потерпевший: понятие, права и обязанности: науч.-практ. руководство. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 288 с.
3. Гаврилов М.А. Реституция и гражданский иск по уголовным делам в случае смерти потерпевшего // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. N 3 (45). С. 322-328.
4. Евлоев Р.М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (Стадия предварительного расследования): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Санкт-Петербург, 2005. 210 с.
5. Патрушева А.А. Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2020. 257 с.
6. Круглов С.В. Представитель потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Следователь. 2004. N 6. С. 24-30.
7. Салогубова Е.В. Процессуальное представительство в римском праве // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 1995. N 3. С. 57-65.
8. Арсенова Н.В. Проблемы реализации права потерпевшего на представителя в ходе досудебного производства // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы восемнадцатой междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2020. Ч. 1. С. 78-80.
9. Кривошеков Н.В. Особенности признания лица потерпевшим по отдельным категориям уголовных дел экономической направленности // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. N 2 (13). С. 44-50.
10. Зайцев О. Комментарий к ст. 11. Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2002. N 2. С. 65-66.

References

1. Kartashkin I.A., Kolesova N.S., Larin A.M. [i dr.]. General theory of human rights. Moscow, Norma Publ., 1996, 520 p. (In Russ.).
2. Ryzhakov A.P. Victim: concept, rights and obligations: scientific and practical. management. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2006, 288 p. (In Russ.).
3. Gavrillov M.A. Restitution and civil lawsuit in criminal cases in the event of the death of the victim. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, no. 3 (45), pp. 322-328. (In Russ.).
4. Evloev R.M. Procedural guarantees for the protection of the rights and legitimate interests of victims of crimes (Preliminary investigation stage). Cand Diss.: 12.00.09. St. Petersburg, 2005. 210 p. (In Russ.).
5. Patrusheva A.A. Criminal proceedings arising in connection with the death of participants in criminal proceedings. Cand. Diss.: 12.00.09. Omsk, 2020. 257 p. (In Russ.).
6. Kruglov S.V. Victim's representative in criminal proceedings. Investigator, 2004, no. 6, pp. 24-30. (In Russ.).
7. Salogubova E.V. Procedural representation in Roman law. Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. 1995, no. 3, pp. 57-65. (In Russ.).
8. Arsenova N.V. Problems of realization of the right of the victim to a representative during pre-trial proceedings. Topical problems of combating crimes and other offenses. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. Part 1. Pp. 78-80. (In Russ.).
9. Krivoshchekov N.V. Features of recognition of a person as a victim in certain categories of criminal cases of an economic orientation. Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 2 (13), pp. 44-50. (In Russ.).
10. Zaytsev O. Commentary to Art. 11 "Protection of human and civil rights and freedoms in criminal proceedings". Criminal law, 2002, no. 2, pp. 65-66. (In Russ.).

Научная специальность: 12.00.09 (5.1.4)

Определение размера взыскания процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве: проблемные аспекты теории, законодательства, практики

Наталья Владимировна Драничникова,

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, dr131nt@gmail.com

Аннотация. В статье раскрыты вопросы, касающиеся правовой природы взыскания процессуальных издержек, выделены критерии, которые необходимо учитывать при определении размера расходов, подлежащих возмещению и взысканию. Анализ материалов судебной практики позволил выявить ее неоднозначность и противоречивость в вопросе определения разумных пределов процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве. Исходя из практической значимости данной темы, обозначены критерии разумного размера процессуальных издержек и особенности их исчисления в уголовном судопроизводстве. С учетом мнений ученых-процессуалистов по данному вопросу, правовой регламентации процессуальных издержек, практики применения в части определения размера взыскания как принудительной меры, обеспечивающей возмещение ущерба, предлагается внести в статью 132 УПК РФ коррективы, касающиеся определения размера и особенно разумных пределов возмещения (взыскания) процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, процессуальные издержки, взыскание процессуальных издержек, размер процессуальных издержек, федеральный бюджет, судебная практика

Для цитирования: Драничникова Н.В. Определение размера взыскания процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве: проблемные аспекты теории, законодательства, практики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 1 (59). С. 55-61.

Determining the amount of procedural costs recovery in criminal proceedings: problematic aspects of theory, legislation, practice

Natalya V. Dranichnickova,

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, dr131nt@gmail.com

Abstract. The issues concerning the legal nature of the recovery of procedural costs are revealed in the article. The criteria that must be taken into account when determining the amount of expenses to be reimbursed and recovered are identified. The analysis of the judicial practice made it possible to reveal its ambiguity and inconsistency concerning the issue of determining the reasonable limits of procedural costs in criminal proceedings. Taking into account the practical significance of this topic, the author of the article identifies the criteria for a reasonable amount of procedural costs and the specifics of calculating these costs in criminal proceedings. Having analyzed the opinions of the legal scientists specializing in criminal procedure on this issue, as well as the legal regulation of procedural costs, the practice of application regarding the determination of the amount of procedural costs recovery as a coercive measure providing compensation for damage, the author proposes to make the amendments to Article 132 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to determine the amount and reasonable limits of the compensation (recovery) of procedural costs in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, procedural costs, recovery of procedural costs, amount of procedural costs, federal budget, judicial practice

For citation: Dranichnickova N.V. Determining the amount of procedural costs recovery in criminal proceedings: problematic aspects of theory, legislation, practice // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 1 (59). P. 55-61.

Введение

Согласно уголовно-процессуальному законодательству взыскание издержек не рассматривается как принуждение, как мера процессуальной ответственности, что свидетельствует о проблемах его применения. Суды высших инстанций постоянно разрешают вопросы, связанные с исчислением, возмещением, взысканием данных расходов, понесенных как отдельными участниками уголовного судопроизводства, так и государством. Проблемы применения названной меры, отсутствие единообразной судебной практики, в том числе по вопросу определения размера процессуальных издержек, свидетельствуют о том, что процессуальные издержки не рассматриваются как правовой институт, отличающийся самостоятельностью. Все это определяет актуальность темы настоящей статьи.

Целесообразность введения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации института процессуальных издержек связана со снижением расходов федерального бюджета на уголовное судопроизводство и правовое регулирование отношений между участниками в вопросах возмещения и взыскания данных расходов.

Институт процессуальных издержек является наиболее проблемным элементом института судебных расходов в отраслевом законодательстве, характеризуется обособлением от других институтов путем закрепления в различных нормативных правовых актах. Несмотря на возросший в последнее время интерес к отдельным вопросам данного института, следует отметить, что правовая природа этих расходов теоретически еще не разработана. Один из основных проблемных вопросов касается устранения несовершенства норм уголовно-процессуального законодательства, обусловленного правоприменительными проблемами. В связи с этим возникают сомнения относительно того, является ли проблема определения размера процессуальных издержек, особенностей их исчисления теоретической или же отсутствие ее решения негативно отражается на правоприменительной практике.

Прежде всего, необходимо определить с тем, какие расходы относят-

ся к процессуальным издержкам, каковы источники финансирования данных расходов, каковы критерии «разумности» и «соразмерности» при определении размера издержек, который является одним из элементов доказывания. Отметим, что разное толкование положений закона, отсутствие единообразной судебной практики позволяют оценивать размер процессуальных издержек только по усмотрению суда. В свете сказанного и возникает проблема определения критериев размера сумм, возмещаемых за счет средств федерального бюджета или взыскиваемых с виновного.

Основная часть исследования

Причины неприменения взыскания процессуальных издержек, как и денежного взыскания, можно объяснить объективными и субъективными предпосылками. К первым, независящим от правоприменителя причинам, может относиться имущественная несостоятельность виновного, а ко вторым – отсутствие теоретических разработок, касающихся мер имущественной ответственности за совершенные преступления, к которым, по мнению ряда ученых, можно отнести взыскание процессуальных издержек [1, с. 29-30; 2, с. 350]. Содержание данной меры составляет понятие процессуальных издержек как суммы, подлежащей взысканию, с целью пополнения средств бюджета, израсходованных на производство по делу, путем возвращения понесенных государством расходов, признанных в качестве процессуальных издержек. Постоянный оборот денежных средств позволяет пополнять бюджет, покрывать расходы по новым уголовным делам, а вновь возникающие расходы предопределяют необходимость их взыскания с виновного в случае его осуждения. В связи с этим основанием данного вида ответственности является виновное поведение, а санкцией имущественного характера – взыскание процессуальных издержек.

Вопросы взыскания издержек требуют совершенствования процессуального порядка, что подтверждается законодательными инициативами: предлагается новая редакция ч. 1 ст. 132 УПК РФ в целях обеспечения возмещения расходов федерального бюджета, затрачиваемых на уго-

ловное судопроизводство*, закрепление возможности учитывать выплату осужденным процессуальных издержек при продлении испытательного срока условного осуждения и при решении вопроса об условно-досрочном освобождении от наказания**, а также изменениями в ст. 132 УПК РФ, внесенными 30 апреля 2021 г., согласно которым «процессуальные издержки взыскиваются с осужденных, а также с лиц, уголовное дело или уголовное преследование в отношении которых прекращено по основаниям, не дающим права на реабилитацию...».

Как отмечает С.Р. Зеленин, принятие решения о прекращении уголовного дела при отсутствии оснований для реабилитации не влечет устранение обязанностей лица, в отношении которого велось уголовное преследование [3, с. 79]. Это подтверждается и позицией Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), в соответствии с которой такое решение «не влечет для лица каких-либо уголовно-правовых последствий»***, поэтому расходы, относимые к издержкам, подлежат взысканию. В данном контексте прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования представляет собой проявление процессуальной экономии, как и применение упрощенных форм

судопроизводства, хотя в таком случае, согласно принципу презумпции невиновности, взыскание процессуальных издержек неправомерно и необоснованно. Это подтверждает и Европейский Суд по правам человека: «Решение суда, объявившего об окончании уголовного производства по делу в связи истечением сроков давности, но обязавшего обвиняемого нести некоторые судебные издержки и оплатить возмещение расходов частным обвинителям, является нарушением права на справедливое судебное разбирательство ввиду несоблюдения принципа презумпции невиновности»****. Данное положение соотносится и с позицией Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), согласно которой «судья не вправе возложить обязанность по возмещению расходов, относящихся к процессуальным издержкам, на обвиняемого, поскольку в отношении его не был постановлен обвинительный приговор» (п. 22)*****.

Исходя из сказанного можно сделать вывод о неубедительности утверждения о взыскании процессуальных издержек при прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования. Например, в случае неуплаты лицом судебного штрафа суд по представлению органов принудительного исполнения Российской Федерации отменяет постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Дальнейшее производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке (ст. 446.5 УПК РФ), а завершение его обвинительным приговором уже предполагает взыскание процессуальных издержек.

Рассматривая проблему определения размера процессуальных издержек, следует также отметить, что при принятии ре-

* МВД предлагает новый порядок взыскания процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве // Адвокатская газета. 2019. 12 нояб. URL: <https://www.advgazeta.ru>

** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части возмещения процессуальных издержек по уголовному делу: проект Федерального закона N 703384-7 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru>

*** По делу о проверке конституционности части первой статьи 1 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 окт. 2018 г. N 36-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2018. N 6. С. 103-109.

**** Минелли против Швейцарии (Идентификационный номер дела: ECH-183-S-003) // Европейский Суд по правам человека: официальный сайт. URL: <https://europeancourt.ru>

***** О практике применения законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2013 г. N 42. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шения об обоснованности расходов суды руководствуются действующим законодательством и выработанными правовыми позициями КС РФ и ВС РФ:

1) расходы, которые были фактически понесены, подлежат возмещению;

2) сумма расходов должна подтверждаться совокупностью обстоятельств дела (объем, сложность, продолжительность рассмотрения дела);

3) сумма расходов должна быть обусловлена стоимостью юридических услуг на момент их оказания.

На обозначенных критериях можно основываться при определении размера процессуальных издержек, если они подтверждаются документально.

Судебная практика допускает снижение размера взыскиваемых процессуальных издержек с виновного, но критерии для принятия подобных решений судьей (судом) законодательно не установлены. Например, определяя размер издержек, подлежащих взысканию с осужденного, суд первой инстанции не принял во внимание, что судебные заседания по делу неоднократно откладывались не по вине осужденного, а по независящим от него причинам, а именно в связи с тем, что осужденный не был доставлен в суд, необходимостью истребования доказательств, непоступлением в суд заключения судебно-психиатрической экспертизы (неоднократно). Поскольку юридическая помощь осужденному в эти дни фактически не оказывалась, основания для взыскания с него процессуальных издержек, связанных с выплатой вознаграждения адвокату, в данной части отсутствовали. Кроме того, размер вознаграждения адвоката в 2019 и 2020 годах не являлся одинаковым. Однако суд возложил на осужденного обязанность по оплате процессуальных издержек за 2019 год, исходя из тарифов, установленных на 2020 год. Постановление изменено, размер взыскиваемых с осужденного процессуальных издержек снижен*.

* Апелляционное постановление от 9 нояб. 2020 г. N 22-4356/2020 // Обзор судебной практики апелляционной инстанции судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда за 2-е полугодие 2020 г. URL: <http://oblsud.vol.sudrf.ru>

Другим проблемным аспектом рассматриваемой темы исследования является определение размера возмещения расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего как процессуальных издержек. При условии оплаты потерпевшим можно выделить следующую схему: заключение договора (соглашения) об оказании юридической помощи и принятие решения должностным лицом (дознавателем, следователем, прокурором или судьей) о компенсации потерпевшему расходов при наличии документов.

Потерпевший (представитель потерпевшего) вследствие тех или иных обстоятельств может быть неспособен изначально оплатить услуги адвоката-представителя, которые впоследствии должны быть возмещены, однако решение данного вопроса законодательно не урегулировано. Объясняется данное положение тем, что в УПК РФ не предусмотрено участие представителя потерпевшего по назначению дознавателя, следователя, суда, поэтому стоимость услуг определяется только договором и должна оцениваться с учетом требований разумности, необходимости и оправданности расходов.

Исходя из практики, суды удовлетворяют требования потерпевшего частично, ссылаясь на разумные пределы. В отличие от уголовного судопроизводства, в гражданском судопроизводстве при разрешении вопроса о распределении судебных расходов суд руководствуется принципом процессуальной экономии, смыслом которой является то, что «достижение любого процессуального действия необходимо с учетом минимальных издержек как для судов, так и для лиц, участвующих в деле» [4, с. 355].

Например, суд первой инстанции мотивировал решение о снижении размера расходов потерпевшего, связанных с оплатой вознаграждения его представителю за ознакомление с материалами уголовного дела, за представление его интересов в ходе предварительного расследования, следующим образом: небольшой объем уголовного дела (один том), отсутствие сложности в рассмотрении дела, незначительный объем работы и затраченное время, расходы не являют-

ся оправданными и не могут быть возмещены в полном объеме*.

УПК РФ не определяет понятие «разумных пределов», а также их критерии по оплате услуг представителя. Продолжая данный тезис, следует подчеркнуть взаимосвязь возмещения издержек и принципа справедливости, который предполагает соответствие между выполненной работой и ее оплатой. В связи с существующими недостатками регламентации критериев разумности при возмещении расходов представителю потерпевшего в УПК РФ размер подлежащих возмещению (взысканию) издержек возможно определить только по судебскому усмотрению, основанному на практике применения института процессуальных издержек.

Правовая позиция КС РФ в данном вопросе заключается в том, что «суд не вправе самостоятельно определять сумму расходов на представителя, подлежащую выплате, а может лишь указать на допущенные следователем (дознавателем, прокурором) ошибки в оценке необходимости и оправданности таких расходов и обязать это должностное лицо устранить допущенные нарушения, как следствие, не исключены ситуации, когда суд отменяет неправомерные постановления, касающиеся возмещения потерпевшему расходов на представителя (как это имело место в деле Э.Р. Юровских), что значительно удлиняет процесс восстановления нарушенных прав потерпевшего и вынуждает его нести дополнительные затраты на ведение нового судебного разбирательства»**.

* Апелляционное постановление Волжского городского суда Республики Марий Эл от 14 февр. 2018 г. по делу N 10-4/18 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

** По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 мая 2021 г. N 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С.Р. Зеленин на основе обобщения судебных решений отмечает еще один подход, ««в котором суд в отсутствие прямого указания закона или постановления Правительства Российской Федерации сослался при установлении размера оплаты труда адвоката-представителя на минимальные ставки вознаграждения за оказываемую юридическую помощь» [5, с. 87]. Данный случай является единичным и не распространен в других решениях.

В настоящее время остаются не выявленными проблемы, которые приходится разрешать судьям, использующим правомочие усмотрения, при определении размера процессуальных издержек на основе критерия разумности и особенности снижения данного размера. Конституционный Суд Российской Федерации обозначил свою позицию по вопросу использования потерпевшим своего права на возмещение расходов на представителя в постановлении от 13 мая 2021 г. N 18-П следующим образом: 1) потерпевшему должны быть возмещены все затраты на представителя, если они подтверждены документально; 2) обязанностью суда является решение вопроса о необходимости выплаты расходов, а также определение возможного размера их изменения при обжаловании гражданами постановления должностного лица в органе правосудия.

Снижение размера процессуальных издержек в разумных пределах, подлежащих взысканию, необходимо четко регламентировать, чтобы исключить произвольное занижение сумм расходов. Целесообразно включить в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2013 г. N 42 «О практике применения законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» разъяснение, согласно которому суд вправе по своему усмотрению снизить размер процессуальных издержек, подлежащих взысканию с обвиняемого: «Определяя размер процессуальных издержек представителю потерпевшего, подлежащих взысканию с обвиняемого, суд имеет возможность снизить его, во-первых, при выявлении случаев злоупотребления правом; во-вторых, при необоснованности размера расходов; в-третьих, при доказанности имущественной несостоятельности обви-

няемого; в-четвертых, при оправдании лица в части предъявленного обвинения».

Кроме того, следует рассмотреть некоторые аспекты определения размера возмещения расходов адвокату-защитнику, участвующему в уголовном деле по назначению. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. N 1240* определяет порядок и размер возмещения процессуальных издержек на услуги адвоката по назначению по уголовному делу.

На основе выявленных в ходе исследования проблем при определении размера взыскания, а также материалов судебной практики выделим критерии расчета сумм процессуальных издержек:

1) критерий времени — определение размера возмещения процессуальных издержек в установленных пределах (длительность предварительного и судебного следствия, производства дознания, судебных прений и т.д.);

2) критерий сложности — определяется количественными показателями (количество томов уголовного дела и т.д.), качественными показателями (подсудность уголовного дела, проведение судебных экспертиз и их сложность, и т.д.), что позволяет дознавателю, следователю, прокурору, суду определить повышенный размер процессуальных издержек;

3) критерий оплаты — расходы были необходимы и подтверждены доказательствами, свидетельствующими об обоснованности и оправданности расходов, относимых к процессуальным издержкам.

* О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации (вместе с Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации): постановление Правительства Российской Федерации от 1 дек. 2012 г. N 1240: ред. от 27 сент. 2021 г. // Рос. газ. 2012. 7 дек.; URL: <http://pravo.gov.ru>

Размер вознаграждения адвоката в разумных пределах, как было уже отмечено, не определен, что противоречит принципу процессуальной экономии, особенно при выявлении фактов злоупотребления [6, с. 7]. Обобщив судебную практику, можно выделить случаи злоупотребления правом адвокатом:

1) затягивание сроков ознакомления с процессуальными документами. Так, адвокат затратил на ознакомление с протоколом судебного заседания (87 с.) три дня. Суд признал это неразумным и удовлетворил заявление адвоката и частично выплатил ему вознаграждение за один день ознакомления с протоколом судебного заседания**;

2) повторное ознакомление с материалами уголовного дела и дополнительная выплата гонорара***;

3) заявление ходатайств, количество которых соответствует количеству протоколов****.

Выводы

В завершение исследования сформулирован ряд выводов:

1. Размер процессуальных издержек, взыскиваемых с осужденного, определяется судом. Взыскание издержек имеет принудительный характер, необходимо для пополнения бюджета, сохраняя внутрибюджетный баланс. Неприменение данной меры связано с некоторыми предпосылками: 1) имущественная несостоятельность виновного; 2) неоправданное отождествление понятий возмещения и взыскания, нарушающее процедуру взыскания; 3) несовершенство правового регулирования, не позволяющее регулярно воплощать ее в практическую деятельность.

2. Разумный размер процессуальных издержек при взыскании включает в себя:

** Апелляционное постановление Магаданского областного суда от 22 июня 2016 г. по делу N 22-323/2016. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»

*** Решение Волгоградского областного суда от 1 окт. 2018 г. по делу N 22-3958/2018 // Волгоградский областной суд; официальный сайт. URL: <https://oblsud.vol.sudrf.ru>

**** Решение Волгоградского областного суда от 30 мая 2017 г. по делу N 22-2185/2017 // Там же.

необходимость расходов, их действительность, разумный и обоснованный размер в количественном отношении, реальность возникших расходов и издержек, указание точного размера и расчет расходов, учет продолжительности и объема услуг. Обозначенные критерии схожи с критериями разумного срока и могут быть приняты в качестве основных для обоснования суммы взыскания процессуальных издержек, если они находят свое документальное подтверждение.

3. С учетом мнения ученых-процессуалистов по данному вопросу, правовой регламентации процессуальных издержек, практики применения в части определения размера взыскания как принудительной меры, обеспечивающей возмещение ущерба, полагаем, что необходимы: 1) корректировка норм уголовно-процес-

суального законодательства для устранения проблем правоприменения, касающихся разумных пределов возмещения (взыскания) процессуальных издержек; 2) введение правила, согласно которому суд вправе по своему усмотрению снизить размер процессуальных издержек, подлежащих взысканию с обвиняемого: «Определяя размер процессуальных издержек представителю потерпевшего, подлежащих взысканию с обвиняемого, суд имеет возможность снизить размер, во-первых, при выявлении случаев злоупотребления правом (представителем потерпевшего, адвокатом); во-вторых, при необоснованности размера расходов; в-третьих, при доказанности имущественной несостоятельности обвиняемого; в-четвертых, при оправдании лица в части предъявленного обвинения».

Список источников

1. Тутынин И.Б. Взыскание процессуальных издержек при помощи наложения ареста на имущество // Исполнительное право. 2006. N 4. С. 29-31.
2. Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. 452 с.
3. Зеленин С.Р. О взыскании процессуальных издержек при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. N 2. С. 74-87.
4. Порохов М.Ю. Актуальные вопросы возмещения судебных расходов на оплату услуг представителя, с учетом изменений правоприменительной практики // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. Санкт-Петербург, 2018. С. 351-356.
5. Зеленин С.Р. Процессуальные издержки, связанные с оплатой труда представителя потерпевшего, участвующего в деле в соответствии с частью 2.1 статьи 45 УПК РФ // Российское правосудие. 2020. N 9. С. 84-90.
6. Гордейчик С.А. Злоупотребления адвокатами правом на оплату услуг из федерального бюджета при рассмотрении уголовных дел в суде // Адвокатская практика. 2019. N 3. С. 7-9.

References

1. Tutynin I.B. Recovery of procedural costs by means of seizure of property. Executive Law, 2006, no. 4, pp. 29-31. (In Russ).
2. Vershinina S.I. State coercion in criminal proceedings: legal nature and mechanism of functioning. Doct. Diss. Tolyatti, 2017. 452 p. (In Russ).
3. Zelenin S.R. On the recovery of procedural costs when a criminal case is terminated on non-rehabilitating grounds. News of the Tula State University. Economic and legal sciences, 2021, no. 2, pp. 74-87. (In Russ).
4. Porokhov M.Yu. Topical issues of reimbursement of court costs for payment of services of a representative, taking into account changes in law enforcement practice. Actual problems of the procedural and legal status of subjects of civil, arbitration and administrative proceedings. St. Petersburg, 2018. Pp. 351-356. (In Russ).
5. Zelenin S.R. Procedural costs associated with the remuneration of the representative of the victim participating in the case in accordance with Part 2.1 of Article 45 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Russian Justice, 2020, no. 9, pp. 84-90. (In Russ).
6. Gordeychik S.A. Abuse by lawyers of the right to pay for services from the federal budget when considering criminal cases in court. Advocate practice, 2019, no. 3, pp. 7-9. (In Russ).

Раздел 6. Компаративистика и зарубежный опыт

Научная специальность: 12.00.11; 12.00.14 (5.1.2)

Институт административной юстиции в странах Западной Европы: компаративное исследование

Владимир Иванович Майоров,

доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, 1955715@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу особенностей функционирования института административной юстиции в странах Западной Европы: ФРГ, Франции, Великобритании. В указанных государствах сформированы различные модели административной юстиции, во многом обусловленные их принадлежностью к романо-германской и англосаксонской правовым системам. Автором выделены их основные отличия, которые заключаются в том, что для романо-германской системы характерно создание самостоятельных и обособленных от других судебных учреждений органов административной юстиции, уполномоченных на рассмотрение и разрешение административных споров. В странах, принадлежащих к англосаксонской системе, органы административной юстиции находятся под контролем судов общей юрисдикции и, как правило, реализуют функции досудебного разрешения административных дел. Автор раскрывает специфику данных моделей, которая определяется ролью и местом органов административной юстиции в системе разделения властей, а также содержанием и объемом их полномочий.

Ключевые слова: административная юстиция, административное судопроизводство, страны Европы, правовая система, судебные органы

Для цитирования: Майоров В.И. Институт административной юстиции в странах Западной Европы: компаративное исследование // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 1 (59). С. 62-69.

The institution of administrative justice in Western European countries: a comparative research

Vladimir I. Mayorov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russia, 1955715@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the functioning of the institution of administrative justice in Western European countries: Germany, France, Great Britain. In these states, different models of administrative justice have been formed, largely due to their belonging to the Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal systems. The author of the article distinguishes their main differences. The Romano-Germanic system is characterized by the establishment of administrative justice bodies that are independent and separate from other judicial institutions and are authorized to hear and resolve administrative disputes. In the countries belonging to the Anglo-Saxon system, administrative justice bodies are under the control of courts of general jurisdiction and, as a rule, carry out the functions of pre-trial resolution of administrative cases. The author reveals the specifics of these models, which is determined by the role and place of administrative justice bodies in the system of separation of powers, as well as by the nature and scope of their powers.

Keywords: administrative justice, administrative proceedings, European countries, legal system, judiciary

For citation: Mayorov V.I. The institution of administrative justice in Western European countries: a comparative research // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 1 (59). P. 62-69.

Введение

В современной юридической литературе вопрос о содержании и соотношении понятий «административная юстиция» и «административное судопроизводство» является спорным. Большинство ученых-правоведов отождествляют настоящие понятия. Однако они неравнозначны [1, с. 234]. Институт административной юстиции можно охарактеризовать как комплексный правовой институт, а административное судопроизводство — как процессуальный механизм административной юстиции [2, с. 713].

Выделяется несколько моделей административной юстиции:

1) административная — органы административной юстиции входят в исполнительную ветвь власти и неподконтрольны судам общей юрисдикции;

2) общесудебная — специализированные органы административной юстиции отсутствуют. Жалобы на действия органов исполнительной власти рассматриваются судами общей юрисдикции;

3) квазисудебная — административная юстиция представлена трибуналами, которые подконтрольны судам общей юрисдикции;

4) административно-судебная — административная юстиция представлена системой специализированных административных судов, которые входят в судебную систему [3, с. 13].

Для Российской Федерации характерна вторая — общесудебная — модель административной юстиции ввиду отсутствия специализированных органов в этой сфере (хотя на различных этапах и предпринимались попытки их создания). Данный факт во многом обусловлен особенностями исторического развития нашего государства, в связи с этим представляется актуальным рассмотрение опыта зарубежных стран в этой области.

Описание исследования

В странах Западной Европы административное правосудие является одним из важнейших демократических институтов. Значение института административной юстиции определяется тем, что он обеспечивает защиту прав и свобод граждан от неправомерных действий (либо бездействия) органов публичной власти.

Институт административной юстиции и соответствующая ему система административного судопроизводства в государствах Европы стали формироваться еще в эпоху средневековья. Действующая в Европе система общих судов занималась рассмотрением жалоб частных лиц на неправомерные действия органов власти и тем самым фактически воплощала общесудебную модель административной юстиции. Например, в средневековой Франции в каждой из провинций имелись парламенты, представлявшие собой особые судебно-административные учреждения, действовавшие в сфере публично-правовых отношений. По справедливому замечанию дореволюционного российского правоведа Ф.В. Тарановского, «общая судебная компетенция парламентов делала их вместе с тем и органами административной юстиции, решавшими спорные вопросы публичного права» [4, с. 262].

Начало формированию современного института административной юстиции было положено после Великой французской революции. В XIX — начале XX века административные суды были созданы в большинстве европейских стран. В Западной Европе в силу исторических и политико-правовых особенностей тех или иных государств появились различные модели административной юстиции, обладающие определенной спецификой. Основные различия между ними заключаются, во-первых, в роли и месте органов административной юстиции в системе разделения властей; во-вторых, в содержании и объеме полномочий данных органов.

Во Франции административное судопроизводство осуществляется системой специализированных судебных органов, уполномоченных на разрешение любых публично-правовых споров, связанных с управленческой деятельностью органов государственного управления. В ФРГ административное правосудие рассматривается как форма осуществления административной юстиции, вследствие чего все публично-правовые споры, кроме конституционно-правовых, рассматриваются административными судами. В Великобритании в рамках доктрины общего права публично-правовые споры традиционно являлись предметом рассмотрения не в

специализированных, а в общих (обычных) судах.

Подобные расхождения связаны с тем, что в западных странах сформированы отличные друг от друга правовые системы:

1) континентальная (романо-германская), в рамках которой выделяются французская и германская;

2) англосаксонская, включающая в себя британскую и американскую модели.

Основные отличия данных правовых систем применительно к осуществлению административного правосудия заключаются в том, что для романо-германской системы характерно создание самостоятельных и обособленных от других судебных учреждений органов административной юстиции, уполномоченных рассматривать и разрешать административные споры. В странах, принадлежащих к англосаксонской системе, органы административной юстиции находятся под контролем судов общей юрисдикции и, как правило, реализуют функции досудебного разрешения административных дел. Страны Европы по большей части принадлежат к романо-германской, или континентальной, правовой системе. В ФРГ и Франции были сформированы основные ее разновидности.

В ФРГ действует Закон об административной юрисдикции от 21 января 1960 г., согласно которому сфера административной юрисдикции находится в ведении независимых от органов государственного управления судов, занятых рассмотрением публично-правовых споров, не относящихся к области конституционного права, за исключением тех, которые в соответствии с федеральным законодательством отнесены к компетенции иных судов*.

Иерархическая структура административных судов ФРГ включает три уровня. Суды первой инстанции объединяют 52 административных суда земель (субъектов Федерации). Данная категория судов занимается рассмотрением жалоб граждан на неправомерные решения административных органов. Отдельно на этом уровне можно выделить суды специальной административной юрисдикции — это, в част-

ности, финансовые (фискальные) суды, к компетенции которых относятся налоговые споры, а также социальные суды, разрешающие споры о социальном обеспечении [5, с. 136].

Вторая инстанция представлена шестнадцатью высшими административными судами земель, которые не только осуществляют судебные разбирательства и выносят решения по административным спорам, но также являются судами апелляционной инстанции для обжалования решений, принятых административными судами первой инстанции.

Наконец, последней инстанцией выступает Федеральный административный суд — общенациональный судебный орган, выполняющий функции суда кассационной инстанции по рассмотрению жалоб на решения, вынесенные высшими административными судами земель [6, с. 10-11]. Решения Федерального административного суда обязательны к исполнению конституционными органами ФРГ и земель, всеми судами и ведомствами [7, с. 68].

К полномочиям административных судов в ФРГ относится проверка законности любых актов или распоряжений административного органа, направленных на регулирование единичного случая в области публичного права, причем не только при прямом нарушении законодательства, но и при несоответствии административного акта общим принципам, формирующим правовую систему государства.

В соответствии с Законом ФРГ о порядке производства дел в административных органах от 25 мая 1976 г.** в тех ситуациях, когда публичный орган наделен дискрецией, то есть правом принятия решений по своему усмотрению, он обязан осуществлять такие действия в соответствии с целями наделения его данными полномочиями и в правовых пределах своих дискреционных полномочий [8, с. 90]. В свою очередь, административный суд имеет право провести проверку того, были ли превышены пределы усмотрения или усмотрение было применено не в тех целях, в которых административному органу были предоставлены полномочия по его использованию.

* Закон ФРГ об административной юрисдикции от 21 янв. 1960 г. (Verwaltungsgerichtsordnung). URL: <https://www.bjju.eu>

** URL: <https://online.zakon.kz>

Обязательным условием рассмотрения дела административным судом ФРГ является подача досудебных возражений на обжалуемый административный акт. Возражения рассматриваются органом, принявшим обжалуемый административный акт, либо вышестоящей инстанцией. Эффективность такого процессуального порядка рассмотрения дел заключается в том, что основное бремя разрешения споров смещается на досудебную стадию, а на рассмотрение административного суда передаются лишь споры, в которых имеются существенные противоречия в позициях гражданина и государственного органа.

Таким образом, юрисдикция административных судов ФРГ распространяется исключительно на вопросы проверки и контроля соответствия действующему законодательству нормативных актов, принятых органами публичной власти, и не включает в себя принятие решений по делам об административных правонарушениях физических и юридических лиц, которые в правовой системе ФРГ не относятся к сфере административного судопроизводства.

Особенностью Франции является исторически сложившийся судебный дуализм, при котором судебная структура включает: обычные судебные органы, разбирающие тяжбы между гражданами; органы административной юстиции, разрешающие споры между гражданами и администрацией.

Система специализированных судебных органов по рассмотрению и разрешению административных споров объединяет три уровня: административные трибуналы, административные апелляционные суды и Государственный совет. Последний был создан в 1799 году под влиянием Великой французской революции, а в 1872 году он был наделен полномочиями принимать собственные решения от имени народа Франции в качестве высшей судебной инстанции по административным делам [9, с. 45; 5, с. 137].

В настоящее время Государственный совет имеет сложную структуру и обладает как судебными, так и консультационными полномочиями. Осуществление правосудия возложено на Судебную секцию Государственного совета, выступающую в роли

кассационной и апелляционной инстанции для нижестоящих судов, а Административная секция предоставляет заключения по проверке законности проектов нормативных правовых актов.

Несмотря на имеющееся общее представление о том, что административные суды должны разрешать споры, вытекающие из выполнения государством своих публичных функций, во Франции действуют достаточно сложные правила подведомственности. Рассмотрение некоторых категорий дел отнесено к компетенции административных судов в силу прямого указания закона. В других случаях, напротив, дела явно административной «природы» подведомственны гражданским судам. Для разрешения коллизий в вопросах подведомственности во Франции создан специальный суд – Трибунал по конфликтам, целью которого является уточнение компетенции общих и административных судебных органов. В его состав в равном количестве входят судьи Государственного совета и Кассационного суда Франции.

Кроме того, рассмотрение административных споров может быть отнесено к ведению не общих административных судов, а органов со специализированной административной компетенцией (например, в налоговой области). Подобные органы весьма многочисленны, однако обладают собственной узкой компетенцией. Создание и деятельность этих органов объясняются различными задачами, стоящими перед множеством государственных организаций, главным образом в экономической и социальной сферах [10, с. 138].

Система специализированных административных судебных учреждений включает в себя в первую очередь финансовые судебные учреждения, к которым относятся Счетная палата, региональные и территориальные счетные палаты, а также Суд бюджетной и финансовой дисциплины.

На них распространяются общие правила обжалования судебных решений. Общие и специальные органы административной юстиции составляют основу французской системы административного правосудия.

Основополагающим законом, закрепляющим основные положения в рассматриваемой области, является Кодекс

административной юстиции Франции*. В нем определена компетенция Государственного совета, вопросы организации судебного процесса административных и административных апелляционных судов, общей и специальной подведомственности и т.д.

Можно констатировать, что во Франции сложилась четкая и отлаженная система разрешения публично-правовых споров, включающая разветвленную территориальную и иерархическую структуру, со специфическими правилами подведомственности, позволяющими относить те или иные дела к ведению органов, наиболее компетентных в конкретной области. Кроме того, французская система характеризуется строгим судебным контролем и широкими возможностями для подачи апелляций на решения органов суда.

Специфика государств, принадлежащих к англосаксонской правовой системе, заключается в том, что органы административной юстиции в этих странах осуществляют преимущественно досудебное разрешение административных споров и находятся под контролем судов общей юрисдикции.

Наглядным примером является Великобритания – государство, в котором первоначально сформировалась англосаксонская система административного правосудия. Ее фундаментальные принципы являются отражением основ английского права:

а) суд – суверенный хранитель закона и свободы граждан;

б) отсутствие деления права на частное и публичное и, как следствие, равенство правового статуса частных лиц и государства;

в) слабое развитие административного права как отрасли законодательства.

Исторически до начала XX века в Великобритании отсутствовали специализированные органы административной юстиции, поскольку доктрина общего права не требовала создания специальных судов, разрешающих споры с государством, а «акты управления должны подчиняться

контролю общих судов» [11, с. 103]. Однако подобный порядок административного судопроизводства обладал рядом недостатков: большие финансовые затраты, излишняя формализованность и сложность процесса, длительное рассмотрение дел.

В начале XX века расширение сферы деятельности и функций государственно-бюрократического аппарата привело к прямо пропорциональному росту числа административных споров. В данных условиях наряду с общими судами создаются квазисудебные органы – административные трибуналы (например, Транспортный трибунал, Трибунал по вопросам заработной платы), на которые возлагались функции по разрешению жалоб граждан и организаций на деятельность органов публичной власти [12, с. 149].

Административные трибуналы по своему статусу являются «органами за пределами судебной системы, но осуществляющими судебные функции» [5, с. 145]. Система трибуналов занимала промежуточное положение между администрацией и судебной властью и сочетала в себе черты как судебных, так и арбитражных органов. Каждый трибунал был закреплен за определенным министерством, и, как правило, его состав назначался министром той сферы, к которой принадлежал трибунал. Рассмотрению трибуналов подлежали подведомственные им публичные административные споры, но в определенных случаях слушания могли быть закрытыми. При этом процесс рассмотрения дела носил состязательный характер, а решение по делу принималось в письменном виде простым большинством голосов.

Постепенно административные трибуналы становятся составной частью судебной системы: их решения начинают носить судебный характер, их деятельность следует принципам естественного правосудия, а процедура рассмотрения дел проходит в форме судебного слушания. В 1957 году Комиссия по административным трибуналам и расследованиям признала, что трибуналы не являются частью администрации и их деятельность реализуется независимо от органов исполнительной власти, вмешательство со стороны которых недопустимо. В 1958 году был принят соответствующий Закон о трибуна-

* Кодекс административной юстиции Франции (Code de justice administrative). URL: <http://www.legifrance.gouv.fr>

лах и расследованиях, закрепивший унифицированную систему и самостоятельный статус трибуналов.

Проведенная в 2007 году в Великобритании реформа и принятый на ее основе новый Закон о трибуналах, судах и правоприменении усилили специализацию административной юстиции, расширив возможности для пересмотра решений трибуналов внутри их системы, и ограничили права на оспаривание таких решений в органах судебной власти [13, с. 78]. Раздел 1 настоящего Закона признает правомочных членов трибуналов в качестве членов судебной системы Соединенного Королевства, которым гарантируется постоянная судебная независимость (статья 1)*. При этом за общими судами остается функция контроля за законностью принимаемых административных актов на основе таких критериев правовой оценки, как незаконность, неразумность и процедурная неправильность (несправедливость) административных актов.

Таким образом, Закон о трибуналах, судах и правоприменении был направлен на сближение системы судов общего права и административных трибуналов как органов, действующих в сфере разрешения публично-правовых споров. Однако сближение общих судов и административных трибуналов не означает их слияние. Административные трибуналы по-прежнему не входят в судебную систему, хотя и тесно взаимодействуют с ней: закон предусматривает возможность обжалования решений трибуналов в суде, а также они подлежат надзорной юрисдикции суда.

Английская система административного правосудия включает помимо трибуналов и институт омбудсменов, который предпринимает действия в случае «неудовлетворительной работы администрации». Кроме того, в составе Высокого Суда правосудия существует Административный суд Великобритании, на который возложена функция судебного контроля за действиями и решениями органов государственной власти Великобритании — при обращении с соответствующими иска-

ми. Функции органов административной юстиции выполняют также некоторые суды округов, Суд короны и суды магистратов при рассмотрении отдельных категорий дел**.

Заключение

Изучение зарубежного опыта свидетельствует о том, что изначально формирование института административной юстиции в демократических государствах осуществляется в рамках общесудебной модели, когда публично-правовые споры рассматриваются судами общей юрисдикции. В зависимости от исторически сложившихся особенностей политической и правовой культуры той или иной страны возможно появление более сложных моделей, таких как квазисудебная и административно-судебная.

Сформированные в странах Западной Европы модели административной юстиции имеют прямую зависимость от сложившихся правовых систем: континентальной и англосаксонской.

Континентальная модель имеет две разновидности: французскую и германскую, которые имеют как черты сходства, так и черты отличия. Общими их признаками являются следующие:

1) рассмотрение и разрешение публично-правовых споров находится в компетенции административных судов, то есть особых судебных учреждений, отделенных от иных видов судов, занимающихся рассмотрением гражданских и уголовных дел;

2) принцип универсальной подведомственности, который выражается в том, что административный суд рассматривает любые жалобы, имеющие публично-правовой характер. При этом не имеет значения то, к какой сфере общественной жизни относится данная жалоба. Это составляет одно из главных отличий континентальной (романо-германской) модели административной юстиции от англосаксонской;

3) широкие полномочия по проверке соответствия закону решений, принимаемых органами государственной власти.

* Закон Великобритании о трибуналах, судах и правоприменении, 2007 г. URL: <https://hmong.ru>

** The Developing Administrative Justice Landscape: Executive Summary / Administrative Justice and Tribunals Council. URL: <http://ajtc.justice.gov.uk>

В Республике Франция и ФРГ органы административной юстиции проводят проверку законности решений органов исполнительной власти с точки зрения их соответствия публичным интересам и соразмерности ограничения прав граждан для достижения этих целей.

В то же время во Франции, в отличие от ФРГ, определенная категория административных дел относится к ведению гражданских судов, а также существуют специализированные органы административной юстиции, что влечет за собой необходимость создания Трибунала по конфликтам, разрешающего вопросы подведомственности. Вместе с тем во Франции досудебное обжалование решения административного органа не носит повсеместно обязательного характера. Характерной особенностью административных судов в ФРГ является то, что основное бремя разрешения споров смещается на досудебную стадию.

Англосаксонская правовая система традиционно не осуществляет деление права на публичное и частное, что проявляется и в судебной сфере. В Великобритании сложилась квазисудебная модель административной юстиции, в рамках которой функционируют особые органы – административные трибуналы, созданные с целью разрешения споров между гражданами и органами публичного управления.

Таким образом, хотя имеются известные различия систем континентального и общего права в странах Западной Европы, административная юстиция является эффективно функционирующим институтом. В Российской Федерации, несмотря на перманентное увеличение количества судебных дел, возникающих в сфере административно-правовых отношений, отсутствуют специализированные органы административной юстиции, что обуславливает важность изучения и адаптации зарубежного опыта в этой сфере.

Список литературы

1. Гамидова Э.Г. Административное судопроизводство и административная юстиция в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 230-237.
2. Салищева Н.Г. Проблемы развития административной юстиции в России // Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства / отв. ред. Ю.Н. Стариков. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2013. Вып. 7. 1060 с.
3. Караманукян Д.Т. Административная юстиция США. Омск, 2014. 124 с.
4. Тарановский Ф.В. Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке. Юрьев, 1911. 633 с.
5. Разгильдеев А.В. Административное правосудие: опыт стран Европы, США и возможность его использования в России // Закон. 2013. N 11. С. 135-150.
6. Кривельская О.В. Административная юстиция в Федеративной Республике Германии: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 181 с.
7. Административно-процессуальное право Германии / сост.: В. Бергманн. 2-е изд., перераб. Москва: Инфотропик Медиа, 2013. 247 с.
8. Административно-процессуальное право Германии (Verwaltungsrechtsschutz in Deutschland): Закон об административном производстве; Закон об административно-судебном процессе; Законодательство об исполнении административных решений: пер. с нем. Москва: Волтерс Клувер, 2007. 288 с.
9. Судебная система и судебные учреждения / сост. под рук. Пьера Трюша. Москва: Посольство Франции в России, 2003 (Изд-во Гнозис). 195 с.
10. Маклаков В.В. Административная юстиция во Франции // Правовые исследования во Франции: сб. науч. тр. Москва, 2007. С. 130-141.
11. Устюжанинова Е.А. Трибуналы как форма административной юстиции в Великобритании // Вестник Вятского университета. Право. 2011. N 1. С. 103-111.
12. Казачкова З.М., Быкодорова Л.В. Административные трибуналы Великобритании: этапы становления и развития // Общество и право. 2016. N 4. С. 148-152.
13. Соловьев А.А. Зарубежный опыт организации административной юстиции. Москва: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2014. 158 с.

References

1. Gamidova E.G. Administrative legal proceedings and administrative justice in the Russian Federation. *Bulletin of the Saratov University. Series: Economy. Control. Right*, 2017, vol. 17, no. 2, pp. 230-237. (In Russ.).
2. Salishcheva N.G. Problems of the development of administrative justice in Russia. *Administrative legal proceedings in the Russian Federation: development of the theory and formation of administrative procedural legislation*. Voronezh, Voronezh State University Publishing House, 2013. Issue 7. 1060 p. (In Russ.).
3. Karamanukyan D.T. *United States Administrative Justice*. Omsk, 2014. 124 p. (In Russ.).
4. Taranovsky F.V. *Dogmatics of positive state law in France under the old order*. Yuryev, 1911. 633 p. (In Russ.).
5. Razgil'deev A.V. Administrative justice: the experience of European countries, the USA and the possibility of its use in Russia. *Law*, 2013, no. 11, pp. 135-150. (In Russ.).
6. Krivel'skaya O.V. *Administrative justice in the Federal Republic of Germany*. Cand. Diss. Moscow, 2004. 181 p. (In Russ.).
7. *Administrative procedural law of Germany*. Moscow, Infotropic Media Publ., 2013. 247 p. (In Russ.).
8. *Administrative Procedural Law of Germany (Verwaltungsrechtsschutz in Deutschland): Law on Administrative Proceedings; Law on Administrative Court Procedure; Legislation on the execution of administrative decisions*. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2007. 288 p. (In Russ.).
9. *French judicial institutions. Judicial system and judicial institutions*. Moscow, French Embassy in Russia, 2003 (Gnosis Publishing House). 195 p. (In Russ.).
10. Maklakov V.V. *Administrative justice in France. Legal studies in France*. Moscow, 2007. Pp. 130-141. (In Russ.).
11. Ustyuzhaninova E.A. *Tribunals as a form of administrative justice in Great Britain*. *Bulletin of the Vyatka University. Right*, 2011, no. 1, pp. 103-111. (In Russ.).
12. Kazachkova Z.M., Bykodorova L.V. *UK Administrative Tribunals: Stages of Formation and Development*. *Society and Law*, 2016, no. 4, pp. 148-152. (In Russ.).
13. Solov'ev A.A. *Foreign experience in organizing administrative justice*. Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation, 2014. 158 p. (In Russ.).

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Научная специальность: 12.00.08 (5.1.4)

Проблемы уголовно-правовой квалификации самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам

Дмитрий Борисович Чернышев,

Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Екатеринбург, Россия, Sledstvient404@mail.ru

Аннотация. Автором предпринята попытка критического осмысления сложившейся после внесения изменений в статью 215.3 УК РФ правоприменительной практики с целью выявления ее возможного несоответствия смыслу закона и формулирования рекомендаций по совершенствованию уголовно-правовых норм, регулирующих отношения в сфере производства и поставки энергоресурсов. Рассматривается проблема квалификации судами по разным статьям УК РФ однородных действий по самовольному подключению к газопроводу и последующему хищению из него природного газа. Изучение судебной практики позволило констатировать, что указанные действия квалифицируются по статье 158 УК РФ в случае установления и доказывания объема и стоимости похищенного, по статье 215.3 УК РФ – если сделать это процессуальными средствами не представляется возможным. Соответственно, реализация принципа справедливости при назначении наказания ставится в зависимость от процессуальной возможности правоприменителя в конкретной ситуации установить размер причиненного преступлением ущерба. Сделан вывод о необходимости исключения из диспозиции статьи 215.3 УК РФ указания на формальные действия, связанные с самовольным подключением к газопроводу, и возвращения нормы к прежней редакции.

Ключевые слова: хищение, административная преюдиция, кража, уголовно-правовая квалификация, самовольное подключение к газопроводу

Для цитирования: Чернышев Д.Б. Проблемы уголовно-правовой квалификации самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 1 (59). С. 70-77.

Problems of criminal law qualification of unauthorized connection to oil pipelines, oil product pipelines and gas pipelines

Dmitry B. Chernyshev,

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia, Sledstvient404@mail.ru

Abstract. The author made an attempt to critically analyze the law enforcement practice that has developed after the introduction of amendments to Article 215.3 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to identify its possible inconsistency with the meaning of the law and formulate the recommendations for improving the criminal law norms regulating relations in the sphere of energy production and supply. The problem concerning the qualification of homogeneous actions including unauthorized connection to the gas pipeline and the subsequent theft of natural gas from it according to various articles of the Criminal Code of the Russian Federation by courts is considered. The study of the judicial practice made it possible to state that these actions are qualified under Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation in case of establishing and proving the amount and value of the stolen gas, but if it is not possible to do this by procedural means, they are qualified under Article 215.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Accordingly, the implementation of the principle of justice when imposing a sentence depends on the procedural possibility of the law enforcer to establish the amount of damage caused by the crime in a particular situation. It is concluded that it is necessary to exclude the formal actions related to unauthorized connection to the gas pipeline from the disposition of Article 215.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and return the specified norm to the previous wording.

© Чернышев Д.Б., 2022

Keywords: embezzlement, administrative prejudice, theft, criminal law qualification, unauthorized connection to the gas pipeline

For citation: Chernyshev D.B. Problems of criminal law qualification of unauthorized connection to oil pipelines, oil product pipelines and gas pipelines // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 1 (59). P. 70-77.

Самовольные подключения к магистральным трубопроводам, по которым осуществляется транспортировка топливных ресурсов, в частности природного газа, представляют повышенную опасность, так как, помимо причинения имущественного вреда интересам собственников – энергетических компаний, они могут привести к авариям на газопроводах. В результате этого возникает возможность наступления труднопрогнозируемых общественно опасных последствий, начиная с отключения населенных пунктов от централизованного снабжения энергоресурсами и заканчивая пожарами, взрывами, угрожающими здоровью и жизни людей. Это обуславливает необходимость особой правовой охраны общественных отношений, связанных с транспортировкой энергоресурсов по трубопроводам, в том числе уголовно-правовыми методами.

Проблемам противодействия преступности в сфере производства и поставки коммунальных ресурсов посвящен ряд исследований, в том числе монографического уровня. Например, следует отметить работы Ю.В. Быстровой, С.Л. Нуделя, О.В. Левашовой, А.А. Желдаковой, А.Ю. Теунаева, Р.С. Луневой, К.О. Бадаляна, Д.Ю. Гончарова и др. Однако постоянно меняющиеся условия на рынке энергоресурсов, а также противоречивая практика уголовно-правовой квалификации нарушений в данной сфере свидетельствуют о наличии значительного объема правовой неопределенности, что обуславливает актуальность дальнейшего научного изучения указанной проблемы.

Ранее, до июля 2018 г., общественная опасность самовольного подключения к газопроводу оценивалась как недостаточная для отнесения указанных действий к преступлениям. Ответственность за них была установлена ст. 7.19 КоАП РФ [1, с. 94]. Однако в связи с участившимися случаями совершения правонарушений, которые влекут наступление перечисленных выше

последствий, отношение к данному правонарушению было пересмотрено. А.Ю. Теунаев приводит ряд примеров гибели людей в Северо-Кавказском регионе в результате незаконного подключения к газопроводам. В рамках реализации государственной уголовно-правовой политики по обеспечению охраны общественных отношений, связанных с обеспечением общественной безопасности в сфере функционирования нефтепроводов, нефтепродуктопроводов, газопроводов, а также иных объектов, сооружений, технологически с ними связанных, Федеральным законом от 29 июля 2018 г. N 229-ФЗ* были внесены изменения в ст. 215.3 УК РФ [2, с. 116].

Если ранее уголовная ответственность была предусмотрена за действия, связанные с разрушением, повреждением или приведением иными способами в негодное состояние нефтепроводов, нефтепродуктопроводов, газопроводов, которые могли повлечь нарушение их нормальной работы, то в новой редакции в диспозицию нормы были включены также действия, связанные с самовольным подключением к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам, газопроводам, совершенные лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. Таким образом, новая редакция ст. 215.3 УК РФ содержит отсылку к ст. 7.19 КоАП РФ. Председатель Комитета Государственной Думы Российской Федерации по государственному строительству и законодательству П.В. Крашенинников отметил, что целью вносимых изменений выступает снижение случаев незаконного подключения к объектам передачи энергоресурсов, несущих риски возникновения аварий, экологических проблем и трагиче-

* О внесении изменений в статью 215.3 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 29 июля 2018 г. N 229-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

ских последствий, угрозу жизни и здоровью граждан, а также экологии*. Следует отдельно отметить, что в качестве мотивов данных противоправных деяний также названы корыстные побуждения субъектов, выражающиеся в их нежелании оплачивать потребленные ресурсы [3, с. 158-159].

Примененный в законодательстве подход в целом соответствует существующей в последние годы тенденции к криминализации проявлений административной преюдиции [4, с. 85]. В качестве примеров аналогии можно привести ст.ст. 151.1, 158.1, 264.1 УК РФ [5, с. 77-79; 6, с. 82; 7, с. 74].

Рассматривая диспозицию ч. 1 ст. 215.3 УК РФ (а также ее квалифицированной формы, содержащейся в ч. 2 ст. 215.3 УК РФ), можно сделать вывод о ее формальном составе, так как криминализации подвергаются именно действия, связанные с самовольным подключением, без указания на необходимость наступления каких-либо общественно опасных последствий. Как уже отмечалось, криминализация указанных деяний обусловлена объектом посягательства — общественной безопасностью. Однако, соглашаясь с мнением П.В. Крашенинникова, полагаем, что совершение субъектом действий, связанных с самовольным подключением к газопроводу (нефтепроводу, нефтепродуктопроводу), является, по сути, средством достижения основного преступного результата, а именно получения доступа к транспортируемым по трубопроводам коммунальным энергоресурсам. Криминализованное в ст. 215.3 УК РФ самовольное подключение самоцелью субъекта не является. И если в результате действий субъекта за самовольным подключением следует хищение энергоресурсов путем их потребления, то, соответственно, указанные деяния нельзя рассматривать по отдельности. В связи с этим самостоятельное применение ч. 1 ст. 215.3 УК РФ при квалификации вызывает ряд вопросов. Тем не менее изучение вступивших в силу обвинительных приговоров судов, вынесенных в соответствии с новой редакцией ч. 1 ст. 215.3 УК РФ, свидетельствует о сложившейся единообразной правоприменительной практике.

Согласно опубликованным данным Судебного департамента при Верховном

Суде Российской Федерации, в 2018 году за совершение преступлений, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 215.3 УК РФ, было осуждено 38 человек, в 2019 году — 396, в 2020 году — 77, а в 2021 году — 426**.

В качестве примера следует привести обвинительный приговор Прохладненского городского суда Кабардино-Балкарской Республики, вынесенный в отношении С. 29 июля 2020 г. Судом было установлено, что подсудимый, имея в собственности жилой дом, отключенный от газопровода за систематическую неуплату, самовольно подключил его к газовой трубе, после чего продолжил потреблять природный газ. Факт самовольного подключения при очередной проверке был выявлен сотрудниками организации — поставщика газа, дом вновь был отсоединен от газопровода. С. был привлечен к административной ответственности по ст. 7.19 КоАП РФ. После этого подсудимый, действуя умышленно, с целью получения доступа к природному газу и его дальнейшему потреблению вновь подключил свое домовладение к газопроводу посредством резинового шланга. В дальнейшем С. продолжительное время (до момента, пока его действия не были выявлены и пресечены сотрудниками полиции) незаконно использовал природный газ для собственных бытовых нужд***.

Аналогичные решения были приняты, в частности, 24 июля 2020 г. Гудермесским городским судом Чеченской Республики в отношении А.****, 29 сентября 2020 г. Буйнакским городским судом Республики Дагестан в отношении М.*****

** Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

*** Уголовное дело N 1-139/2020 / Прохладненский районный суд Кабардино-Балкарской Республики // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

**** Уголовное дело N 1-83/2020 // Гудермесский городской суд Чеченской Республики: официальный сайт. URL: <https://gudermessky--chn.sudrf.ru>

***** Уголовное дело N 1-139/2020 / Буйнакский городской суд Республики Дагестан // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

* См.: URL: <http://er-gosduma.ru>

На основе анализа данных приговоров можно сделать вывод о полной идентичности совершенных деяний по всем объективным и субъективным признакам. Особо следует отметить направленность умысла: как при первом, так и при повторном самовольном подключении он ориентирован прежде всего на совершение хищения природного газа, а не на подключение как таковое [8, с. 237]. При этом прямое указание на данный умысел имеется в описательной части приговоров судов. Тем не менее действия, связанные с хищением природного газа, не получили юридической оценки ни на стадии предварительного следствия, ни в приговорах судов.

Кроме того, необходимо отметить, что для квалификации действий, связанных с тайными хищениями из газопроводов, существует специальная уголовно-правовая норма — п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Она присутствует в Особенной части УК РФ значительно дольше, по ней также сложилась достаточно устойчивая и единообразная судебная практика. Объективная сторона указанного состава преступления характеризуется представляющим повышенную общественную опасность способом, обуславливающим отнесение его к особо квалифицированным формам кражи. Технически он выражается в повреждении тела газопровода (врезка, вваривание, демонтаж заглушки и т.д.), которое необходимо для создания субъекту условий доступа к непосредственному предмету хищения — природному газу. Неквалифицированно проводимые работы по незаконному подключению к газопроводу, связанные с нарушением его герметичности, могут привести к утечке газа, его возгоранию и взрыву [9, с. 16].

Показательным является обвинительный приговор, вынесенный 29 июля 2020 г. Шалинским городским судом Чеченской Республики по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ в отношении Э. Судом установлено, что подсудимая, имеющая в собственности частное домовладение с земельным участком, на котором расположены 4 теплицы, при помощи третьего лица самовольно осуществила врезку в проходящий через ее участок газопровод, соединив его посредством резинового шланга с теплицами.

В дальнейшем Э., действуя умышленно, движимая корыстными побуждениями, в течение определенного времени осуществляла хищение природного газа из газопровода, используя его для обогрева теплиц*.

Следует отметить, что Верховный Суд Российской Федерации предписывает квалифицировать действия, связанные с хищением газа из газопровода, сопряженные с его повреждением, по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 158 и 215.3 УК РФ**. Данный подход к квалификации также нашел применение в судебной практике. В качестве примера можно привести приговоры, вынесенные 7 февраля 2019 г. Советским районным судом Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в отношении Ю.***, 24 октября 2014 г. Карабудахкентским районным судом Республики Дагестан в отношении Г.**** и др. Таким образом, можно наблюдать три подхода к правовой оценке рассматриваемой ситуации: в первом случае действия виновных лиц квалифицируются следственными органами по ч. 1 ст. 215.3 УК РФ, во втором случае — по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, а в третьем — по совокупности двух этих преступлений.

Изучение описанных уголовно-правовых ситуаций приводит к выводу о полном совпадении всех объективных и субъективных признаков. Соответственно, возникает вопрос о квалификации аналогичных противоправных действий судами в одном случае по п. «б» ч. 3 ст. 158, а в другом — по ч. 1 ст. 215.3 УК РФ. При этом

* Уголовное дело N 1-129/2020 // Шалинский городской суд Чеченской Республики. URL: <https://shalinsky--chn.sudrf.ru>

** Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2009 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. от 29 июня 2021 г.). (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

*** Уголовное дело N 1-46/2019 / Советский районный суд Ханты-Мансийского автономного округа — Югры // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

**** Уголовное дело N 1-119/2014 / Карабудахкентский районный суд Республики Дагестан // Там же.

необходимо учитывать, что в соответствии со ст. 15 УК РФ деяния, предусмотренные ч. 3 ст. 158 УК РФ, относятся к категории тяжких преступлений, а предусмотренные ч. 1 ст. 215.3 – к преступлениям небольшой тяжести. В данном аспекте решение указанных противоречий в правоприменительной практике имеет существенное значение для соблюдения принципа справедливости при назначении наказания, установленного ст. 6 УК РФ.

Для ответа на данный вопрос необходимо сделать отступление в область проблем уголовно-процессуального права, которые, на наш взгляд, и обуславливают установленные противоречия в уголовно-правовой квалификации. Результаты анализа судебной практики приводят к выводу о том, что причина кроется в сложностях, связанных с процессуальным механизмом установления и доказывания объема потребленного (похищенного) природного газа и, как следствие, его стоимости [10, с. 46]. Кража относится к материальным составам преступлений [11, с. 443-444]. Соответственно, при квалификации действий субъекта по ст. 158 УК РФ в предъявленном обвинении необходимо указывать точный объем и стоимость похищенного. Однако сам характер хищения, выразившегося в тайном продолжительном неучтенном потреблении природного газа (в обход приборов учета), на практике затрудняет, а порой делает невозможным установление процессуальными средствами объема похищенного. В случае выявления факта самовольного подключения к газопроводу указанное продолжаемое преступление становится оконченным, однако установить следственным путем фактические периоды работы газовых приборов (кухонной плиты, отопительных котлов) не представляется возможным. Как результат, не удается установить размер причиненного преступлением имущественного ущерба [12, с. 57].

В качестве примера, иллюстрирующего указанную проблему, можно привести уголовное дело по обвинению З. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Согласно предъявленному обвинению подсудимая самовольно подключила принадлежащий ей дом к магистральному газопроводу,

после чего осуществила потребление природного газа для личных бытовых нужд на общую сумму 43 696,86 рублей*.

Приговором суда от 11 октября 2018 г. З. была оправдана на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления. Мотивируя свое решение, суд указал на тот факт, что в ходе предварительного следствия не установлен точный объем похищенного природного газа. Приведенный расчет, основанный на нормативной мощности установленных в доме З. потребляющих газ приборов (плита и котел), суд счел недопустимым, так как подсудимая, полностью признав себя виновной, утверждала, что пользовалась плитой и отопительным котлом не непрерывно, а по мере необходимости, включая их только для приготовления пищи и обогрева жилища. Размер вмененного З. имущественного ущерба следствием был рассчитан в соответствии с Правилами учета поставляемого газа, определения объема потребленного газа и расчета размера платы за газ**.

Вынесенным на основании возражений прокурора и потерпевшей стороны апелляционным постановлением указанный оправдательный приговор был отменен, уголовное дело возвращено в суд первой инстанции для нового рассмотрения. Приговором суда от 3 октября 2019 г. З. была осуждена за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, при этом суд согласился с объемом предъявленного обвинения. Данный обвинительный приговор вступил в силу.

Таким образом, рассмотрение этого уголовного дела судом закончилось вынесением справедливого приговора, однако проблема определения фактического объема похищенных энергоресурсов не решена. И если в приведенном приме-

* Уголовное дело N 1-526/2018, 1-143/2019 // Тагилстроевский районный суд города Нижнего Тагила Свердловской области: официальный сайт. URL: <https://tagilstroevsky--svd.sudrf.ru>

** О порядке поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан: постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 2008 г. N 549; ред. от 19 марта 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 30 (ч. II). Ст. 3635; 2020. N 13. Ст. 1919.

ре был установлен период самовольного подключения (даты начала и окончания потребления 3. природного газа), позволяющий произвести расчет в соответствии с названными выше Правилами учета поставляемого газа, определения объема потребленного газа и расчета размера платы за газ, то в иных случаях при выявлении подобных фактов дата начала совершения преступления может быть не установлена [13, с. 44-51].

Исходя из этого можно предположить, что внесение в ст. 215.3 УК РФ изменений, связанных с криминализацией формальных действий по самовольному подключению к газопроводу, должно было решить в первую очередь проблемы уголовно-процессуального характера, а именно невозможность установить и доказать объем похищенных энергоресурсов. Об этом свидетельствует также тот факт, что в описательной части приговоров, вынесенных по ч. 1 ст. 215.3 УК РФ, судами отмечалось наличие корыстного умысла, направленного на получение возможности неучтенно потреблять природный газ, а также фактическая его реализация. Однако юридической оценки указанным действиям суды не дают.

Отвечая на поставленный ранее вопрос о том, почему суды одни и те же деяния квалифицируют по различным составам, можно сделать следующие выводы: практика применения ч. 1 ст. 215.3 УК РФ сложилась в случаях, когда правоприменителям не удалось процессуальными средствами установить объем и стоимость похищенного природного газа. И именно отсутствие (точнее, неустановление) материального признака кражи вынуждает следователей вменять обвиняемым формальный состав. В то же время параллельно существует практика вменения субъектам п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, при этом характер и размер причиненного ущерба находят свое отражение в результативной части приговоров.

Безусловно, внесенные в уголовный закон изменения, направленные на максимальную защиту сферы транспортировки энергоресурсов, являются правильными и своевременными. Однако способ их реализации на практике не вполне оправданный, так как выразился в решении про-

блем процессуального права за счет нарушения норм материального права, а именно: намерение оптимизировать применение уголовного законодательства попытались осуществить путем решения правоприменительных задач процессуального характера. При этом возникла новая проблема применения норм уголовного права, нарушающего таким образом принцип справедливости. Ведь квалификация одних и тех же действий субъекта в качестве тяжкого преступления (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ) либо преступления небольшой тяжести (ч. 1 ст. 215.3 УК РФ) ставится в зависимость от возможности (либо невозможности) в конкретной ситуации установить и доказать размер причиненного ущерба уголовно-процессуальным путем.

Полагаем, что такие допущения, решающие технические проблемы правоприменения за счет нарушения принципов уголовного права, недопустимы. В связи с этим предлагаем исключить из действующей редакции ст. 215.3 УК РФ части 1 и 2, изложив данную норму в прежнем виде:

«Статья 215.3. Приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов

Разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние нефтепроводов, нефтепродуктопроводов, газопроводов, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы и были совершены из корыстных побуждений».

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод, что внесенные Федеральным законом от 29 июля 2018 г. N 229-ФЗ изменения в ст. 215.3 УК РФ не в полной мере реализуют задачи уголовной политики, направленные на противодействие преступности в сфере поставки энергоресурсов, защиты собственности и общественной безопасности. Стремление оптимизировать правоприменительную деятельность привело к существенным нарушениям значимых принципов уголовного права и, как следствие, противоречиям в судебной практике. В связи с этим недостатки новой редакции статьи, на наш взгляд, преобладают

над преимуществами. Предлагаемое нами возвращение к прежней формулировке диспозиции ст. 215.3 УК РФ позволяет отчасти решить указанные проблемы. Полагаем, что проблемы выявления и раскрытия преступлений, связанных с неправомерным подключением к газопроводам

и хищением из них природного газа, носят скорее криминалистический характер. В связи с этим основные усилия должны быть направлены на выработку криминалистических и процессуальных методов установления и доказывания объема похищенного газа.

Список источников

1. Нудель С.Л. Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам: проблемы квалификации // Алтайский юридический вестник. 2019. N 3 (27). С. 93-97.
2. Теунаев А.Ю. Уголовно-правовая характеристика нововведений в статье 215.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Чеченского государственного университета. 2019. N 2 (34). С. 114-119.
3. Спиридонова О.Е. Природный газ как предмет кражи // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2019. N 8. С. 148-161.
4. Шумских Ю.Л. Об эффективности ужесточения уголовной ответственности за коррупционные преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 2 (56). С. 82-89.
5. Бочкарев И.Е. К вопросу о криминализации административных правонарушений путем использования административной преюдиции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. N 5. С. 76-87.
6. Гошаев И.М. Административная преюдиция в уголовном праве: понятие и виды // Вестник Московского университета МВД России. 2016. N 7. С. 81-84.
7. Корнеев С.А. Перспективные направления гуманизации уголовной политики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 2 (56). С. 73-81.
8. Чернышев Д.Б. Кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода: проблемы совокупного вменения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. N 2 (10). С. 234-238.
9. Чернышев Д.Б. Бытовое хищение газа как недооцененная проблема // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. N 2 (73). С. 16-19.
10. Иванов В.И. Уголовно-процессуальное доказывание – ретроспективный путь познания от чувственного восприятия сущего к достоверному знанию прошлого // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 42-51.
11. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев [и др.]; под ред. А.И. Рарога. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2018. 896 с.
12. Пимонов Б.В., Кривощёков Н.В., Соболевская С.И. Расследование отдельных видов преступлений: учеб.-практ. пособие. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2021. 116 с.
13. Щепотьев А.В., Сафонова Т.А. Методические рекомендации при определении стоимостного значения величины экономических потерь, возникающих у ресурсоснабжающих организаций в ходе расчетов субъектов жилищно-коммунального хозяйства за потребленные ресурсы: монография. Москва: Академия естествознания, 2021. 73 с.

References

1. Nudel' S.L. Unauthorized connection to oil pipelines, oil product pipelines and gas pipelines: the problem of qualification. *Altai Legal Bulletin*, 2019, no. 3 (27), pp. 93-97. (In Russ.).
2. Teunaev A.Yu. Criminal-legal characteristics of innovations in Article 215.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Bulletin of the Chechen State University*, 2019, no. 2 (34), pp. 114-119. (In Russ.).
3. Spiridonova O.E. Natural gas as a subject of theft. Actual problems of criminal law at the present stage (issues of differentiation of responsibility and legislative technique), 2019, no. 8, pp. 148-161. (In Russ.).
4. Shumskikh Yu.L. On the effectiveness of tightening criminal liability for corruption crimes. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2021, no. 2 (56), pp. 82-89. (In Russ.).
5. Bochkarev I.E. On the issue of criminalization of administrative offenses by using administrative prejudice. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 2019, no. 5, pp. 76-87. (In Russ.).
6. Goshayev I.M. Administrative prejudice in criminal law: concept and types. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 7, pp. 81-84. (In Russ.).
7. Korneev S.A. Perspective directions of humanization of criminal policy. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2021, no. 2 (56), pp. 73-81. (In Russ.).
8. Chernyshev D.B. Theft from an oil pipeline, oil product pipeline, gas pipeline: problems of cumulative imputation. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2 (10), pp. 234-238. (In Russ.).

9. Chernyshev D.B. Domestic theft of gas as an underestimated problem. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 2 (73), pp. 16-19. (In Russ.).

10. Ivanov V.I. Criminal procedural proof – a retrospective way of cognition from the sensory perception of existence to reliable knowledge of the past. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2021, no. 1 (55), pp. 42-51. (In Russ.).

11. Zhuravlev M.P. [i dr.]. Criminal Law of Russia. Parts General and Special. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 896 p. (In Russ.).

12. Pimonov B.V., Krivoshchekov N.V., Sobolevskaya S.I. Investigation of certain types of crimes. Tyumen, Tyumen Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 116 p. (In Russ.).

13. Shchepotyev A.V., Safonova T.A. Methodological recommendations for determining the value of the magnitude of economic losses arising from resource-supplying organizations and settlements of subjects of housing and communal services for consumed resources. Moscow, Academy of Natural Sciences, 2021. 73 p. (In Russ.).

Научная специальность: 12.00.09 (5.1.4)

**Внесение представления об устранении причин и условий,
способствовавших совершению преступления,
как вид профилактической деятельности следователя
на стадии предварительного расследования (постановка проблем)**

Ольга Александровна Мельникова,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, olstarczewa@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается профилактическая деятельность дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, осуществляемая посредством внесения представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, предусмотренного частью 2 статьи 158 УПК РФ. Анализируются нормативные правовые акты, регламентирующие изучаемый вид деятельности. На основе проведенного теоретического анализа научных трудов, посвященных данной теме, а также судебных решений и иных материалов правоприменительной практики автором выделены группы проблем, требующих всестороннего исследования: а) связанные с несовершенством действующего законодательства; б) связанные с ненадлежащим образом сложившейся правоприменительной практикой. Сформулированы предложения по устранению данных проблем.

Ключевые слова: внесение представления, процессуальная форма, причины и условия преступления, профилактическая деятельность следователя

Для цитирования: Мельникова О.А. Внесение представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, как вид профилактической деятельности следователя на стадии предварительного расследования (постановка проблем) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 1 (59). С. 78-84.

**Issuing an order on eliminating the causes and factors influencing
the commission of crime as a type of preventive activity of the investigator
at the stage of preliminary investigation (problem statement)**

Olga A. Melnikova,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russia, olstarczewa@yandex.ru

Abstract. The preventive activity of the interrogating officer, investigator, head of the investigative body, carried out by issuing an order on eliminating the causes and factors influencing the commission of crime provided by Part 2 of Article 158 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, is discussed in the article. The normative legal acts regulating the considered type of activity are analyzed. Having conducted the theoretical analysis of the scientific papers devoted to this topic, as well as the court decisions and other materials of law enforcement practice, the author of the article identifies the following groups of the problems that require a comprehensive research: a) those that are related to the imperfection of the current legislation; b) those that are related to improperly established law enforcement practice. Proposals to solve these problems are formulated by the author.

Keywords: issuing an order, procedural form, causes and factors influencing the commission of crime, preventive activities of investigator

For citation: Melnikova O.A. Issuing an order on eliminating the causes and factors influencing the commission of crime as a type of preventive activity of the investigator at the stage of preliminary investigation (problem statement) // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 1 (59). P. 78-84.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400*, одной из задач (в целях обеспечения государственной и общественной безопасности), на решение которой направлена государственная политика в целом и правоохранительных органов в частности, является профилактика преступности.

Кроме того, согласно Указу Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»** деятельность органов внутренних дел, в том числе по предупреждению преступлений***, является основой для достижения таких национальных целей, как «сохранение населения, здоровья и благополучия людей; комфортной и безопасной среды для жизни».

Общественные отношения, связанные с профилактической деятельностью правоохранительных органов, также регламентированы Федеральным законом от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»****, Федеральным законом от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»*****, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) и иными нормативными правовыми актами.

С.И. Данилова, выделяя профилактику преступлений в качестве «одного из

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>

** Там же.

*** Предупреждение преступлений (правонарушений) является одним из основных направлений их профилактики.

**** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 26 (ч. I). Ст. 3851.

***** Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ: ред. от 24 апр. 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 26. Ст. 3177; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>

наиболее приоритетных направлений в деятельности правоохранительных органов», подчеркивает особое место профилактики, осуществляемой в ходе расследования по уголовным делам [1, с. 39].

В соответствии с ч. 2 ст. 73 УПК РФ «обстоятельства, способствовавшие совершению преступления» входят в предмет доказывания по уголовному делу. При этом, как отмечают исследователи, указанные обстоятельства отнесены законодательством к общему предмету доказывания и, следовательно, они подлежат выявлению вне зависимости от квалификации преступления и обстоятельств его совершения [2, с. 115].

Согласно ч. 2 ст. 158 УПК РФ дознаватель, следователь, руководитель следственного органа (далее – следователь) вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления и иным нарушениям закона.

По мнению И.Е. Ширшова и других ученых, деятельность следователя, направленная на выявление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления, имеет не только правовое, но и социальное значение, поскольку обеспечивает достижение социально полезных целей [3, с. 116], а именно «демонстрирует обществу стремление лиц, ведущих досудебное производство по уголовному делу, всесторонне и полно установить все обстоятельства совершенного преступления, в том числе и обстоятельства, способствовавшие его совершению» [2, с. 115].

Вместе с тем рассматриваемый вид деятельности вызывает у правоприменителей сложности, частично связанные с несовершенством действующего законодательства, а в большей степени – с ненадлежащим образом сложившейся правоприменительной практикой.

Например, УПК РФ не раскрывает понятие «обстоятельства, способствовавшие совершению преступления», не предусмотрена единая форма представления о принятии мер по устранению этих обстоятельств [2, с. 115-116].

Представления направляются субъекту, не имеющему отношения к возник-

новению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, или заведомо не имеющему возможности их устранить; происходит оформление представления с нарушением порядка делопроизводства в органах внутренних дел [4, с. 19], а также требований УПК РФ, предъявляемых к составлению процессуального документа [2, с. 115-116]; допускается использование «шаблонных фраз» [5, с. 224] и т.д.

По мнению С.И. Даниловой, обозначенные и иные проблемы, «связанные с реализацией профилактической деятельности органами предварительного следствия, относятся к числу наиболее актуальных» [1, с. 39]. В подтверждение обоснованности суждения исследователя также необходимо указать на то, что вопросы, касающиеся совершенствования практики внесения представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений, отнесены к п. 1 Перечня актуальных вопросов в сфере внутренних дел для комплексной проработки и подготовки проектов управленческих решений на 2021 год*.

Учитывая, что целью настоящей статьи является постановка проблем (для их дальнейшего исследования), связанных с регламентированной ч. 2 ст. 158 УПК РФ деятельностью следователя по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, их следует объединить в два основных блока, положив в основу критерии, предложенные в других исследованиях указанной проблематики:

1. Проблемы, связанные с несовершенством действующего законодательства (наличие правовых лакун):

1) отсутствие понятия «представление».

С.С. Чернова отмечает, что в п. 27 ст. 5 УПК РФ предусмотрено только представление как акт реагирования прокурора на судебное решение и ничего не сказано

о представлении об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления. В связи с этим исследователь предлагает дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 27.1 в следующей редакции:

«представление об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, – акт, выносимый в письменной форме дознавателем, следователем, руководителем следственного органа, о необходимости принятия мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, направляемый соответствующей организации или должностному лицу» [2, с. 120].

На необходимость дополнения УПК РФ термином «представление» на протяжении длительного периода времени указывают и иные ученые [1, с. 39; 5, с. 224].

Например, С.И. Данилова считает, что такого рода дополнение позволило бы:

– внести ясность относительно характера процессуального решения;

– сформировать у правоприменителей единый подход к пониманию признаков и пределов обстоятельств, способствовавших совершению преступления [1, с. 39].

На данном этапе исследования понятийного аппарата суждения исследователей, указывающих на необходимость разработать термин «представление об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления» и дополнить им ст. 5 УПК РФ, включив в нее пункт 27.1, нам представляются обоснованными и аргументированными;

2) отсутствие процессуальной формы представления. Например, Е.Г. Сахарова считает, что негативным следствием отсутствия в УПК РФ процессуальной формы представления является складывающаяся разнообразная практика составления указанного процессуального документа [5, с. 225]. В свою очередь, И.Е. Ширшов обозначает произвольный характер составления этого процессуального документа правоприменителями, который не отвечает требованиям, предъявляемым к другим процессуальным документам, и предлагает закрепить в УПК РФ «единую форму» представления [3, с. 117]. Аналогичные суждения высказывают в своих работах и другие ученые [6, с. 231].

* Перечень актуальных вопросов в сфере внутренних дел для комплексной проработки и подготовки проектов управленческих решений на 2021 г.: утв. распоряжением МВД России от 24 марта 2021 г. N 1/2991 «О комплексной проработке проблемных вопросов оперативно-служебной деятельности» // МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

Иную позицию, разделяемую правоприменителями, занимает А.П. Дербенев* [7, с. 155-156]. Он считает нецелесообразным введение единой формы представления, поскольку каждое преступление имеет свои причины и условия, способствовавшие его совершению.

Соглашаясь с А.П. Дербеневым в том, что каждое преступление «имеет свои причины и условия, способствовавшие его совершению», отметим, что «индивидуальность» преступления не связана с необходимостью вынесения представлений разной процессуальной формы.

Обосновывая свою точку зрения, отметим, что представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, является процессуальным документом, следовательно, процессуальная форма для него – это составляющие части документа и порядок их расположения. Таким образом, представление должно состоять из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей, расположенных в приведенной последовательности;

3) указание в законодательстве на окончание производства по делу в качестве момента внесения представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

С.С. Чернова считает подобный подход не совсем уместным, «...поскольку причины и условия, способствовавшие совершению преступления, могут быть выявлены в начале производства по уголовному делу». Кроме того, она справедливо отмечает, что расследование отдельных уголовных дел может занимать значительный временной промежуток (несколько месяцев, несколько лет), в связи с чем, ожидая окончания расследования по уголовному делу, следователь упускает возможность осуществления эффективной профилактической деятельности по причине ее несвоевременности. Это дает основание полагать целесообразным дополнение ч. 2 ст. 158 УПК РФ положением о возможности внесения представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению

преступления, на любом этапе производства по уголовному делу [2, с. 120].

С.И. Данилова также допускает возможность внесения указанного представления на первоначальном этапе расследования уголовного дела ввиду того, что обстоятельства, обусловившие совершение преступления, могут быть выявлены в ходе производства неотложных следственных действий. Подобный подход, по мнению ученого, позволит «наиболее эффективно организовать профилактическую деятельность в целом» [8, с. 137].

По нашему мнению, необходимо изменить сложившийся в законодательстве подход и предоставить следователю возможность внесения представления в любой момент расследования уголовного дела;

4) диспозитивный подход при внесении представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Частью 2 ст. 158 УПК РФ предусмотрено право следователя внести представление об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

При этом А.В. Угольников считает необходимым внесение в УПК РФ изменений, «устраняющих сомнения относительно обязанности должностных лиц органов предварительного расследования не только выявлять обстоятельства, способствующие совершению преступления, но и принимать меры по их устранению» [9, с. 160]. И.Е. Ширшов, считая положение, закрепленное в действующем законодательстве, недопустимым, указывает на необходимость обязать ответственных должностных лиц вносить представления по всем уголовным делам [3, с. 116-117].

Не поддерживая, но и не критикуя последнее суждение, необходимо обратить внимание на возможную ситуацию, не требующую, на наш взгляд, обязательного внесения представления, – отсутствие субъекта, имеющего отношение к возникновению обстоятельств, которые способствовали совершению преступления, или имеющего возможность их устранить.

Полагаем, что требуется дополнительное изучение данного вопроса, поскольку необходимо найти баланс между обязанностью следователя выявить обстоятельства, способствовавшие совершению

* Мнение А.П. Дербенева, высказанное еще в конце прошлого века, не утратило своей дискуссионной актуальности и в настоящее время.

преступления, а также принять меры по их устранению и формальным (необоснованным, нецелесообразным) внесением представления по каждому уголовному делу.

Кроме того, к проблемам, связанным с несовершенством действующего законодательства, в уголовно-процессуальной науке относится следующее:

– в УПК РФ не установлена ответственность за неисполнение представления [1; 10, с. 155];

– в статье 117 УПК РФ не указаны руководитель организации и должностное лицо, не исполняющие представление [1, с. 41];

– не определены субъекты контроля за исполнением представления [10, с. 155-156] и т.д.

Например, А.В. Угольников отмечает, что Главным следственным управлением ГУ МВД России по Алтайскому краю получено лишь 67,7 % ответов на представления (3527 ответов), при этом следователями направлено только 63 напоминания о необходимости рассмотрения представлений [10, с. 156]. Л.В. Черепанова и А.А. Торовков также констатируют, что в правоприменении допускаются факты оставления без надлежащего реагирования случаев формального исполнения представления (50 %), неисполнения представления или неуведомления о результатах его рассмотрения (10 %) [4, с. 19].

В связи с этим для дальнейшего исследования представляет интерес подход к организации контроля за получением ответов в УМВД России по Оренбургской области, где в качестве эксперимента введен в эксплуатацию информационный ресурс «Запросы ИТТ»*, которым предусмотрено информирование сотрудников о получении ответа в установленный срок (аналогичные комплексы функционируют и в иных следственных подразделениях).

2. Проблемы, связанные с ненадлежащим образом сложившейся правоприменительной практикой:

1) представления направляются субъекту, не имеющему отношения к возникновению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, или заведомо

не имеющему возможности их устранить [4, с. 19-20]. Л.В. Черепанова и А.А. Торовков указывают, что из 50 изученных представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, 7 представлений (34 %) были адресованы субъекту, заведомо не имеющему возможности их устранить, а в девяти случаях «возникли основания полагать, что представления адресату не направлялись» [4, с. 19].

Например, Вологодский городской суд Вологодской области признал незаконным и отменил внесенное в отношении Вологодской детской городской поликлиники представление, из которого следовало, что «причиной кражи денежных средств с банковской карты сотрудника поликлиники послужила его неосведомленность о такого рода преступлениях» в связи с отсутствием соответствующих разъяснений со стороны руководства поликлиники. В обоснование своего решения суд указал, что представление адресовано ненадлежащему субъекту правоотношений**;

2) использование «шаблонных фраз»; краткое описание совершенного преступления или, наоборот, детальное описание событий, не имеющих отношения к обстоятельствам, способствовавшим совершению преступления [5, с. 224].

Например, описание события преступления в представлении, вынесенном по одному из уголовных дел, не позволяет сделать вывод о месте совершения преступления и его квалификации:

«...18 июня 2014 г. в период времени с 14:15 до 14:35 неустановленное лицо, находясь возле ТРЦ “Премьер”, расположенного по адресу..., действуя умышленно, из корыстных побуждений, тайно похитило личное имущество гр. П. на сумму 17 000 рублей...» [2, с. 117-120].

Как отмечают Л.В. Черепанова и А.А. Торовков, 50 % представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, перегружены информацией, не имеющей отношения к данным обстоятельствам. В ряде

* ИТТ – информационно-телекоммуникационные технологии.

** Решение N 2А-6325/2020 от 16 сент. 2020 г. по делу N 2А-6325/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://cudact.ru>

представлений не содержится анализ выявленных обстоятельств [4, с. 19].

С.С. Чернова указывает на аналогичные недостатки в правоприменительной деятельности:

– «перечень конкретных обстоятельств, способствовавших совершению преступления, подменяется общими рассуждениями.

Например, в представлении следователя может быть указано, что "...одной из причин совершения преступления является отсутствие необходимых мер для предотвращения преступлений...";

– присутствуют "трафаретные выводы" без анализа конкретных обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

Например, в представлении, вынесенном по уголовному делу, отмечено предложение, направленное, по мнению следователя, на устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления: "...принять меры к устранению причин, способствующих совершению преступления..."» [2, с. 119];

3) оформление представления с нарушением порядка делопроизводства в органах внутренних дел [4, с. 19], а также требований УПК РФ, предъявляемых к составлению процессуального документа [2, с. 115-116]: отсутствие полного наименования документа; отсутствие даты и места составления представления и т.д.

По нашему мнению, для совершенствования правоприменительной практи-

ки внесения представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений, необходимо:

– разработать и внедрить в деятельность правоприменителей соответствующие методические рекомендации (обобщить недостатки, проиллюстрировать положительный опыт, предложить алгоритм действий и т.д.);

– руководителям различных уровней усилить контроль за качеством профилактической деятельности следователя, связанной с внесением представлений.

В заключение следует сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности:

1. Необходимо изменить сложившийся в законодательстве подход и предоставить следователю возможность внесения представления в любой момент расследования уголовного дела.

2. Разработать и внедрить в правоприменительную деятельность методические рекомендации, направленные на совершенствование практики внесения представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений (обобщение недостатков, иллюстрация положительного опыта, создание алгоритмов действий и т.д.);

3. Усилить контроль руководителей различных уровней за качеством профилактической деятельности следователя, связанной с внесением представлений.

Список источников

1. Данилова С.И. Законодательная регламентация профилактики преступлений, осуществляемой в ходе предварительного следствия // Законность. 2010. N 10. С. 39-43.

2. Чернова С.С. К вопросу о совершенствовании деятельности правоприменителей, направленной на устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Тенденции развития уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации: сб. науч. тр. / под ред. О.А. Зелениной. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2015. С. 115-121.

3. Ширшов И.Е. Внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений, как одно из направлений профилактической деятельности при расследовании уголовных дел // Отечественная юриспруденция. 2018. N 7. С. 115-117.

4. Черепанова Л.В., Торковков А.А. Деятельность следователя (дознавателя) и участкового уполномоченного полиции по вынесенному представлению о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. N 1 (40). С. 18-22.

5. Сахарова Е.Г. Совершенствование деятельности следователя (дознавателя), направленной на профилактику преступлений // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф. (1-2 ноября 2013 г.). Вып. 10: в 2 ч. Ч. 2. Тюмень: Тюменская гос. акад. мировой экономики, управления и права, 2013. С. 224-227.

6. Чернова С.С. Анализ типичных недостатков, допускаемых правоприменителями при вынесении постановления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. N 15-1. С. 231-233.

7. Дербенев А.П. Деятельность следователя МВД по предупреждению преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1969. 442 с.

8. Данилова С.И. Выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления, в стадии предварительного расследования: монография. Москва: Юрлитинформ, 2010. 160 с.

9. Угольников А.В. Установление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2010. N 3. С. 159-160.

10. Угольников А.В. Правовые последствия неисполнения предписаний следователя об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2018. N 3. С. 155-158.

References

1. Danilova S.I. Legislative regulation of the prevention of crimes carried out during the preliminary investigation. Legitimacy, 2010, no. 10, pp. 39-43. (In Russ.).

2. Chernova S.S. On the issue of improving the activities of law enforcement officers aimed at eliminating the circumstances that contributed to the commission of a crime. Trends in the development of the criminal procedural legislation of the Russian Federation. Yekaterinburg, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. Pp. 115-121. (In Russ.).

3. Shirshov I.E. Introduction of the idea of eliminating the causes and conditions conducive to the commission of crimes, as one of the areas of preventive activity in the investigation of criminal cases. Domestic jurisprudence, 2018, no. 7, pp. 115-117. (In Russ.).

4. Cherepanova L.V., Torovkov A.A. The activities of the investigator (interrogating officer) and the district police commissioner on the issued submission on taking measures to eliminate the circumstances that contributed to the commission of the crime. Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, no. 1 (40), pp. 18-22. (In Russ.).

5. Saharova E.G. Improving the activities of the investigator (inquirer) aimed at preventing crime. Improving the activities of law enforcement agencies to combat crime in modern conditions. Issue 10: in 2 parts. Part 2. Tyumen, Tyumen State Academy of World Economy, Management and Law, 2013. Pp. 224-227. (In Russ.).

6. Chernova S.S. Analysis of typical shortcomings allowed by law enforcers when issuing a decision to eliminate the circumstances that contributed to the commission of a crime. Actual problems of combating crimes and other offenses, 2015, no. 15-1, pp. 231-233. (In Russ.).

7. Dербенев А.П. The activities of the investigator of the Ministry of Internal Affairs for the prevention of crimes. Cand. Diss. Leningrad, 1969. 442 p. (In Russ.).

8. Danilova S.I. Identification and elimination of the causes and conditions that contributed to the commission of a crime at the stage of preliminary investigation. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. 160 p. (In Russ.).

9. Ugol'nikov A.V. Establishment and elimination of the circumstances that contributed to the commission of the crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010, no. 3, pp. 159-160. (In Russ.).

10. Ugol'nikov A.V. Legal consequences of non-fulfillment of the investigator's instructions to eliminate the circumstances that contributed to the commission of the crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, no. 3, pp. 155-158. (In Russ.).

Научная специальность: 12.00.09; 12.00.11 (5.1.4; 5.1.2)

Отдельные вопросы правового регулирования освобождения подозреваемых и обвиняемых из-под стражи

Ирина Викторовна Чепик,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, barkovairinav@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена механизму освобождения подозреваемых и обвиняемых из-под стражи охранно-конвойными подразделениями полиции, что обусловлено, в частности, вопросами предупреждения побегов из-под стражи лиц в местах принудительного содержания. В работе обосновывается необходимость расширения перечня мест содержания под стражей в связи с тем, что подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, доставляемые конвоем в суд для рассмотрения их дел, находятся под стражей, в том числе при их перемещении в транспортных средствах. В случаях истечения установленного законом срока содержания под стражей в качестве субъекта принятия решений об освобождении лица из-под стражи в судах или помещении конвоя предлагается также считать руководителя (или начальника конвоя) подразделения охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых. Делается вывод о том, что внесение в законодательство предлагаемых изменений и дополнений позволит усовершенствовать механизм освобождения из-под стражи подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений при их нахождении в судах или помещениях конвоя.

Ключевые слова: содержание под стражей, конвоирование, освобождение из-под стражи, места содержания под стражей, охранно-конвойное подразделение

Для цитирования: Чепик И.В. Отдельные вопросы правового регулирования освобождения подозреваемых и обвиняемых из-под стражи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 1 (59). С. 85-94.

Some issues concerning the legal regulation of the release of suspects and accused persons from custody

Irina V. Chepik,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russia, barkovairinav@mail.ru

Abstract. The author of the article analyzes the mechanism for the release of suspects and accused persons from custody by security and escort police units, which is caused by the issues of preventing escapes from custody committed by persons being under detention, in particular. It is substantiated that there is the need to expand the list of detention facilities due to the fact that the suspects and persons accused of committing crimes, when being escorted to the court for hearing their cases by convoy, are in custody, including the period when they are transported in vehicles. In cases where the detention period established by law has expired, it is proposed to consider the head (or the head of convoy) of the unit for protecting and escorting the suspects and accused persons as the subject of making the decision on the release of a person from custody in the courts or the convoy premises. It is concluded that the introduction of the proposed amendments and additions will improve the mechanism for the release of suspects and persons accused of committing crimes from custody while they are in the courts or the convoy premises.

Keywords: detention, escorting, release from custody, detention centers, security and escort unit

For citation: Chepik I.V. Some issues concerning the legal regulation of the release of suspects and accused persons from custody // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 1 (59). P. 85-94.

В настоящее время деятельность человека трудно представить без правовой регламентации. Правовое регулирование позволяет упорядочивать основные отношения между людьми, формализует связанные с ними процедуры, предоставляет права и предусматривает ограничения, запреты и обязанности в повседневной жизни. Общество в определенный момент своего развития неизбежно приходит к необходимости посредством общего правила внести порядок и устойчивость в повторяющиеся общественные отношения [1, с. 61] и установления обязательных для этого границ [2, с. 6].

В связи с изменениями, происходящими в обществе, возникает необходимость постоянного мониторинга применения действующих правовых норм* и их корректировки в целях совершенствования правовой системы Российской Федерации. В настоящей работе осуществлен анализ имеющейся нормативной базы, которой должны руководствоваться сотрудники охранно-конвойных подразделений полиции при освобождении подозреваемых и обвиняемых из-под стражи. Цель исследования заключается в выявлении проблемных вопросов, которые могут возникнуть в правоприменительной деятельности охранно-конвойных подразделений полиции при освобождении подозреваемых и обвиняемых из-под стражи и разработке предложений по их решению.

Действующие положения законодательства не содержат четкой регламентации деятельности охранно-конвойных подразделений по освобождению подозреваемых и обвиняемых из-под стражи, когда они находятся под охраной конвоя. В связи с этим правоприменение не является единообразным, вследствие чего ошибочные тактические действия могут привести к побегу из-под стражи лица, находящегося в предварительном заключении. Побег из-под стражи неминуемо влечет за собой нарушения или даже преступления**.

* О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. N 657 // Рос. газ. 2011. 25 мая.

** См.: Постановление Пригородного районного суда Республики Северная Осетия – Алания от 9 авг. 2019 г. по делу N 1-276/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

В соответствии с п. 14 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» в обязанности полиции входит «содержание, охрана и конвоирование задержанных и (или) заключенных под стражу лиц»***. Настоящие обязанности относятся в основном к компетенции охранно-конвойных подразделений полиции.

Охранно-конвойными подразделениями полиции ежедневно для проведения следственных действий (экспертиз, проверок показаний на месте и др.), судебных заседаний, этапирования и т.д. конвоируются подозреваемые и обвиняемые из различных мест содержания под стражей и при отсутствии оснований к освобождению указанных лиц доставляются обратно. Конвоированию подлежат задержанные и заключенные под стражу, которые, в свою очередь, являются подозреваемыми или обвиняемыми.

Лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии оснований, предусмотренных ст. 91 УПК РФ, и в порядке, установленном ст. 92 УПК РФ, может быть задержано до судебного решения в соответствии с ч. 2 ст. 22 Конституции Российской Федерации на срок до 48 часов. Данный срок задержания по основаниям, указанным в п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ, суд правомочен продлить не более чем на 72 часа с момента вынесения такого решения.

Заключение под стражу является одной из распространенных и самых строгих мер пресечения, предусмотренных российским законодательством [3, с. 107], и применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в соответствии со ст.ст. 22 и 55 Конституции Российской Федерации, ст. 108 УПК РФ и только на основании судебного решения. С.М. Белозерцев и А.А. Балашова справедливо отмечают, что «благодаря данной мере пресечения осуществляется реальное прекращение противоправных действий и предупреждение совершения преступлений, воспрепятствование оказа-

*** О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 21 дек. 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

нию давления на свидетелей и собиранию доказательств» [4, с. 17].

Рассмотренные меры процессуального принуждения гарантируются принудительным содержанием, охраной, конвоированием подозреваемых и обвиняемых в специально отведенных местах, с соблюдением установленного для них режима, требований изоляции в целях обеспечения производства по уголовному делу.

Согласно ст. 7 Федерального закона от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – Федеральный закон «О содержании под стражей») местами содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых являются следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы; изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел; изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов федеральной службы безопасности*.

Настоящий перечень мест содержания не носит исчерпывающего характера, поскольку подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, доставляемые конвоем для рассмотрения их дел в суд, также находятся под стражей с момента принятия их под охрану сотрудниками полиции, в том числе при перемещении в транспортных средствах. В связи с этим представляется необходимым дополнить указанный список иными местами содержания под стражей, в которых подозреваемые и обвиняемые находятся под охраной конвоя. Такими местами следует признать, в частности, помещения для конвоя в здании суда, помещения залов судов. Кроме того, подозреваемые и обвиняемые могут быть доставлены не только в здание суда, но и к месту производства следственных действий, которое не известно заранее и, как правило, является местом совершения преступления.

Основными задачами мест содержания под стражей и охранно-конвойных

подразделений являются: обеспечение процессуальных действий с участием подозреваемых и обвиняемых, соблюдение установленного режима, надежной изоляции, профилактика и недопущение чрезвычайных происшествий**. Самовольное оставление мест содержания под стражей, выход из-под конвоя, как и незаконное освобождение подозреваемых и обвиняемых, – чрезвычайные происшествия, которые могут произойти не только вследствие действий самого подозреваемого (обвиняемого) или умышленных, а также неосторожных действий сотрудников конвоя [см.: 5, с. 46], но и в результате неверного правоприменения либо отсутствия правовой регламентации отдельных аспектов деятельности.

Например, до истечения срока задержания подозреваемого суд рассматривает ходатайство органов предварительного расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и принимает одно из альтернативных решений – удовлетворение ходатайства, отказ в удовлетворении ходатайства либо продление задержания. В случае продления задержания впоследствии также принимается одно из двух решений.

По данным ГИАЦ МВД России, с 2016 по 2020 год было заявлено более 572 тыс. ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из них удовлетворено около 516 тыс., отказано в удовлетворении 56 тыс., что составляет 90,28 % и 9,72 % соответственно (см. табл.).

Таким образом, в среднем в одном из десяти случаев суд отказывает в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Соответственно, ежедневно в целях избрания меры пресечения охранно-конвойными подразделениями полиции в суды конвоируется около 300 подозреваемых, что является наглядным показателем потенциальных чрезвычайных происшествий в сфере охранно-конвойной деятельности.

** О совершенствовании организации деятельности изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых, специальных приемников для содержания лиц, подвергнутых административному аресту: приказ МВД России от 31 дек. 2015 г. N 1266 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

* О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ: ред. от 30 дек. 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 29. Ст. 2759; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Таблица

Данные о рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (2016–2020 гг.)

Год	Количество ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу			Отказано в удовлетворении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу от общего числа ходатайств (%)
	Заявлено	Удовлетворено	Отказано в удовлетворении	
2020	95 420	84 917	10 503	11
2019	104 866	94 633	10 233	9,76
2018	113 141	102 165	10 976	9,7
2017	125 120	113 260	11 860	9,48
2016	133 882	121 796	12 086	9,03
За исследуемый период	572 429	516 771	55 658	9,72

Это свидетельствует о важности исследования настоящих вопросов, а полученные результаты могут влиять на предупреждение чрезвычайных происшествий и негативных последствий, способных существенно отразиться на оценке эффективности работы полиции и снизить общественное доверие к органам государственной власти.

Кроме того, значимой является систематизация нормативных правовых актов, которая позволит обеспечить единообразие правоприменения, законность решений, принимаемых должностными лицами. Соблюдение законности является одним из важных общеправовых принципов. Принцип законности положен в основу деятельности полиции. Согласно ст. 6 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» полиция осуществляет свою деятельность в точном соответствии с законом, любые ограничения прав и свобод граждан запрещены, кроме предусмотренных федеральным законодательством.

По справедливому мнению И.А. Краснова, «законность — неотъемлемый элемент любой правовой деятельности... Это строгое следование государственных органов и должностных лиц действующим законам, иным нормативным правовым актам, которыми закреплена их компетенция, порядок разрешения дел и пересмотра актов применения права, вступивших в законную силу» [6, с. 2].

В контексте рассматриваемого вопроса особую значимость данный принцип имеет и в деятельности изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых, подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых, выполняющих задачи, сопряженные с применением мер принуждения, ограничивающих свободу и личную неприкосновенность, в связи с необходимостью изоляции лица от общества.

В соответствии со ст. 94 УПК РФ подозреваемый может быть освобожден по мотивированному постановлению дознавателя или следователя в период его задержания, а также начальником места принудительного содержания по истечении 48 часов с момента задержания при отсутствии постановления о продлении срока задержания либо об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Основания освобождения подозреваемых и обвиняемых из-под стражи также определены в ст. 49 Федерального закона «О содержании под стражей». К ним относятся:

- судебное решение, вынесенное в порядке, предусмотренном законом;
- постановление следователя, органа дознания;
- постановление начальника места содержания под стражей или прокурора, осуществляющего надзор за исполнением

законов в местах содержания под стражей, об освобождении указанного подозреваемого или обвиняемого в связи с истечением установленного законом срока содержания под стражей.

В случае необходимости освобождения лица из-под стражи в изоляторе временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел проблемы вынесения постановления об освобождении подозреваемого или обвиняемого, как правило, не возникает. Вместе с тем остается нормативно не урегулированным порядок освобождения задержанных и заключенных под стражу лиц в помещении для конвоя в здании суда в случае истечения срока задержания либо заключения под стражу. В соответствии с приказом МВД России от 23 августа 2014 г. N 725 «О некоторых вопросах изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых, подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых» определяются типовые штатные расписания подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых, причем изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел нередко дислоцированы в местах, находящихся на удалении от суда, в том числе в иных населенных пунктах, что, в свою очередь, делает невозможным процесс немедленного освобождения указанных лиц, фактически имеющих на это право*.

Как отмечено выше, согласно ч. 3 ст. 94 УПК РФ подозреваемый немедленно освобождается из-под стражи лишь начальником места содержания по истечении 48 часов с момента его задержания в случае непоступления постановления судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо о продлении срока задержания, в то время как руководитель подразделения охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых не наделен полномочиями осуществлять данное мероприятие, поскольку не вклю-

чен в перечень лиц, указанных в ст. 12 Федерального закона «О содержании под стражей».

На основании действующего законодательства руководитель подразделения охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых не вправе издавать постановления об освобождении подозреваемого или обвиняемого и выдавать им справки об освобождении и др. Конвоем освобождение из-под стражи производится в силу ст. 311 УПК РФ, которая предусматривает вынесение итогового судебного решения либо в случае изменения меры пресечения в виде заключения под стражу на иную меру пресечения на основании письменного судебного решения, заверенного подписью и печатью председательствующего.

В настоящее время, если лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, по истечении срока его задержания освобождается конвоем, то в соответствии с УПК РФ это не является нарушением. Однако в целях предоставления сотрудникам подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых полномочий для освобождения лиц из-под стражи при наличии рассматриваемых условий требуется приведение положений Федерального закона «О содержании под стражей» в соответствии с УПК РФ.

Согласно ч. 4 ст. 94 УПК РФ при наличии определения или постановления суда об отказе в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу его копия выдается подозреваемому при освобождении. Вместе с тем УПК РФ не содержит положения о немедленном освобождении подозреваемого. В такой ситуации, как представляется, если в отношении данного лица продолжает действовать не отмененная дознавателем или следователем мера принуждения – задержание на срок 48 часов, то оно подлежит освобождению на основании постановления, отменяющего его задержание. И напротив, лицо должно находиться в изоляторе временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел до тех пор, пока такой документ не поступит либо срок задержания не истечет.

* О некоторых вопросах изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых, подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых: приказ МВД России от 23 авг. 2014 г. N 725: ред. от 24 нояб. 2015 г. Доступ из СПАС «Юрист».

В правоприменительной деятельности сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции имеют место факты рассмотрения судом ходатайства об избрании меры пресечения, представленного органом предварительного расследования, после завершения 48-часового срока задержания подозреваемого. При этом возникает вопрос о юридических основаниях нахождения такого лица в помещении для конвоя и препровождения его конвоем в зал судебного заседания.

В научных исследованиях рассмотрению данной проблемы не уделено соответствующего внимания. Однако можно выделить два подхода к ее решению: 1) такое лицо после его доставления конвоем в суд переходит в распоряжение суда, и рассматривать ходатайство следователя или дознавателя суд может и по истечении 48-часового срока задержания. Дальнейшее удержание указанного лица может происходить по усмотрению конвоя; 2) поскольку данный случай нормативно не регламентирован, постольку удержание лица после окончания срока его задержания неправомерно и оно подлежит немедленному освобождению. Более того, порядок освобождения из изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых установлен законодательно в отличие от порядка освобождения из конвойного помещения.

В то же время согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» при отказе суда в удовлетворении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подозреваемый (обвиняемый) подлежит немедленному освобождению из-под стражи вне зависимости от того, истек ли 48-часовой срок с момента его задержания, за исключением случая избрания судом меры пресечения в виде залога*.

* О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2013 г. N 41; ред. от 24 мая 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации является актом официального толкования, обязательным для исполнения нижестоящими судами Российской Федерации. Согласно ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» вступившие в законную силу постановления федеральных судов, мировых судей и судов субъектов Российской Федерации, а также их законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения являются обязательными для исполнения всеми органами государственной власти и должностными лицами на всей территории Российской Федерации**. Таким образом, в соответствии с рекомендациями Пленума Верховного Суда Российской Федерации освобождение задержанного лица немедленно при отказе в удовлетворении ходатайства об избрании ему меры пресечения в виде заключения под стражу находится в компетенции федерального суда. Полагаем, что именно по этой причине на основании такого распоряжения конвой имеет право освобождать задержанных сразу, а не возвращать их в изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, если срок задержания еще не истек. В связи с этим представляется возможным дополнение ч. 4 ст. 94 УПК РФ указанием на обязательность немедленного освобождения в зале суда.

После избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу могут возникнуть основания для ее продления. Например, 28 мая 2018 г. Гагаринским районным судом Смоленской области в отношении Н. М. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу до 20 июля 2018 г. До указанного дня постановления о продлении срока содержания под стражей либо об отмене меры пресечения не поступало. Обвиняемый Н. М. в период с 20 до 25 июля 2018 г. находился в СИЗО без продленного в установленном законом

** О судебной системе Российской Федерации: федер. конституционный закон от 31 дек. 1996 г. N 1-ФКЗ; ред. от 8 дек. 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 1. Ст. 1; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

порядке срока содержания под стражей, и мер по его освобождению из СИЗО в указанный период принято не было*.

В случае необходимости дальнейшего содержания под стражей подозреваемого или обвиняемого следователь либо дознаватель обращается в суд с ходатайством о продлении срока меры пресечения за 7 суток до его окончания. При отказе в удовлетворении ходатайства о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу судом выдаются копии постановления всем участникам заседания. Данный документ обычно не содержит оснований к немедленному освобождению заключенного под стражу, если прямо не отменяет изданного ранее постановления об избрании рассматриваемой меры пресечения. Следовательно, указанные лица на законных основаниях конвоируются в изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел или СИЗО.

Согласно ст. 109 УПК РФ суд должен обеспечивать не только процессуально правильное, но и своевременное рассмотрение вопроса о продлении содержания под стражей до истечения срока, установленного предыдущим судебным решением. В связи с этим, как отмечает В.Н. Курченко, «следует обращать внимание на предыдущие судебные решения о мере пресечения. В судебной практике имеются случаи, когда суды, не выяснив вопрос о дате окончания срока содержания под стражей, установленной предыдущим судебным решением, рассматривают ходатайство о продлении меры пресечения уже за пределами ранее установленного срока содержания обвиняемого под стражей. К примеру, один из судов г. Екатеринбурга 18 марта 2014 г. продлил срок содержания под стражей в отношении обвиняемого Н. Однако срок действия избранной ранее Н. меры пресечения, установленный предыдущим судебным решением, истек 17 марта 2014 г.» [7, с. 42].

Порядок отмены или изменения меры пресечения регламентирован ст. 110

УПК РФ, в соответствии с которой этот вопрос отнесен к компетенции следователя (дознателя), чье решение должно быть согласовано с руководителем следственного органа (прокурором), а также судом.

Таким образом, законодательство наделяет орган предварительного следствия всеми полномочиями по принятию самостоятельного решения об отмене или изменении меры пресечения в виде заключения под стражу, оставляя на усмотрение лица, ведущего расследование, и руководителя следственного органа обоснованность и законность применения указанной нормы права [8, с. 54].

Одним из альтернативных деяний, предусмотренных ст. 313 УК РФ, является побег из-под стражи, совершенный лицом, находящимся в предварительном заключении. Таким действием может явиться оставление места содержания (в том числе места временного содержания – помещения суда) подозреваемым либо обвиняемым в указанных выше случаях.

В протоколе задержания указываются обязательные установочные данные, а также точное время его составления и момент задержания, от которого начинает исчисляться 48-часовой срок. По истечении срока задержания лицо должно освобождаться немедленно, иначе произойдет нарушение его прав при незаконном удержании. В данном случае отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 313 УК РФ, ввиду отсутствия субъекта преступления.

Если срок задержания лица не истек, но вынесено судебное решение об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении данного лица под стражу, указанный подозреваемый не будет являться субъектом преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, только в случае его законного освобождения соответствующим постановлением должностных лиц, имеющих на это право. Если постановление об освобождении не поступает и при этом совершается самовольный выход из-под надзора и контроля правоохранительных органов, то происходит нарушение ранее избранной меры – задержания, то есть побег из-под стражи.

При вынесении судебного решения об отказе в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей

* Постановление Вяземского районного суда Смоленской области от 29 июля 2019 г. по делу N 1-151/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

освобождение такого лица будет незаконным, если срок предыдущего продления заключения под стражу не истек либо не окончен срок данной меры пресечения, избранной ранее. При самовольном оставлении места содержания таким обвиняемым будет иметь место совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 313 УК РФ, а при его освобождении конвоем — должностное преступление.

В ходе изучения материалов судебной практики по рассмотрению ходатайств об избрании (продлении) меры пресечения в виде заключения под стражу выявлено, что при отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судом используется формулировка «освободить из-под стражи в зале суда» (а именно освободить из-под охраны конвоя, так как мера пресечения в виде заключения под стражу в таких случаях не избирается), с помощью которой снимаются все вышеуказанные вопросы. В результате изучения постановлений судов установлено, что не во всех из них имеется указание о немедленном освобождении подозреваемого или обвиняемого из-под стражи. Таким образом, правоприменительная практика не является единообразной.

Отказывая в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, суд вправе избрать задержанному мере пресечения в виде домашнего ареста. В постановлении суда может быть решен вопрос о немедленном освобождении подозреваемого из-под стражи, либо он снимается в связи с избранием новой меры пресечения.

В качестве примера можно привести выдержку из постановления Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики: «Постановлением Нальчикского городского суда в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого отказано.

Постановлено избрать подозреваемому мере пресечения в виде домашнего ареста... Постановлено освободить подозреваемого из-под стражи немедленно»*.

* Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 7 апр. 2015 г. по делу N 22К-212/2015 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

Если обратиться к вынесению такого процессуального акта, как приговор, то следует отметить, что практически в каждом случае осужденный (оправданный) при наличии оснований должен освобождаться немедленно: «Меру пресечения М. в виде заключения под стражу отменить. Освободить М. из-под стражи в зале суда»**.

Вместе с тем суд, объявляя свое решение, может потребовать немедленно освободить подозреваемого или обвиняемого, а машинописный вариант постановления издать позднее. Без получения заверенного подписью председательствующего и удостоверенного его печатью документа освобождение лица, находящегося под стражей, невозможно.

Например, президиумом Самарского областного суда вынесено постановление о немедленном освобождении из-под стражи и избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде***. Осужденный был освобожден только после поступления в СИЗО соответствующего постановления, указание на «немедленное освобождение» не могло быть исполнено по объективным причинам.

В связи с вышеизложенным предлагаем помещать для конвоя в здании суда, а также залы судебных заседаний включить в перечень мест содержания под стражей, предусмотренный Федеральным законом «О содержании под стражей». В этом случае начальник конвоя или руководитель подразделения охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых будет наделен функцией освобождения подозреваемого или обвиняемого в суде по истечении срока его задержания в распоряжении конвоя. Кроме того, предлагаем законодательно закрепить положение об освобождении таких лиц конвоем по распоряжению суда.

Полагаем, что действия сотрудников охранно-конвойных подразделений при решении вопросов освобождения или удержания лиц, задержанных либо заклю-

** Приговор Заволжского районного суда г. Твери Тверской области от 9 июля 2015 г. по делу N 1-138/2015 // Там же.

*** Решение Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 24 июля 2015 г. по делу N 2-5016/2015 // Там же.

ченных под стражу, должны быть основаны на конкретных положениях нормативных правовых актов.

В целях совершенствования деятельности охранно-конвойных подразделений в условиях реализации принципа законности при освобождении подозреваемых и обвиняемых из-под стражи предлагается внести изменения в соответствующие нормативные правовые акты.

1. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» дополнить положениями, расширяющими перечень мест содержания под стражей, а также основаниями освобождения из них, что, в свою очередь, позволит совершенствовать механизм освобождения из-под стражи подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений:

– статью 7 дополнить абзацем следующего содержания: «При принятии подозреваемых и обвиняемых в распоряжение конвоя местами содержания под стражей также следует признавать места, в которых указанные лица будут находиться под законной охраной и надзором конвоя

(помещение для конвоя в здании суда, залы суда)»;

– в статье 12 в перечень начальников мест содержания под стражей включить руководителя подразделения охраны и конвоирования и (или) начальника конвоя;

– статью 49 дополнить следующим основанием освобождения подозреваемых и обвиняемых из-под стражи: «... постановление руководителя (или начальника конвоя) подразделения охраны и конвоирования в связи с истечением установленного законом срока содержания под стражей».

2. С целью соблюдения принципа законности при освобождении подозреваемых и обвиняемых в зале суда предлагается законодательно закрепить порядок такого освобождения. В связи с этим представляется необходимым дополнение ч. 4 ст. 94 УПК РФ фразой: «В случае, если в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судом отказано, подозреваемый освобождается немедленно, вне зависимости от того, истек срок его задержания или нет».

Список источников

1. Герасимова Н.П. Пределы правового регулирования деятельности государства и органов внутренних дел в разрешении социальных противоречий // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. N 2 (3). С. 61-65.
2. Иванов Р.Л. Пределы правового регулирования: понятие и виды // Вестник ОмГУ. Сер.: Право. 2011. N 4. С. 6-18.
3. Решетникова Н.А. Проблемные вопросы, возникающие при избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Университета «Кластер». 2022. N 1. С. 106-112.
4. Белоцерцев С.М., Балашова А.А. Проблемы, возникающие при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. N 1 (80). С. 16-23.
5. Сеницын Е.И., Архипов С.Н. Типичные нарушения законности сотрудниками подразделений охраны и конвоирования во время несения службы // Полицейская деятельность. 2021. N 1. С. 44-50.
6. Краснов И.А. Специфика законности в федеративном государстве: на примере Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2007. 222 с.
7. Курченко В.Н. Заключение под стражу: типичные ошибки // Законность. 2015. N 8. С. 41-45.
8. Тарасенко Е.А. Полномочия органов предварительного следствия по отмене или изменению меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2017. N 11. С. 53-55.

References

1. Gerasimova N.P. Limits of legal regulation of the activities of the state and internal affairs bodies in resolving social contradictions. Law and order: history, theory, practice, 2014, no. 2 (3), pp. 61-65. (In Russ.).
2. Ivanov R.L. Limits of legal regulation: concept and types. Bulletin of Omsk State University. Series: Law, 2011, no. 4, pp. 6-18. (In Russ.).
3. Reshetnikova N.A. Problematic issues arising when choosing a preventive measure in the form of detention in relation to a suspect (accused). Bulletin of the University "Cluster". 2022, no. 1, pp. 106-112. (In Russ.).

4. Belozertsev S.M., Balashova A.A. Problems arising when choosing a preventive measure in the form of detention. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 1 (80), pp. 16-23. (In Russ.).

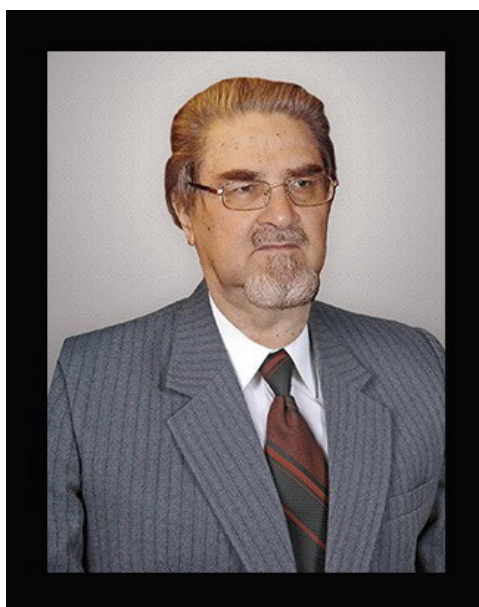
5. Sinitsyn E.I., Arkhipov S.N. Typical violations of the rule of law by employees of security and escort units during service. Police activity, 2021, no. 1, pp. 44-50. (In Russ.).

6. Krasnov I.A. Specifics of legality in a federal state: on the example of the Russian Federation. Doct. Diss. Kazan, 2007. 222 p. (In Russ.).

7. Kurchenko V.N. Detention: typical mistakes. Legality, 2015, no. 8, pp. 41-45. (In Russ.).

8. Tarasenko E.A. The powers of the preliminary investigation bodies to cancel or change the preventive measure in the form of detention. Legality, 2017, no. 11, pp. 53-55. (In Russ.).

Раздел 8. In memoriam

Светлой памяти профессора Лунеева Виктора Васильевича...

6 января 2022 года на 89-м году жизни навсегда остановилось сердце всемирно известного ученого-криминолога и крупнейшего специалиста в области уголовного права Виктора Васильевича Лунеева.

Виктор Васильевич Лунеев — доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции в отставке, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, автор более 300 опубликованных работ.

Виктор Васильевич прожил трудную в отдельные периоды, но очень интересную, насыщенную и плодотворную жизнь, которую он, в свойственной ему манере виртуозного владения словом, изложил в своих мемуарах «Зачем живу?». Интересно, что эта книга больше даже не о нем, а о людях и событиях, которые его сопровождали на протяжении всей жизни. Нашлось в этих воспоминаниях место и его учителям, и семье, и коллегам, и ученикам. В этом весь Виктор Васильевич Лунеев. Никогда не ставя свои собственные интересы выше интересов окружающих, всегда заботился прежде о других, оказывая огромную поддержку словом и делом.

Одни знают Виктора Васильевича как величайшего ученого, внесшего свой вклад в развитие отечественной и мировой науки

уголовного права и криминологии, другим посчастливилось быть знакомым с ним и общаться не только по рабочим вопросам.

Виктор Васильевич родился 16 февраля 1932 года в с. Вознесенское Поречского района Чувашской АССР. Детство, выпавшее на годы Великой Отечественной войны, и его огромное человеколюбие предопределили выбор профессии. Первое полученное им образование — медицинское. В дальнейшем его высокое чувство справедливости, пытливость ума и приученность к порядку привели после долгих сомнений к профессии военного юриста. Полученный профессиональный опыт работы в следственных подразделениях военной прокуратуры Приволжского военного округа и богатейший эмпирический материал Виктор Васильевич блестяще реализовал в своей кандидатской диссертации «Мотивация воинских преступлений», которую защитил в 1970 году. Продолжая военную службу, в 1980 году В.В. Лунеев представил к защите докторскую диссертацию на тему «Криминологические проблемы предупреждения преступного поведения военнослужащих».

После завершения военной службы в 1988 году Виктор Васильевич был приглашен в Институт государства и права Академии наук СССР на должность главного научного сотрудника сектора уголовного права и криминологии. В дальнейшем он возглавил этот сектор.

Профессор В.В. Лунеев в составе правительственной делегации принимал участие в работе VIII (Гавана, 1990) и X (Вена, 2000) Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, был экспертом ассоциированного с ООН Европейского института по анализу преступности (HEUNI, Финляндия), выступал с докладами на международных конференциях в Швеции, Болгарии, Финляндии, США, Венгрии, Италии.

Крупные издательства были рады публиковать его труды. Долгие годы Виктор Васильевич сотрудничал с ведущими в юридической отрасли научными журналами, в том числе являлся членом редакционной коллегии журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика».

Под руководством Виктора Васильевича подготовлены сотни научных работ, защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право. Жизнь и научными перспективами своих учеников Виктор Васильевич интересовался не только в период подготовки диссертационных исследований, но и после их успешной защиты.

Его пронизательный ум, интеллигентное чувство юмора сочетались с высокой организованностью и требовательностью к себе и к своим ученикам. Радость от общения с великим Мастером навсегда останется в нашей памяти.

Коллектив Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России выражает глубокие соболезнования родным и близким Виктора Васильевича Лунеева и передает самые теплые слова поддержки.